

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

СПЯЩИЙ ПРОСЫПАЕТСЯ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Спящий просыпается
Герберт Джордж Уэллс

Аннотация
Герберт Джордж Уэллс. Спящий просыпается
Глава I. Бессонница
Глава II. Летаргия
Глава III. Пробуждение
Глава IV. Шум мятежа
Глава V. Движущиеся мостовые
Глава VI. Зал атланта
Глава VII. В комнатах безмолвия
Глава VIII. На крышах
Глава IX. Народ поднимается
Глава X. Схватка в темноте
Глава XI. Старик, который все знал
Глава XII. Острог
Глава XIII. Конец старого порядка
Глава XIV. Вид из «Вороньего гнезда»
Глава XV. Высшее общество
Глава XVI. Моноплан
Глава XVII. Три дня
Глава XVIII. Грэм вспоминает
Глава XIX. Точка зрения острога
Глава XX. На городских путях

Глава XXI. Подземелье
Глава XXII. Борьба в здании совета
Глава XXIII. Грэм говорит свое слово
Глава XXIV. Пока приближались аэропланы
Глава XXV. Налет аэропланов

Аннотация

Роман, над которым Герберт Уэллс работал 13 лет, неоднократно переписывая и дополняя его. Благодаря полету фантазии автора читатель видит будущее, в котором стремительно развиваются высокие технологии. Образованный, дальновидный, Уэллс предвидел появление самолетов, космических путешествий и многое другое.

Совершенно обычный английский джентльмен конца XIX века Грэхем засыпает – и просыпается в будущем.

В очень, очень далеком будущем.

В будущем, в котором его называют Спящим, – и в котором он является самым могущественным человеком процветающей и благоденствующей планеты Земля… так, по крайней мере, следует из информации, предоставленной Грэхему.

Однако очень скоро Спящий начинает осознавать: жизнь людей изменилась, но ничуть не улучшилась и далеко не все рады пробуждению Грэхема…

В формате a4.pdf сохранен издательский

макет книги.

Герберт Джордж Уэллс
Спящий просыпается

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *И. Левшина*

В настоящем издании публикуется перевод последней авторской редакции романа, впервые напечатанного под названием «Когда Спящий проснется»
(«When the Sleeper Wakes») в 1899 г.

© Перевод. И. Левшин, наследники, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава I
Бессонница

Однажды, в послеполуденный час, молодой художник Избистер, поселившийся в Боскасле, отправился пешком к живописному морскому гроту в Пентаргене, намереваясь изучить во время отлива здешние пещеры. Спускаясь по крутой тропинке, ведущей к пентаргенскому пляжу, он наткнулся на человека, который с видом крайнего отчаяния сидел под нависающей каменной глыбой. Руки его вяло свисали с коленей, лицо было мокрым от слез, а покрасневшие глаза уставились в пространство.

Заслышав шаги Избистера, человек оглянулся. Оба смутились, особенно Избистер, и, чтобы преодолеть неловкость, вызванную невольной паузой, он многозначительно заметил, что погода стоит жаркая для этого времени года.

— Даже очень, — коротко ответил незнакомец и, задумавшись на секунду, невыразительным голосом добавил: — Я не могу спать.

Избистер резко остановился возле него.

— Не можете спать? — только и сумел произне-

сти он, но в его тоне явно чувствовалось желание помочь.

— Возможно, это звучит невероятно, — сказал незнакомец, глядя в лицо Избистеру и подчеркивая свои слова слабым движением руки, — но я уже шесть ночей не сомкнул глаз.

— Вы советовались с врачом?

— Да. Его советы по большей части для меня не годятся. Успокоительные средства. Понимаете, моя нервная система… Все они хороши для обычных людей. Это трудно объяснить. Я не отваживаюсь принимать… достаточно сильные снотворные.

— Это усложняет дело, — сказал Избистер.

Он озадаченно стоял на узкой тропинке, не зная, что делать дальше. Этот человек явно хотел поговорить. Мысль, вполне естественная в таких обстоятельствах, подсказала художнику ход дальнейшей беседы.

— Сам я никогда не страдал бессонницей, — сказал он скучным тоном, — но в случаях, которые мне известны, люди обычно находили что-то…

— Я опасаюсь экспериментов, — усталым голосом произнес незнакомец и безнадежно махнул рукой.

— А физические упражнения? — неуверенно

предложил Избистер, переводя взгляд с лица собеседника на его костюм туриста.

— Именно это я и попробовал. И поступил, по-видимому, не слишком умно. Я двигался вдоль берега день за днем — от самого Нью-Куэя. И только добавил мышечную усталость к нервной. Причины этого расстройства — переутомление, тревога… К тому же…

Он замолчал, словно от усталости ему трудно было говорить. Затем, коснувшись лба исхудалой рукой, продолжал, как бы беседуя с самим собой:

— Я один, словно волк, ушедший из стаи. Скитаюсь по свету, который мне чужд. Ни жены нет у меня, ни детей. Кто это сказал о бездетных людях, что они — усохшие ветви на дереве жизни? Да, ни жены, ни детей. Не могу найти себе занятия. Сердце мое свободно от желаний. И в конце концов я решил взяться за определенное дело.

Я сказал себе: «Ты просто должен это сделать». Но чтобы начать, нужно было преодолеть инерцию моего отупевшего тела. Я прибегнул к лекарствам. Боже, сколько я их перепробовал! Не знаю, ощущали ли вы когда-нибудь это тяжкое неудобство от собственного организма, эту раздражающую настойчивость, с которой он отбирает время у вашего сознания, и время это —

жизнь! Жизнь! Мы живем урывками. Мы обязаны есть, но после этого наступает либо тупая сытая удовлетворенность, либо наоборот — возбуждение. Нам необходимо дышать свежим воздухом, иначе мысли становятся ленивыми, глупыми и заводят нас в глухие закоулки и тупики. Тысячи отвлекающих ощущений вторгаются в наше сознание извне и изнутри, а затем приходят сонливость и дремота. Похоже, люди живут для того, чтобы спать. Сколь малая часть дня, прожитого человеком, принадлежит ему самому — даже в самом лучшем случае! А потом появляются эти фальшивые друзья, эти помощники-душители, эти алкалоиды, которые подавляют естественное утомление и убивают сон — черный кофе, кокаин…

— Я понимаю, — сказал Избистер.

— Наконец я закончил свою работу, — жалобно произнес человек, страдающий бессонницей.

— И теперь расплачиваетесь?

— Да.

Некоторое время они молчали.

— Вы представить себе не можете, как страстно я желаю заснуть. Это сродни голоду или жажде. Уже шесть долгих дней и ночей — с момента, как я завершил свой труд, — в мозгу моем бушует

водоворот мыслей, нескончаемый вихрь, одновременно стремительный — и стоящий на месте, бурный — и никуда не ведущий. Он неудержимо толкает меня… — Незнакомец сделал паузу. — Толкает меня в бездну.

— Вы должны уснуть, — решительно сказал Избистер, с таким видом, словно открыл спасительное средство. — Определенно, вам необходимо уснуть.

— Мой ум ясен, как никогда прежде. Однако я чувствую, что меня затягивает водоворот. И теперь…

— Что теперь?

— Видели когда-нибудь, как предметы исчезают в пучине, уходят от света дня, из этого доброго, осмысленного мира — вниз?..

— Однако… — запротестовал Избистер.

Незнакомец вдруг протянул к нему руку, в его глазах появился дикий блеск, голос сорвался на крик.

— Я должен покончить с собой. Пусть даже в этой темной бездне под утесом, в зеленых волнах. Глядите, белая пена вздымается и опадает там, куда стекает тонкая струйка водопада. Там, по крайней мере… сон.

— Но это безрассудство, — возразил Избистер;

его напугал истерический взрыв эмоций, охвативших незнакомца. — Уж лучше лекарства.

— Там, по крайней мере, сон, — повторил незнакомец, не обращая внимания на его слова.

Избистер посмотрел на него.

— Знаете ли, это не наверняка. Похожий обрыв есть возле Лалуортской бухты — такой же высокий, по крайней мере. Так с него упала маленькая девочка, с самого верха. И представьте себе, осталась жива и здорова.

— Ну, а эти скалы внизу?

— На них можно пролежать всю ночь. Ледяная вода будет перекатываться через ваше тело, а изломанные кости скрипеть, когда вы будете дрожать от холода. Каково?

Их глаза встретились.

— Жаль, что приходится вас разочаровывать, — продолжал Избистер тоном холодного безразличия, — но покончить с собой, бросившись с этого — или любого другого — утеса, мне как художнику, — он рассмеялся, — представляется несомненным любительством.

— Но с другой стороны, — раздраженно сказал человек, страдающий бессонницей, — с другой стороны, невозможно сохранить рассудок, если ночь за ночью…

— Вы идете вдоль берега один?

— Да.

— И глупо поступаете, простите меня за грубость. Один! Вы же сами сказали: физическая усталость не лечит от нервного переутомления. Кто вам это посоветовал? Чему тут удивляться, хороша прогулка! Солнце над головой, жара, усталость, одиночество, и так весь день, а потом, полагаю, добравшись до кровати, вы изо всех сил стараетесь заснуть. Так?

Избистер умолк и вопросительно посмотрел на страдальца.

— Взгляните на эти скалы! — вдруг воскликнул незнакомец и взмахнул рукой, не вставая с места. — Взгляните на это море, которое сверкает и трепещет здесь из века в век! Посмотрите на белую пену, падающую во тьму под этим утесом! На голубой купол, с которого льются лучи ослепительного солнца. Это ваш мир! Вы принимаете его, он вас радует. Он согревает, поддерживает вас, вы наслаждаетесь им. Но для меня…

Он поднял голову. Его мертвенно-бледное лицо с воспаленными, выцветшими глазами и бескровным ртом было страшно. Он произнес почти шепотом:

— Это лишь облачение моего несчастья. Весь

мир… великолепная риза моего страдания.

Избистер взглянул на дикую красоту залитых солнцем утесов, затем на полное безысходности лицо незнакомца. С минуту длилось молчание. Потом художник сделал нетерпеливый жест и заговорил.

— Сон вернется к вам, — сказал он. — И вы не будете во всем видеть только страдание. Даю вам слово.

Теперь он был уже уверен, что эта встреча не случайна. Еще час назад он ощущал ужасающую скуку. Теперь появилась задача, одна мысль о которой вызывала у него восхищение самим собой. Она немедленно захватила его полностью. Он понял, что этому изможденному существу прежде всего необходимо участие. Избистер опустился на крутой, травянистый склон рядом с неподвижно сидящей фигурой и попытался развлечь незнакомца болтовней.

Слушатель, однако, впал в апатию; он уныло смотрел на море, отвечая только на прямые вопросы Избистера, да и то не на все. С другой стороны, он не возражал против благожелательного вмешательства в его отчаянное положение.

Казалось, он был даже благодарен за это, и, когда Избистер, чувствуя, что его красноречие, не

встречая отклика, начинает иссякать, предложил снова подняться по крутизне и пройти в сторону Боскасла, чтобы полюбоваться на Блэкапит, он спокойно подчинился. Пройдя половину пути наверх, он начал говорить сам с собой и вдруг повернул бледное лицо к Избистеру.

— К чему это приведет? Все кружится, кружится, кружится. Все непрестанно вертится, вертится — и этому вращению нет конца.

Он остановился, описывая круги рукой.

— Все будет в порядке, старина, — приятельским тоном успокоил его Избистер. — Не волнуйтесь. Доверьтесь мне.

Незнакомец безвольно опустил руку. Они перевалили через край обрыва и вышли на мыс за Пеналли, а человек, лишившийся сна, все жестикулировал и бормотал обрывки фраз, возникающих в его взвихренном мозгу. С мыса открывался вид на мрачный и таинственный пейзаж Блэкапита. Они остановились, и незнакомец присел на минуту передохнуть. Когда тропинка расширилась настолько, что позволила им идти рядом, Избистер продолжил разговор. Он начал было распространяться о трудностях проводки судов в Боскаслскую гавань при плохой погоде, но спутник неожиданно и, пожалуй, не к

месту перебил его.

— Голова у меня не та, что раньше, — сказал он, — совсем не та. Я ощущаю какую-то тяжесть, угнетенность. Но — не сонливость, а бог его знает что! Это словно тень, глубокая тень, быстро и внезапно окутывающая нечто деятельное, активное. Все кружится, кружится и погружается во тьму. Замешательство в мыслях, смятение, водоворот за водоворотом. Не могу этого выразить. Не могу сосредоточиться на этом ощущении, чтобы объяснить вам.

Он умолк.

— Не беспокойтесь, старина, — сказал Избистер. — Кажется, я понял. Во всяком случае, сейчас не время вдаваться в объяснения.

Незнакомец принялся тереть глаза кулаками. Избистер продолжал свою болтовню, и вдруг ему в голову пришла новая идея.

— Пойдемте ко мне, — предложил он, — посидим, покурим. Могу показать вам свои этюды Блэкапита, если вы не против.

Его спутник послушно поднялся и последовал за художником по склону. Он двигался медленно, неуверенно и несколько раз споткнулся во время спуска.

— Заходите, — сказал наконец Избистер. — Вы-

курите сигарету. Глоток спиртного вам тоже, думаю, не повредит. Вы вообще употребляете алкоголь?

Незнакомец задержался у садовой калитки. Казалось, он не отдает себе отчета в своих действиях.

— Я не пью, — медленно произнес он, вступая на дорожку, и, спустя минуту, с отсутствующим видом повторил: — Нет… я не пью. Все идет кругом. Все кружится, вращается… — Споткнувшись на крыльце, он вошел в дом походкой незрячего человека.

В комнате незнакомец тяжело опустился в кресло. Согнулся, обхватил лоб руками и застыл в неподвижности. Из его груди вырвался слабый стон.

Избистер, не привыкший принимать гостей, беспокойно расхаживал взад-вперед, произнося короткие фразы, которые вряд ли требовали ответа. Прошел в другой конец комнаты за папкой этюдов, положил ее на стол и взглянул на каминные часы.

— Не согласитесь ли поужинать со мной, — сказал он, держа в руке незажженную сигарету и думая, как бы незаметно заставить гостя принять хлоралгидрат. — У меня есть только холодная

баранина, но замечательно приготовленная. По-уэльски. И кажется, еще пирог.

Он помолчал и повторил свое предложение. Незнакомец не отвечал. Избистер остановился с зажженной спичкой в руке и посмотрел на него.

Молчание затягивалось. Спичка догорела, сигарета осталась нераскуренной, и Избистер положил ее на стол. Человек в кресле оставался совершенно неподвижным. Избистер взял папку, открыл ее, неуверенно положил назад.

— А может быть… — произнес он шепотом. Посмотрел на дверь, потом снова на фигуру в кресле. Затем крадучись, на цыпочках вышел из комнаты, оглядываясь на гостя при каждом шаге.

Дверь комнаты он затворил бесшумно. Входная дверь была распахнута в сад, он сошел с крыльца и остановился возле аконита, росшего в углу цветочной грядки. С этого места он мог видеть через открытое окно недвижную и смутную фигуру незнакомца, сидевшего, опустив голову на руки. Он так и не изменил позы.

Несколько детей, проходивших по улице, остановились и с любопытством уставились на художника. Какой-то лодочник поздоровался с ним. Избистер почувствовал, что его насторо-

женный вид привлекает внимание прохожих, и решил закурить, чтобы выглядеть естественнее. Он вытащил из кармана кисет, трубку и не спеша стал ее набивать.

— Странно, — сказал он, чувствуя, как его покидает прежнее чувство самодовольства. — Что ж, во всяком случае, надо дать ему такую возможность.

И, решительно чиркнув спичкой, принялся раскуривать трубку.

Позади послышались шаги квартирной хозяйки — она вышла из кухни с зажженной лампой. Избистер повернулся, замахал трубкой и успел задержать хозяйку на пороге гостиной. Шепотом он кое-как попытался объяснить ей, в чем дело, — ведь она ничего не знала о его госте. Хозяйка удалилась вместе с лампой, судя по всему, не вполне удовлетворенная объяснениями, а он остался возле крыльца, чувствуя себя очень неловко.

Прошло порядочно времени после того, как он докурил трубку, и летучие мыши уже вылетели на ночную охоту, когда любопытство возобладало наконец над нерешительностью и он пробрался обратно в темную гостиную. Остановился возле дверей. Незнакомец сидел все в той же позе

— темная фигура на фоне окна. Вечер был тихий — только из гавани, с одного из суденышек, перевозивших сланец, доносилось пение. В саду побеги аконита и дельфиниума стояли прямо и неподвижно, за ними вздымался темный склон холма. Неожиданно в мозгу Избистера мелькнула догадка. Он вздрогнул и, наклонившись через стол, прислушался. Зловещее подозрение усилилось и превратилось в уверенность. Изумление сменилось ужасом.

Ни малейшего звука не исходило от сидящей фигуры, ни намека на дыхание!

Избистер медленно и бесшумно обошел стол, дважды останавливаясь, чтобы прислушаться. Наконец рука его дотронулась до спинки кресла. Он нагнулся, почти коснувшись ухом головы сидящего.

Затем чуть присел и, заглянув в лицо своего гостя, отшатнулся. Избистер вскрикнул: вместо глаз он увидел пустые белые пятна.

Вглядевшись внимательнее, художник понял, что глаза незнакомца открыты, но зрачки закатились под веки. Избистер испугался. Он схватил гостя за плечо и стал трясти.

— Вы спите? — спросил он дрожащим голосом и повторил: — Вы спите?

Теперь он был почти уверен, что этот человек умер. Он вдруг засуетился, заметался по комнате и, наткнувшись на стол, позвонил.

— Пожалуйста, принесите побыстрее лампу, — крикнул он в коридор. — С моим другом плохо.

Он вернулся к неподвижной фигуре незнакомца, снова потряс его за плечи, окликнул. Вошла хозяйка с лампой, и комната наполнилась желтым сиянием. Избистер, моргая, повернул к хозяйке побледневшее лицо.

— Нужен врач, — сказал он. — Он либо мертв, либо в обмороке. Есть в этой деревне врач? Где тут можно найти врача?

Глава II
Летаргия

Состояние каталептического оцепенения, в которое впал незнакомец, длилось необычайно долго, а затем наступило расслабление, и тело стало мягким, как при глубоком сне. Тогда и удалось закрыть его глаза.

Из гостиницы его доставили в боскаслскую больницу, а оттуда через несколько недель перевезли в Лондон. Однако все попытки разбудить его были напрасны. А через некоторое время по причинам, которые будут разъяснены позднее, они были вовсе прекращены. Очень долго он пролежал в этом странном состоянии, бесчувственный и недвижимый — не живой и не мертвый, словно подвешенный между бытием и небытием. Он находился во тьме, куда не проникал ни малейший луч мысли или чувства. Это была лишенная сновидений пустота, ничем не нарушаемый бескрайний покой. Смятение его разума все нарастало и усиливалось, пока в момент кульминации вдруг не оборвалось абсолютным молчанием, полнейшей тишиной. Где

был теперь этот человек? Где оказываются люди, когда все чувства оставляют их?

— Кажется, что это случилось только вчера, — сказал Избистер. — Я помню все так ясно, словно это произошло вчера, даже еще более четко.

Это был тот же Избистер, что и в предыдущей главе, но уже немолодой. Волосы его, прежде каштановые и несколько более длинные, чем требовала мода, стали серо-стальными и были коротко острижены, а лицо, некогда свежее и румяное, пожелтело и осунулось. В остроконечной бородке тоже пробивалась седина. Избистер беседовал с пожилым человеком, одетым в летний тиковый костюм, — лето в этот год выдалось исключительно жаркое. Это был Уорминг, лондонский поверенный и близкий родственник Грэма — человека, впавшего в летаргию. Собеседники стояли рядом в комнате лондонского дома и смотрели на неподвижное тело.

Перед ними на резиновом матраце, наполненном водой, лежала странная фигура в длинной свободной рубашке — человек с изможденным желтым лицом, щетинистой бородой и отросшими ногтями на худых руках. Человек был помещен в прозрачный футляр из тонкого стекла. Стекло, казалось, выделяло спящего из окружа-

ющей его реальной жизни, он — этот странный и противоестественный феномен — был как бы обособлен от всего. Собеседники сквозь футляр разглядывали лежащего.

— Я был потрясен, — сказал Избистер. — До сих пор становится не по себе, как вспомню его пустые глаза. Совершенно белые, закатившиеся. Приехал сюда и как бы заново все переживаю.

— И вы не видели его с тех пор? — спросил Уорминг.

— Часто хотелось приехать, — признался Избистер, — но в последнее время я так занят, не могу выкроить и дня. К тому же по большей части я живу в Америке.

— Если не ошибаюсь, — заметил Уорминг, — вы были тогда художником?

— Да. Но потом женился и понял, что рисование не дает средств к существованию — особенно такому посредственному художнику. Я занялся фотографией. Эти рекламы на дуврских скалах выполнены под моим руководством.

— Отличные рекламы, — согласился поверенный, — хотя, должен признаться, я не очень обрадовался, увидев их именно на этом месте.

— Зато, если нужно, они могут прослужить столь же долго, сколько будут стоять эти скалы, —

с довольным видом объявил Избистер. — Мир меняется. Когда он заснул двадцать лет назад, я прозябал в Боскасле со своим этюдником для акварелей и старомодным благородным честолюбием. Я не мог и вообразить, что мои краски прославят все благословенное побережье Англии от Лендс-Энда до мыса Лизард. Удача часто приходит к человеку, когда он ее вовсе не ищет.

По лицу Уорминга было видно, что он все же сомневается, настоящая ли это удача.

— Именно тогда мы с вами разминулись, если я правильно припоминаю?

— Вы вернулись в том же самом экипаже, который доставил меня на Камелфордский вокзал. Это было во время юбилея — юбилея королевы Виктории[1]. Я помню трибуны и флаги в Вестминстере и ссору с извозчиком в Челси.

— Это был второй, бриллиантовый юбилей, — сказал Уорминг.

— Ах да! Во время настоящего юбилея, пятидесятилетия, я был еще мальчишкой и жил в Вуки. И все пропустил… Сколько же хлопот доставил нам этот спящий! Моя квартирная хозяйка не хотела держать его у себя, не позволяла его оставить

[1] Примечания: 1

Виктория (1819–1901) — королева Великобритании с 1837 г. *(Здесь и далее — примеч. ред.)*

— он выглядел таким странным, застывшим. Нам пришлось в кресле перенести его в гостиницу. Врач из Боскасла — не нынешний, а прежний — был при нем почти до двух ночи, а мы с хозяином гостиницы помогали ему, держали свет и все такое прочее.

— Он был твердый и окоченевший?

— Окоченевший, это точно. Как его не сгибали, он возвращался в прежнее положение. Можно было поставить его на голову — и он так бы и стоял. Никогда не видел такой окоченелости. Теперь, конечно, — он кивком показал на распростертое тело, — все по-другому. А этот маленький доктор — как его звали?

— Смизерс?

— Да, Смизерс. Он был, пожалуй, не прав, пытаясь привести его в сознание как можно скорее. Чего он только не делал! Меня до сих пор дрожь берет, как вспомню: горчичники, нюхательная соль, иглы. И еще эти дьявольские машинки — не динамо, а…

— Катушки индуктивности.

— Да. Вы бы только видели, как дергались и сокращались его мышцы, как извивалось в судорогах тело. Представьте только: две свечи, горящие ярким желтоватым светом, шевелящи-

еся тени, этот маленький суетливый доктор — и, наконец, он сам, окостеневший и в то же время корчащийся самым невероятным образом. До сих пор вижу это в кошмарах.

Наступила тишина.

— Какое странное состояние, — произнес наконец Уорминг.

— Полное отсутствие личности, — сказал Избистер, — перед нами только пустая телесная оболочка. Еще не совсем мертвая, но и не живая. Это словно свободное место с табличкой «занято». Никаких ощущений, пищеварение отсутствует, не слышно биения сердца, ни один мускул не дрогнет. Я не ощущаю здесь присутствия человека. В некотором смысле он даже более мертв, чем настоящий мертвец: врачи сказали мне, что даже волосы у него перестали расти. А после смерти волосы у покойника некоторое время еще растут.

— Я знаю, — помрачнев, ответил Уорминг.

Они снова посмотрели сквозь стекло. Грэм действительно находился в странном состоянии, в расслабленной стадии транса, беспрецедентной в истории медицины. Бывали случаи, когда состояние транса длилось около года, но в конце концов оно завершалось либо пробуждением, либо смертью — иногда сначала происходило

первое, а затем второе. Избистер обратил внимание Уорминга на следы уколов, с помощью которых врачи проводили внутривенное питание, но тот явно старался не замечать их.

— И пока он тут лежал, — продолжал Избистер, в голосе которого чувствовалось довольство жизнью, — я успел переменить свои жизненные планы; женился, обзавелся семьей. Мой старший сын — тогда я еще и не думал, что у меня будут сыновья, — американский гражданин и скоро закончит Гарвард. Я поседел. А этот человек не стал ни старше, ни умнее, чем был в мои молодые годы. Странно…

Уорминг повернулся к нему:

— Я тоже постарел. Я играл с ним в крикет, когда был совсем юнцом. А он все еще выглядит довольно молодым человеком. Правда, пожелтел. Однако, что ни говори, это молодой человек.

— За эти годы прошла война, — сказал Избистер.

— С первого дня до последнего.

— Ведь у него, если я не ошибаюсь, — сказал, помолчав, Избистер, — было небольшое состояние?

— Да, вы правы, — сказал Уорминг и закашлялся. — Но когда это произошло, я взял его под опеку.

— Ах так! — Избистер, поколебавшись, предположил: — Вряд ли его содержание здесь обходится слишком дорого. Так что состояние, наверное, приумножилось?

— Верно. Он проснется — если вообще проснется — куда богаче, чем был.

— Мне как деловому человеку приходила в голову мысль, что в финансовом смысле этот сон оказался для него весьма выгодным. И он знал, если так можно выразиться, что делал, погружаясь в летаргию на столь долгий срок. Если бы он жил все это время…

— Я сомневаюсь, что он устроил это намеренно, — сказал Уорминг. — Он не был дальновидным человеком. На самом деле…

— Что?

— Наши взгляды сильно расходились. Я был при нем кем-то вроде опекуна. Вы, вероятно, достаточно хорошо разбираетесь в делах и знаете, что в определенных случаях возникают некоторые трения… Впрочем, не думаю, что он когда-нибудь вообще проснется. Сон отнимает у человека силы медленно, но рано или поздно они все-таки исчерпаются. Это выглядит так, словно он очень медленно, но неуклонно сползает вниз по пологому склону. Вы понимаете меня?

— Очень жаль, если нам не удастся увидеть, как он изумится, когда проснется. За эти двадцать лет многое изменилось. Это было бы настоящим возвращением Рип Ван Винкля.

— Да, действительно перемены большие, — сказал Уорминг. — Между прочим, и со мной. Я стал стариком.

Избистер замялся, а затем изобразил запоздалое удивление:

— Никак бы этого не подумал.

— Мне было сорок три года, когда его банкиры — вы ведь посылали им телеграмму — обратились ко мне…

— Я нашел их адрес в чековой книжке, которая была у него в кармане, — сказал Избистер.

— Так вот, сложение не такое уж трудное арифметическое действие, — заметил Уорминг.

Они еще немного помолчали, а затем Избистер дал волю своему любопытству.

— Он может пролежать так еще многие годы, — сказал он, поколебался и продолжил: — Мы должны учитывать и такую возможность. Управление его имуществом в один прекрасный день может перейти в другие руки.

— Можете поверить мне, господин Избистер, это одна из тех проблем, над которыми я размыш-

ляю постоянно. Получилось так, что между нами не было достаточно надежных и доверительных отношений. Сложилась странная и беспрецедентная ситуация.

— Пожалуй, — согласился Избистер.

— Мне кажется, это должно послужить поводом для создания некоего общественного органа, который будет практически бессмертным опекуном, если он, как считают врачи — по крайней мере, некоторые, — в самом деле может когда-нибудь проснуться… Во всяком случае, я уже обратился с таким предложением к некоторым общественным деятелям. Но дело пока не сдвинулось с места.

— Право, неплохая мысль — передать его под опеку общественному органу, скажем, Совету попечителей Британского музея или Королевскому медицинскому колледжу. Это звучит несколько странно, но ведь и ситуация тоже не заурядная.

— Трудно будет уговорить их взять его под опеку.

— Много бюрократической волокиты?

— Отчасти.

Наступила пауза.

— Любопытная ситуация, — заметил Избистер. — А сложные проценты на капитал все

растут.

— Разумеется, — подтвердил Уорминг. — И теперь, когда сокращается золотой запас, намечается тенденция к росту цен.

— Да, я уже ощутил это, — поморщившись, сказал Избистер. — Но для него такая тенденция благоприятна.

— Если только он проснется.

— Да, если только он проснется, — повторил Избистер. — А вы заметили, как у него заострился нос и ввалились глаза?

Уорминг внимательно посмотрел на спящего и задумался.

— Сомневаюсь, что он когда-нибудь проснется, — сказал он наконец.

— Я так толком и не понял, — признался Избистер, — что явилось причиной этой летаргии. Он, правда, говорил мне о переутомлении. Я часто задумывался, чем он был так занят?

— Он был человеком одаренным, но эмоциональным и порывистым. Его преследовали семейные неприятности. С женой он развелся и, чтобы отвлечься, ударился в политику, причем со всей страстью. Он сделался фанатиком-радикалом — не то социалистом, не то типичным либералом передового направления, как они себя

называли. Энергичный, взбалмошный и необузданный, он просто надорвался в полемических баталиях. Помню его памфлет — любопытное произведение. Дикое, причудливое! Там, кстати, было высказано несколько пророчеств. Некоторые из них лопнули, но о других сейчас можно говорить как о свершившемся факте. Прежде всего, читая его записки, начинаешь понимать, что наш мир полон неожиданностей. Ему придется многому учиться и от многого отвыкать, когда он проснется. Если пробуждение вообще когда-нибудь наступит.

— Чего бы я только не отдал, — проговорил Избистер, — чтобы услышать его слова.

— И я, — подхватил Уорминг. — Ах, как мне этого хотелось бы! Но, увы, — добавил он с неожиданной стариковской жалостью к себе, — мне не доведется увидеть его пробуждения.

Он помолчал, задумчиво глядя на восковую фигуру, лежащую перед ним.

— Нет, он не проснется, — сказал он наконец и вздохнул. — Он никогда не проснется.

Глава III
Пробуждение

Но Уорминг ошибся. Пробуждение все-таки наступило.

Что за удивительная и сложная штука — ощущение собственной личности как некоего единства! Кто способен проследить ежеутреннее ее возрождение — от слияния бесчисленных потоков переплетающихся воздействий, от смутных движений просыпающейся души, от того момента, когда бессознательное начинает расти и переходит в подсознательное, а подсознательное преображается в первые проблески сознания — пока мы наконец снова распознаем черты собственной личности? Все, что происходит с большинством из нас утром во время пробуждения, переживал и Грэм, когда закончился его длительный сон. Смутный туман возрождающихся ощущений, мрачно клубясь, обретал форму, и Грэм, пока еще не ясно, начал понимать, что лежит где-то, беспомощный, слабый — но живой.

Это паломничество к собственной личности ему пришлось совершить, преодолевая бездон-

ные пропасти, заполняя пропущенные эпохи. Чудовищные сны, некогда бывшие грозной реальностью, оставили после себя невнятные воспоминания, где в странных сценах участвовали загадочные персонажи, и все происходило словно на другой планете. Было здесь и четкое впечатление от важного разговора, от имени — он не мог вспомнить чьего, — которое должно было впоследствии снова возникнуть. Вернулось странное, давно позабытое ощущение собственных вен и мускулов, память о яростных безнадежных усилиях, тщетных усилиях человека, сползающего во тьму. Затем возник ряд зыбких, переливающихся одна в другую картин…

В конце концов Грэм обнаружил, что глаза его открыты и он смотрит на какой-то незнакомый предмет.

Это было что-то белое, какая-то деревянная рама. Он медленно повернул голову, следуя глазами за контуром предмета. Рама уходила куда-то вверх и исчезала из его поля зрения. Он попытался сообразить, где находится. Впрочем, имело ли это значение, если ему так плохо? Мрачное, подавленное настроение опять охватило его. Безотчетная тоска, которая бывает у людей, проснувшихся незадолго до рассвета. Ему

почудился неясный шепот и звук быстро удаляющихся шагов.

Первое же движение головой показало ему, как он ослаб. Он подумал, что лежит в гостинице, в постели, но никак не мог припомнить, где видел эту белую раму. Он, наверное, заснул. Он вспомнил, как ему хотелось спать, вспомнил утес, и маленький водопад, и какой-то разговор со случайным прохожим…

Как долго он проспал? Что это был за стук шагов, и откуда доносился нарастающий и опадающий звук, похожий на шум разбивающихся волн и шорох гальки? Грэм вяло протянул руку, чтобы взять часы со стула, на который он привык их класть, но пальцы натолкнулись на гладкую твердую поверхность, по ощущению похожую на стекло. Это вышло так внезапно, что он сильно перепугался. Резко повернувшись, Грэм огляделся и с трудом сел. Усилие далось нелегко, вызвало приступ слабости и головокружения.

Он в изумлении протер глаза. Загадочность положения смущала его, но голова была совершенно ясной: видимо, сон пошел на пользу. Он был вовсе не в постели — в привычном значении этого слова. Совершенно голым он лежал на очень мягком и податливом матраце, постеленном в

лотке из темного стекла. Матрац был полупрозрачный — Грэм отметил это с опаской, — а внизу располагалось зеркало, смутно отражавшее его фигуру. К его руке — он с содроганием увидел, что кожа странно высохла и пожелтела, — был прикреплен непонятный прибор, сделанный из резины, прикреплен так искусно, что, казалось, его верхний и нижний края проникают в кожу. Это странное ложе помещалось в футляре, или ящике, из, как ему показалось, зеленоватого стекла, белая рама которого первой задержала на себе его внимание. В углу футляра была укреплена доска с блестящими замысловатыми приборами неизвестного назначения, хотя он узнал максимальный и минимальный термометр.

Зеленоватая дымка мешала видеть предметы за пределами футляра, но Грэм все-таки разглядел, что его ложе стоит посреди роскошного просторного помещения, а прямо перед ним вздымается большая белая арка. За самой стеклянной стенкой размещались несколько предметов меблировки: стол, накрытый серебристой скатертью, блестящей, как рыбья чешуя, и два изящных кресла. На столе стояли несколько блюд с какими-то кушаньями, два стакана и бутылка. Грэм вдруг ощутил, как сильно он проголодался.

Никто не появлялся в зале, и после некоторого колебания он слез с прозрачного матраца и попытался спуститься на чистый белый пол стеклянной клетки, однако не рассчитал сил, покачнулся и, стараясь удержаться на ногах, оперся рукой на стеклоподобную поверхность перед собой. Некоторое время она сопротивлялась нажиму, прогибаясь наружу, словно упругая пленка, а потом лопнула со слабым хлопком и пропала — как мыльный пузырь. Грэм, в высшей степени изумленный, шагнул в зал. Схватился за стол, чтобы сохранить равновесие, и столкнул на пол один из стаканов. Тот зазвенел, но не разбился, а Грэм опустился в кресло. Чуть-чуть придя в себя, налил в оставшийся на столе стакан немного бесцветной жидкости из бутылки — это была не вода, у нее был тонкий вкус и приятный аромат, и она мгновенно придала ему сил и приободрила. Поставив пустой стакан на стол, Грэм осмотрелся.

Помещение показалось ему и теперь не менее великолепным и обширным, чем прежде, сквозь прозрачную зеленоватую преграду. За аркой, которую он отметил раньше, начинался лестничный марш, спускавшийся к широкой галерее. По обе стороны галереи стояли полированные

колонны из какого-то материала глубокого ультрамаринового цвета с белыми прожилками. Оттуда доносились голоса множества людей и глубокий нестихающий гул. Грэм сидел, теперь уже окончательно проснувшись, и настороженно прислушивался, позабыв о еде.

Вдруг он вспомнил, что сидит голый, поискал глазами, чем бы накрыться, и рядом с собой, на одном из кресел, увидел небрежно брошенный длинный черный плащ. Завернулся в него и, весь дрожа, снова сел.

Растерянность не оставляла его. Ясно было, что он спал и во время сна его куда-то перенесли. Но куда? И кто мог это сделать, что за толпа скрывалась за темно-синими колоннами? Это Боскасл? Он налил себе еще немного бесцветной жидкости и отхлебнул из стакана.

Что это за помещение, которое, как ему казалось, подрагивает, словно живое? Он обвел взглядом чистые, благородные формы зала, не запятнанные украшениями, и обнаружил на потолке круглое отверстие, заполненное светом; какая-то тень то затмевала его, то открывала снова. «В-вум, в-вум», — эта скользящая тень вносила свою ноту в приглушенный шум, наполнявший воздух.

Он хотел позвать кого-нибудь, но из горла вырвался только слабый хрип. Тогда он поднялся и неуверенной, словно пьяной, походкой двинулся в сторону арки. Шатаясь, спустился по лестнице, наступил на край своего черного плаща и едва удержался на ногах, схватившись за синюю колонну.

Пятно пурпурно-голубого холодного света маячило в конце колоннады; там она заканчивалась чем-то вроде балкона, ярко освещенного и нависающего над туманным пространством, похожим на интерьер колоссального здания. Вдали смутно различались очертания огромных архитектурных форм. Звуки голосов сделались громче и отчетливей, а на балконе спиной к Грэму стояли, жестикулируя и оживленно беседуя, три человека, одетые в богатые свободного покроя одежды чистых и нежных расцветок. Снизу доносился шум огромного людского сборища. Вот, кажется, мелькнул наконечник знамени, а потом какой-то ярко окрашенный предмет — то ли шапка, то ли куртка — взлетел вверх и снова исчез. Люди кричали, похоже, по-английски — все время повторялось слово «проснется». Он услышал неразборчивый пронзительный выкрик в толпе, и тут же трое на балконе рассмеялись.

— Ха-ха-ха! — заливался один из них, рыжий, в короткой одежде пурпурного цвета. — Когда Спящий проснется — вот именно, когда!

Он перевел взгляд, в котором еще светилось веселье, в сторону галереи. Вдруг лицо его изменилось, и весь он переменился, как будто застыл. Двое других резко повернулись на его возглас и тоже замерли. На их лицах появилось выражение растерянности, постепенно переходящей в благоговейный страх.

Ноги у Грэма подкосились, рука, опиравшаяся на колонну, ослабла, он шагнул вперед и упал ничком.

Глава IV
Шум мятежа

Последнее, что услышал Грэм, прежде чем потерять сознание, был звон колоколов. Как позже выяснилось, он пролежал без чувств, между жизнью и смертью, почти час. Придя в себя, он обнаружил, что снова лежит на своем прозрачном матраце, ощущая тепло в сердце и горле. Загадочный темный приборчик был удален с его руки и заменен повязкой. Белая рама все еще нависала над ним, но обтягивающее ее зеленоватое прозрачное вещество исчезло. Человек в фиолетовом — один из тех, что стояли на балконе, — пытливо вглядывался в его лицо.

Издалека слабо, но настойчиво доносился колокольный звон и неясный шум, вызвавший в его воображении картину огромного множества людей, кричащих одновременно. Шум неожиданно затих, натолкнувшись на какую-то преграду, словно вдруг захлопнулась дверь.

Грэм поднял голову.

— Что все это означает? — медленно произнес он. — Где я?

Тут он заметил в комнате рыжеволосого человека, который первым увидел его. Кто-то попытался переспросить, что сказал Спящий, но его тут же утихомирили.

Человек в фиолетовом ответил мягким голосом, произнося английские слова, как показалось Грэму, с чуть заметным иностранным акцентом:

— Вы в полной безопасности. Вас перенесли оттуда, где вы заснули. Здесь совершенно безопасное место. Вы находились тут какое-то время в состоянии сна. Летаргического сна.

Было сказано еще что-то, но Грэм не разобрал слов, потому что к его лицу поднесли какой-то флакон. Он ощутил на лбу прохладную струю ароматного тумана и почувствовал себя бодрее. Потом удовлетворенно прикрыл глаза.

— Вам лучше? — спросил человек в фиолетовом, и Грэм взглянул на него. Это был приятной внешности мужчина лет тридцати, с остроконечной льняной бородкой; золотая застежка украшала ворот его одежды.

— Да, — ответил Грэм.

— Вы некоторе время провели в летаргии, в каталептическом трансе. Вам знакомо это понятие? Летаргия? Это может показаться вам странным, но уверяю вас, теперь все в порядке.

Грэм промолчал, но ободряющие слова сделали свое дело. Его взгляд перебегал с одного лица на другое. Все трое смотрели на него как-то странно. Он полагал, что находится где-то в Корнуолле, но все, что он видел, никак не вязалось с этим предположением.

Грэм вспомнил о деле, которое занимало его мысли в последние минуты бодрствования в Боскасле, о чем-то важном, но забытом. Он прокашлялся.

— Скажите, вы отправили телеграмму моему кузену? — спросил он. — Э. Уормингу, двадцать семь, Чансерилейн?

Они внимательно выслушали его, однако вопрос пришлось повторить.

— Какой неразборчивый выговор, — прошептал рыжеволосый.

— Телеграмму, сир? — озадаченно переспросил молодой человек с льняной бородкой.

— Он имеет в виду передачу сообщений на расстояние по электрическим проводам, — догадался третий, миловидный юноша лет девятнадцати-двадцати.

Русобородый с досадой воскликнул:

— Как же это я не сообразил! Можете не волноваться, все будет сделано, сир, — обратился он

к Грэму. — Но боюсь, нам будет трудно послать э-э-э... телеграмму вашему кузену. Его сейчас нет в Лондоне. Впрочем, не утруждайте себя подобными мелочами: ведь вы проспали достаточно долго, и теперь самое важное — преодолеть последствия этого, сир. (Грэм сообразил, что это было слово «сэр», хотя звучало оно как «сир».)

— О! — только и смог сказать он, однако почувствовал себя немного спокойнее.

Все это было весьма загадочно, но, по-видимому, люди в одеждах незнакомого покроя знали, о чем говорят. Однако же, они какие-то странные, как и этот зал. Похоже, здесь какое-то совершенно новое учреждение. Грэма внезапно обуяло подозрение. Это не может быть залом выставочного павильона! В противном случае Уормингу не поздоровится. Нет, на это не похоже. Не стали бы его показывать в выставочном зале голым.

Внезапно он понял, что произошло. Осознание пришло сразу — это была вспышка, а не постепенное озарение. Летаргический сон длился долго, очень долго; он словно прочитал мысли и истолковал смущение и страх, написанные на лицах собеседников. С глубоким волнением взглянул на них. Казалось, и они старались проникнуть в его мысли. Грэм сложил губы, чтобы заговорить,

но не смог издать ни звука. Странное желание скрыть свою догадку возникло в его мозгу почти одновременно с открытием. Он опустил глаза и стал рассматривать свои босые ноги. Желание говорить прошло. Его охватила сильная дрожь.

Грэму дали какой-то розовой с зеленоватым отблеском жидкости. Он почувствовал вкус мясного бульона. Тотчас силы вернулись к нему.

— Да, теперь мне намного лучше, — хрипло сказал он, чем вызвал ропот почтительного одобрения.

Голова стала совершенно ясной. Он снова попытался заговорить, опять не смог. Прижал руку к горлу и сделал еще одну попытку:

— Сколько?.. — спросил он как можно спокойнее. — Сколько времени я проспал?

— Довольно долго, — ответил русобородый, бросив быстрый взгляд на остальных.

— Как долго?

— Очень долго.

— Так! — внезапно разозлившись, сказал Грэм. — Я хочу знать… То есть… несколько лет? Много лет? Тут что-то произошло… Я забыл что. Я… запутался. Но вы… — Он всхлипнул. — Не надо увиливать. Сколько?..

Грэм замолчал, прерывисто дыша. Прижал

кулаки к глазам и сел в ожидании ответа.

Его собеседники стали перешептываться.

— Пять, шесть лет? — спросил он слабым голосом. — Больше?

— Намного больше.

— Больше?!

— Да, больше.

Он смотрел на них; казалось, какие-то бесы заставляют дергаться мышцы его лица. Он ждал ответа.

— Много лет, — сказал рыжебородый.

Грэм выпрямился и худой рукой смахнул навернувшуюся слезу.

— Много лет! — повторил он. Крепко зажмурился, снова открыл глаза и стал озираться, переводя взгляд с одного незнакомого предмета на другой. Наконец спросил:

— Так сколько же все-таки?

— Это может вас крайне удивить.

— Пусть.

— Более гросса лет.

Незнакомое слово вызвало его раздражение.

— Как вы сказали?

Двое из присутствующих быстро обменялись короткими фразами; Грэм смог разобрать только слово «десятичный».

— Так сколько вы сказали? — настаивал он. — Сколько? И не надо на меня так смотреть. Говорите.

Среди фраз, произнесенных вполголоса, ухо Грэма уловило одну: «Получается больше двух столетий».

— Что?! — воскликнул он, повернувшись к юноше, который, как ему показалось, произнес эти слова. — Кто это сказал? Как это… два столетия?

— Да, — подтвердил рыжебородый, — двести лет. Две сотни лет.

Грэм про себя повторил его слова. Он готов был услышать, что проспал очень долго, но эти не оставляющие места для догадок слова — два столетия — сразили его.

— Два века, — произнес он вслух, и в его воображении медленно возникла картина гигантской бездны. — О, нет…

Они промолчали.

— Вы… вы сказали…

— Двести лет. Два века, — повторил человек с рыжей бородой.

Опять молчание. Грэм посмотрел в их лица и понял, что ему сказали правду.

— Но этого не может быть, — жалобно сказал он. — Это мне снится. Летаргия… Она не может

столько длиться. Это неправда… Вы шутите! Скажите… ведь всего несколько дней назад я шел вдоль берега Корнуолла…

Голос его оборвался.

Человек с льняной бородкой пробормотал:

— Я не очень силен в истории, сир, — и оглянулся на остальных.

— Но это так, сир, — сказал младший из них. — Боскасл находится в прежнем герцогстве Корнуэльском… в юго-западной части страны. Там, за выгонами для молочного скота, до сих пор стоит дом. Я в нем побывал.

— Боскасл! — Грэм посмотрел на юношу. — Да, именно Боскасл. Маленькое местечко. Я заснул… где-то там. Точно не помню… точно не помню. — Он нахмурился и прошептал: — Больше двухсот лет. — И вдруг быстро заговорил; лицо его дергалось, сердце похолодело. — Но ведь если прошло двести лет, то все, кого я знал, все, кого я когда-либо видел, с кем разговаривал, давно умерли?

Никто не ответил.

— И королева, и вся королевская семья, и министры, и духовенство и государственные деятели… Аристократы и плебеи, богатые и бедные, все, все, один за другим… Существует ли еще Англия?.. Это меня утешает — ведь мы в Лондоне? Это Лон-

дон?.. А вы — мой хранитель-опекун. И они? Тоже хранители? — Привстав, он окинул их мрачным взглядом. — Но почему я здесь? Нет! Не говорите. Помолчите. Дайте мне…

Грэм умолк, протирая глаза, а когда открыл их, увидел, что ему подают еще один стакан с розоватой жидкостью. Он сделал глоток и заплакал. Эта естественная реакция принесла облегчение.

И он снова взглянул им в глаза, несколько глуповато улыбаясь сквозь слезы.

— Подумать только… две… сот… ни… лет! — проговорил он с истерической гримасой и опять закрыл лицо руками.

Через некоторое время Грэм успокоился и сел — почти в той же позе, в которой нашел его Избистер на утесе возле Пентаргена. Но сейчас же услышал приближающиеся шаги; низкий властный голос произнес:

— Что вы здесь делаете? Почему меня не предупредили? Наверняка что-то ему рассказали? Виновный понесет наказание. Этому человеку необходим полный покой. Двери заперты? Все входы? Ему нужен абсолютный покой. С ним нельзя разговаривать. Что-нибудь ему уже сказали?

Человек со светлой бородкой что-то тихо

ответил. Грэм увидел, что он говорит с новоприбывшим, невысоким бритым толстяком с бычьей шеей, орлиным носом и тяжелым подбородком. Очень густые, черные, чуть скошенные брови, почти сросшиеся и нависающие над серыми глазами, придавали лицу грозное выражение. Он нахмурился, взглянув на Грэма, но опять повернулся к русобородому.

— Остальным, — сказал он с явным раздражением, — лучше удалиться.

— Нам уйти? — спросил рыжий.

— Разумеется, и немедленно. И проверьте, чтобы все двери были заперты.

Двое, к которым он обратился, послушно повернулись, покосившись на Грэма, и вместо того, чтобы пойти к арке, направились к глухой стене напротив. Длинная полоса этой, как казалось, монолитной стены вдруг с треском свернулась, ушла вверх, зависнув над выходящими людьми, сейчас же опустилась, и Грэм остался с новоприбывшим и человеком с русой бородой.

Некоторое время толстяк не обращал на Грэма внимания; он расспрашивал о каких-то общих делах русобородого — очевидно, своего подчиненного. Говорил он очень четко, но Грэм только отчасти понимал сказанное. Похоже было, что

его пробуждение не только удивило, но испугало и раздосадовало толстяка.

— Вам не следовало смущать его ум своими рассказами, нет, не следовало, — то и дело повторял он.

Выслушав ответы русобородого, он быстро повернулся и с непонятным выражением посмотрел на проснувшегося.

— Удивлены? — спросил он.

— Очень.

— Окружающий мир кажется вам странным?

— Что ж, думаю, мне придется жить в этом мире, каким бы странным он ни казался.

— Теперь, пожалуй, да.

— Прежде всего, не мог бы я получить какую-нибудь одежду?

— Да, конечно… — начал толстяк, и русобородый, перехватив его взгляд, вышел. — Вам незамедлительно принесут одежду.

— Это правда, что я проспал двести лет? — спросил Грэм.

— Они уже успели вам рассказать, да? Говоря точнее, двести три года.

Грэм принял эту неоспоримую теперь истину, чуть приподняв брови и плотно сжав губы. С минуту он сидел молча, потом задал вопрос:

— Здесь что, мельница или динамо-машина по соседству? — И продолжал, не ожидая ответа: — Я понимаю, все так изменилось… А что это за крики? — вдруг спросил он.

— Пустяки. Это народ, — раздраженно сказал толстяк. — Позже вы и сами все поймете. Это верно, все сильно изменилось. — Он говорил резко, сдвинув брови, и глядел на Грэма как человек, пытающийся принять решение в критической ситуации. — Так или иначе, одежду вы получите. Лучше подождать здесь, пока ее принесут. Никто не должен сюда приближаться. И вам следует побриться.

Грэм потрогал свой подбородок.

Возвратился человек с льняной бородкой. Направляясь к ним, он вдруг оглянулся, прислушался, подняв брови, взглянул на толстяка и поспешил через арку к балкону. Шум становился все громче. Толстяк повернул голову и тоже прислушался. Тихо выругался и с неприязнью перевел взгляд на Грэма. Крики вздымались мощной волной и вновь стихали, однажды донесся звук удара и резкие вопли, затем сухой треск, похожий на хруст ломающихся прутьев. Грэм напряг слух, чтобы уловить какой-то смысл в этой путанице звуков.

И тут он разобрал фразу, повторяющуюся снова и снова. Поначалу Грэм не поверил своим ушам. Но это, несомненно, были слова: «Покажите нам Спящего! Покажите нам Спящего!»

Толстяк неожиданно кинулся к арке.

— Что за вздор! — прокричал он. — Как они узнали? Знают наверняка или догадываются?

Из-за арки последовал какой-то ответ.

— Я не могу выйти, — сказал толстяк, — мне нужно присматривать за ним. Ну, крикните им что-нибудь с балкона.

Ответ невозможно было разобрать.

— Скажите, что он не проснулся. Да что угодно! На ваше усмотрение. — Он поспешил назад, к Грэму. — Вам немедленно нужно одеться. Здесь оставаться нельзя — мы не сможем… — Он поспешно выбежал, не отвечая на вопросы Грэма. Через минуту появился снова.

— Не могу объяснить вам, что происходит. Слишком сложно. Сейчас вам изготовят одежду. Да, все вот-вот будет сделано. И я смогу забрать вас отсюда. Вы очень скоро разберетесь в наших проблемах.

— Но эти голоса. Они кричали…

— Да, про Спящего — это про вас. Им пришла в голову какая-то безумная идея. Не знаю, чего они

хотят. Ничего не знаю.

Резкий, пронзительный звонок перекрыл отдаленный невнятный гул толпы, и этот бесцеремонный человек подскочил к каким-то приборам в углу комнаты. Некоторое время слушал, глядя в хрустальный шар, затем кивнул, произнес несколько слов и подошел к стене, за которой исчезли те двое. Стена снова свернулась и ушла вверх, словно занавес, но он стоял рядом и чего-то ждал.

Грэм поднял руку и с изумлением осознал, насколько восстановились его силы от тонизирующих средств. Спустил с ложа сначала одну ногу, потом другую. Голова больше не кружилась. Не вполне доверяя такому быстрому выздоровлению, он сел и принялся ощупывать свои руки и ноги.

Через арку вошел русобородый, и одновременно в проем перед толстяком скользнула сверху кабина лифта; из нее вышел худощавый седой человек в темно-зеленой облегающей одежде со свертком в руках.

— А вот и портной, — сказал толстяк, жестом представляя вошедшего. — Теперь вам больше не придется носить этот черный плащ. Не могу понять, как он попал сюда. Но я разберусь, во всем

разберусь. Поторопитесь! — сказал он портному.

Человек в зеленом поклонился, подошел и сел на ложе рядом с Грэмом. Он держался спокойно, но взгляд его был полон любопытства.

— Мода сильно изменилась, сир, — сказал он, покосившись исподлобья на толстяка. Быстрым движением портной раскрыл сверток, и на его колени выплеснулся водопад ярких тканей, от которых у Грэма зарябило в глазах. — Вы, сир, жили в викторианскую эпоху, во времена цилиндров. Полушария шляп… Кривые словно очерчены циркулем. А теперь… вот. — Он вытащил небольшой приборчик, формой и размером похожий на карманные часы, только без скважины для ключа, нажал какую-то кнопку и показал Грэму — на циферблате задвигалась фигурка в белом. Портной взял кусок голубовато-белого атласа.

— Я бы вам предложил этот материал, — сказал он.

Толстяк подошел и встал за плечом Грэма.

— У нас очень мало времени, — напомнил он.

— Положитесь на меня, — сказал портной. — Моя машина сейчас прибудет. Ну, что скажете?

— Что это? — спросил человек из девятнадцатого века.

— В ваше время клиентам показывали журнал

мод, — объяснил портной, — а это наше современное устройство. Посмотрите сюда. — Маленькая фигурка повторила свои пируэты, но в другом костюме. — Или на это. — С легким щелчком фигурка появилась на экране в новом, совершенно роскошном одеянии. Портной проделывал все очень быстро и дважды успел взглянуть в сторону лифта.

Снова послышалось урчание, и из лифта появился анемичный коротко остриженный паренек китайского типа в одежде из грубого светло-синего холста. Он бесшумно вкатил в комнату сложную машину на маленьких колесиках. Кинетоскоп незамедлительно был убран, и Грэму предложили встать перед машиной. Портной пробормотал несколько указаний стриженому подростку, а тот в ответ произнес гортанным голосом несколько фраз, которых Грэм не смог разобрать. Затем мальчик отошел в угол и там продолжил свой невнятный монолог, а портной вытянул из машины многочисленные коленчатые рычаги с дисками на концах и установил их так, чтобы диски прилегали к телу Грэма: по одному на каждой из лопаток, по одному на локтях, с обеих сторон шеи и так далее, пока они не выстроились в две линии меток, проходивших по

всему телу и конечностям. В это время из лифта за спиной Грэма появился кто-то еще. Портной пустил в ход механизм, который привел части машины в ритмичное движение, а через минуту сложил рычаги, и Грэм был свободен. Портной вернул ему черный плащ, а русобородый поднес стаканчик с каким-то освежающим напитком. Взглянув поверх стакана, Грэм заметил, что его внимательно рассматривает бледный юноша.

Толстяк, который обеспокоенно расхаживал по комнате, вдруг повернулся и прошел за арку, к балкону, откуда по-прежнему, то нарастая, то затихая, доносился отдаленный шум толпы. Стриженый паренек передал портному рулон голубоватого атласа, и оба они принялись заправлять ткань в машину — примерно так, как в девятнадцатом веке заряжали бумагу в типографиях. Затем бесшумно откатили агрегат в дальний угол, где изящными петлями свисал выходящий из стены кабель. Портные сделали необходимые подсоединения, и машина задвигалась быстро и энергично.

— Что они там делают? — спросил Грэм, указывая пустым стаканом на фигуры, суетящиеся в углу, и стараясь не обращать внимания на пристальный взгляд новоприбывшего. — Туда

подведена какая-то энергия?

— Да, — ответил русобородый.

— А это кто? — спросил Грэм, указывая в сторону арки.

Человек в фиолетовой одежде погладил свою бородку, чуть поколебался и негромко сказал:

— Это Говард, ваш главный опекун. Понимаете, сир, это довольно трудно объяснить. Совет назначает опекуна и его помощников. В этот зал допускается публика, но сегодня мы впервые заперли двери. Если вы не возражаете, он сам вам все объяснит.

— Как странно, — произнес Грэм. — Совет? Опекун? — Затем, повернувшись спиной к новоприбывшему, вполголоса спросил: — Почему этот молодой человек так уставился на меня? Он что, гипнотизер? Месмерист?

— Нет, не месмерист. Он — капиллотомист.

— Капиллотомист?

— Да, один из главных. Он получает в год шестьдюж львов.

Это звучало как совершенная бессмыслица. Не понимая, что к чему, Грэм ухватился за конец фразы.

— Шестьдюж львов? — повторил он.

— А у вас что, не было львов? Да, пожалуй, нет. У

вас были эти старинные фунты, так? Лев — наша денежная единица.

— Но вы еще сказали — шестьдюж?

— Да, сир. Шесть дюжин. Вы жили при десятичной, арабской системе счета — единицы, десятки, сотни, тысячи. У нас же двенадцатеричная система. От единицы до одиннадцати числа однозначные, начиная с дюжины — двузначные; дюжина дюжин составляет гросс, или большую сотню, дюжина гроссов — дюжанд, а дюжанд дюжандов — мириад. Очень просто, не так ли?

— Пожалуй, — согласился Грэм. — Но что значит капилло… Как это вы сказали?

— А вот и ваша одежда, — взглянув через плечо, объявил русобородый.

Грэм обернулся. Рядом с ним стоял улыбающийся портной, перекинув через руку только что изготовленный костюм, а стриженый парнишка одним пальцем толкал замысловатую машину в сторону лифта. Грэм удивленно окинул взглядом новое одеяние.

— Вы хотите сказать…

— Только что сделано, — сказал портной. Он сложил свою работу к ногам Грэма, подошел к ложу, на котором совсем недавно покоился Спящий, скинул на пол прозрачный матрац и поставил

зеркало вертикально.

Бешено зазвенел звонок. Человек с русой бородкой выбежал через арку.

Пока портной помогал Грэму облачаться в темно-пурпурного цвета комбинезон, объединяющий нижнее белье, чулки и жилет, толстяк и русобородый вернулись в комнату. Они вполголоса обменивались быстрыми фразами. В их движениях безошибочно угадывалась тревога. Поверх пурпурного нижнего комбинезона Грэм надел верхний, голубовато-белый, и теперь был облачен по моде. Взглянув в зеркало, он увидел себя — по-прежнему изможденным, растрепанным и небритым, но, по крайней мере, не голым и даже — каким-то непостижимым образом — элегантным.

— Я должен побриться, — заметил он, разглядывая свое лицо.

— Сейчас, — сказал Говард.

Молодой человек перестал разглядывать Грэма, закрыл глаза, снова открыл и, вытянув тонкую руку, приблизился к нему. Остановился, огляделся вокруг и медленно взмахнул рукой.

— Стул! — нетерпеливо скомандовал Говард, и русобородый быстро пододвинул Грэму кресло.

— Садитесь, пожалуйста, — проговорил Говард.

Грэм заколебался, заметив, что в руке молодого человека, смотревшего на него таким безумным взором, сверкнула сталь.

— Неужели вы не понимаете, сир? — успокоил его русобородый. — Он собирается постричь вас.

— Ах так! — с облегчением воскликнул Грэм. — Но вы сказали, что он…

— Совершенно верно, капиллотомист! Один из лучших мастеров в мире.

Грэм поспешно сел в кресло. Человек с льняной бородкой исчез, а капиллотомист грациозно шагнул вперед, ощупал уши Грэма, изучил затылок и собирался присесть, чтобы еще разглядывать его, если бы не явное нетерпение Говарда. Наконец быстрыми движениями, ловко действуя своими инструментами, он сбрил Грэму бороду, подровнял усы, подстриг и причесал волосы. Все это он проделал без единого слова, увлеченно, с вдохновением настоящего поэта. Едва он завершил работу, Грэму подали пару башмаков.

Неожиданно, по-видимому из угла, раздался громкий голос:

— Скорее, скорее! Весь город уже узнал! Все прекращают работу. Прекращают работу. Не медлите, спешите!

Эти слова чрезвычайно всполошили Говар-

да. Грэм понял, что тот колеблется. Наконец он пошел в угол, где стоял аппарат с маленьким хрустальным шаром. Как раз в этот момент неумолкающий шум толпы усилился до мощного рева и столь же быстро затих. Грэма неудержимо потянуло к этому шуму. Он покосился на толстяка и поддался порыву. Двумя широкими шагами спустился по лестнице в галерею и через мгновение уже оказался на балконе, где ранее стояли трое незнакомцев.

Глава V
Движущиеся мостовые

Грэм подошел к перилам и взглянул поверх них. Снизу доносился шум от движения огромной толпы, послышались удивленные возгласы.

Но самое первое и ошеломляющее впечатление на него произвело открывшееся его взору архитектурное сооружение. Пространство, на которое он смотрел, представляло собой проход между двумя рядами титанических зданий, плавно загибающийся в обе стороны. Наверху смыкались мощные консоли, перекрывая проход по всей огромной ширине, над ними нависала прозрачная кровля. Холодный белый свет, исходивший из гигантских шаров, пересиливал слабые солнечные лучи, едва пробивающиеся сквозь гущу ферм и проводов. Кое-где над бездной подобно нитям паутины висели ажурные мосты, по которым во множестве двигались черные фигурки пешеходов. Воздух был заткан тонкими тросами. Громада здания нависала над Грэмом, он убедился в этом, взглянув вверх, а фасад противоположного дома смутно вырисо-

вывался в серой мгле и был прорезан огромными арками, круглыми проемами, усеян балконами, контрфорсами, выступающими башенками, мириадами огромных окон и замысловатыми архитектурными украшениями. По фасаду горизонтально и наискось тянулись надписи, сделанные незнакомыми буквами. Тут и там под самой крышей были закреплены особо толстые тросы; они спускались плавными дугами, уходя в круглые отверстия на противоположной стене. Внимание Грэма привлекла маленькая фигурка человека в светло-синей одежде, стоявшего на каменном выступе у одной из верхних точек крепления этих гирлянд. Он держался за еле заметную струну. Вдруг человек единым махом скользнул по тросу и пропал в круглом отверстии на другой стороне улицы. Выходя на балкон, Грэм прежде всего стал смотреть вверх, и увиденное там настолько захватило его, что отвлекло от остальной картины. Но теперь он рассмотрел и улицу! Это была совсем не улица в понимании Грэма — в девятнадцатом веке дороги и улицы представляли собой твердые полосы мощеной неподвижной земли, запруженные лавиной экипажей, ползущих между узкими тротуарами. Эта улица была шириной в триста футов — и она

двигалась; двигалась вся, кроме средней, самой низкой ее части. На минуту у него закружилась голова от этого зрелища. Затем он понял.

Под самым балконом эта необычная дорога неслась вправо — нескончаемой лентой, со скоростью экспресса девятнадцатого века; она представляла собой бесконечную платформу, состоящую из узких поперечных площадок, заходящих одна на другую. Небольшие интервалы позволяли платформе повторять изгибы улицы. На платформе помещались сиденья, а кое-где и маленькие кабинки, но все это пролетало так быстро, что он не мог ничего на них разглядеть. Параллельно ближайшей, самой быстрой полосе двигались другие, вплоть до середины улицы. Каждая из них двигалась вправо, но заметно медленнее предыдущей, более высокой платформы; разница скоростей была достаточно мала, чтобы без труда переходить с одной платформы на другую и таким образом перемещаться от самой быстрой крайней полосы к неподвижной средней и обратно. За этой средней полосой начинался другой ряд бесконечных платформ, двигающихся каждая со своей, постепенно нарастающей скоростью в противоположную сторону. Множество людей самого разного вида сидели на двух са-

мых широких и быстрых крайних полосах, либо спускались на соседние платформы, движущиеся медленней, либо скапливались на центральной полосе.

— Вам нельзя здесь стоять, — раздался рядом голос Говарда. — Вы должны немедленно уйти.

Грэм не ответил. Он будто не слышал этих слов. Мимо с грохотом бежали платформы и кричал народ. Он видел женщин и девушек с распущенными волосами, в прекрасных нарядах, с лентами на груди. Они прежде всего бросались в глаза среди этой сумятицы. Затем Грэм отметил, что доминирующим цветом в калейдоскопе одежд все-таки был светло-синий, как у помощника портного. Он начал различать отдельные выкрики: «Спящий! Что случилось со Спящим?» — и заметил, что движущиеся платформы все гуще покрываются бледными пятнами человеческих лиц, обращенных к нему. Он мог разглядеть указывающие на него пальцы. Неподвижная средняя часть улицы была запружена напротив балкона толпой людей, одетых в синее. Там началась давка. Некоторых спихивали на движущиеся платформы, и их уносило прочь. Однако они спрыгивали, как только удалялись от центра толпы, и бегом бросались обратно, в свалку.

— Это Спящий! Точно, это Спящий! — вопили одни.

— Нет, это не Спящий! — кричали другие.

Все новые лица поворачивались в его сторону. Через определенные интервалы на центральной полосе, как заметил Грэм, располагались отверстия, — очевидно, там находились лестницы, по которым люди поднимались на улицу и уходили с нее. Свалка шла вокруг одной из этих лестниц, ближайшей к нему. Люди бежали туда, перепрыгивая с платформы на платформу. Народ, собравшийся на более высоких платформах, проявлял интерес и к этой сумятице, и к балкону. Несколько крепких фигур в ярко-красной одинаковой одежде, действуя слаженно, пытались перекрыть доступ к лестнице. Толпа вокруг них быстро прибывала. Яркий цвет мундиров резко контрастировал с бледно-синей одеждой их противников, а это, несомненно, были противники — красные и синие явно противостояли друг другу.

Грэм не мог оторваться от этого зрелища, хотя Говард кричал у него над ухом и тряс за плечо. Но вдруг Говард куда-то исчез, и он остался один.

Возгласы «Спящий! Спящий!» усилились, и все люди, сидевшие на ближайшей платформе, вста-

ли. Проносясь мимо Грэма, скоростные полосы быстро пустели. Огромная толпа собралась на центральной полосе напротив балкона, густая масса людей кипела, ее прерывистые выкрики переросли в непрерывный грозный гул: «Спящий! Спящий!» Люди выкрикивали приветствия, размахивали руками и вопили: «Остановите движение!» Слышалось также другое имя, незнакомое Грэму. Оно звучало как «Острог»[2]. Медленные платформы заполнялись людьми. Они бежали против движения, стараясь удержаться напротив балкона.

— Остановите движение! — кричали они. Некоторые, самые ловкие, выбегали на скоростную полосу, поближе к нему, кричали что-то неразборчивое и быстро отскакивали обратно, к центральной полосе. В конце концов он расслышал:

— Это Спящий! Это действительно Спящий!

Некоторое время Грэм стоял неподвижно. Потом с пронзительной ясностью понял, что все это из-за него. Эта неожиданная популярность доставляла удовольствие, и он поклонился и помахал рукой, стараясь, чтобы его увидели и

---

[2] Примечания: 2
Сознательное употребление автором русского слова.

дальние зрители. Ответная реакция его потрясла. Схватка у лестницы стала еще более ожесточенной. Он заметил, что люди бросились на балконы, заскользили вниз по тросам. Некоторые перелетали через улицу на сиденьях, похожих на цирковые трапеции. За спиной Грэма послышались голоса — несколько человек спускались по ступеням из-под арки. Его опекун Говард подошел к нему, крепко схватил за руку и что-то прокричал на ухо. Грэм обернулся и увидел совершенно белое лицо Говарда.

— Уходите! — услышал Грэм. — Они остановят движение. Начнутся беспорядки во всем городе.

Вслед за Говардом по проходу между синими колоннами спешили другие — рыжеволосый, человек с льняной бородкой, высокий мужчина в алом одеянии и несколько человек в красном с жезлами в руках. Лица у всех были озабоченные.

— Уведите его! — приказал Говард.

— Но почему? — воскликнул Грэм. — Я не понимаю…

— Вы должны покинуть это место! — твердо сказал человек в красном. Лицо и глаза его выражали решимость.

Грэм обвел взглядом лица остальных и вдруг понял: если он не подчинится, к нему применят

силу. Кто-то схватил Грэма за руку…

Его потащили прочь. Рев толпы усилился, прорвался в коридоры здания и гремел теперь за его спиной. Изумленного и растерянного Грэма провели — или проволокли — через синюю колоннаду и оставили наедине с Говардом в кабине лифта, рванувшегося вверх.

Глава VI
Зал атланта

С того момента, как портной, закончив свою работу, откланялся, и до того, как Грэм очутился в лифте, прошло не более пяти минут. Он по-прежнему ощущал последствия долгой летаргии и чувствовал себя как в тумане; казалось странным само его бытие в этой отдаленной эпохе, он воспринимал это как нечто иррациональное, как сон, чересчур похожий на явь. Для него, изумленного, но не вовлеченного в действие наблюдателя, все увиденное — особенно зрелище бушующей толпы, открывшееся ему с балкона, — приобретало оттенок театральности, напоминало спектакль, разыгранный на сцене.

— Я не понимаю, — проговорил он. — Что это было? У меня голова идет кругом. Почему они так кричат? Что нам угрожает?

— У нас есть кое-какие проблемы, — ответил Говард, избегая вопросительного взгляда Грэма. — Такое уж беспокойное сейчас время. Хотя, конечно, ваше появление, ваше пробуждение именно в данный момент находится в некоторой

связи с…

Он говорил отрывисто, как человек, который никак не может перевести дух. Речь его оборвалась на полуслове.

— Но я не понимаю… — повторил Грэм.

— Позже все разъяснится, — сказал Говард и тревожно посмотрел вверх, словно ему казалось, что лифт движется слишком медленно.

— Несомненно, осмотревшись, я стану лучше понимать окружающее, — озадаченно продолжал Грэм. — А пока все так странно. Даже в мелочах. Ваша система счета, к примеру, сильно отличается от нашей.

Лифт остановился, и они вышли в узкий, очень длинный коридор, вдоль высоких стен которого тянулись в огромном множестве различные трубы и толстые кабели.

— Какое огромное помещение! — заметил Грэм. — Это все — одно здание? Что это за место?

— Одна из городских систем, обеспечивающих общественные надобности. Свет и тому подобное.

— А там, на большой улице, — это были беспорядки? Как вы управляете обществом? У вас все еще есть полиция?

— Несколько видов, — ответил Говард.

— Несколько?

— Около четырнадцати.

— Не понимаю.

— И неудивительно. Наше общественное устройство покажется вам чрезвычайно сложным. По правде говоря, я и сам его не слишком понимаю. Да и никто, в сущности, не понимает. Вы, может быть, со временем разберетесь. А пока нам нужно идти в Совет.

Поначалу Грэм пытался сосредоточить внимание на Говарде и его сдержанных ответах, но потом нить объяснений стала ускользать, уступая место живым, неожиданным впечатлениям. В коридорах и залах половина людей, казалось, была в красном. Бледно-синяя холщовая одежда, которую он в изобилии видел на движущихся дорогах, здесь не попадалась. При его появлении все неизменно поворачивались, приветствовали их с Говардом, провожали взглядами. Запомнился длинный коридор, в котором на низких сиденьях, словно в классе, сидели девочки. Учителя не было видно, но ученицы слушали голос, исходивший из незнакомого Грэму аппарата. Девочки посмотрели на него и его провожатого, как ему показалось, с любопытством и удивлением. У Грэма не было времени сообразить, зачем

их здесь собрали, но они, видимо, хорошо знали Говарда и совсем не знали Грэма. Этот Говард, по-видимому, был важной персоной — и в то же время всего лишь опекуном Грэма. Как странно!

Они миновали проход, где под потолком была подвешена пешеходная галерея, по которой сновали люди, причем Грэм мог разглядеть только их ноги не выше лодыжек. Затем потянулись коридоры, в которых редкие прохожие изумленно оборачивались и глядели вслед Грэму, Говарду и их охранникам, одетым в красное.

Действие тонизирующих средств оказалось недолгим. Он быстро утомился от этой поспешной ходьбы и попросил Говарда убавить шаг. Они вошли в лифт с окном, выходившим на улицу, но оно было туманным и не открывалось; к тому же они находились слишком высоко, чтобы разглядеть движущиеся платформы. Однако Грэм различал людей, скользящих по тросам или снующих по странным, хрупким на вид мостикам.

Затем они сами перешли улицу на огромной высоте по узенькому застекленному мосту, одно воспоминание о котором вызывало позже у Грэма головокружение. Настил моста тоже был стеклянный. По своим впечатлениям от скал между Нью-Куэем и Боскаслом, столь отдаленным во

времени, но таким свежим по ощущению, Грэм заключил, что они идут примерно в четырехстах футах над движущейся дорогой. Он остановился и глянул на роящиеся внизу крошечные синие и красные фигурки, которые все еще толкались и жестикулировали перед маленьким, игрушечным балконом. Легкая дымка и слепящее сияние световых шаров мешали четко видеть на таком расстоянии. Какой-то человек, сидя в открытой люльке, вылетел откуда-то сверху, мелькнул над узким стеклянным мостиком и стремительно, словно падая, пронесся вниз по тросу. Грэм невольно остановился и смотрел, пока этот странный пассажир не исчез в огромном круглом отверстии, а затем стал вновь глядеть на кипящую уличную схватку.

По одной из быстроходных полос передвигалась плотная группа красных точек. Приблизившись к балкону, она рассыпалась и двинулась через более медленные полосы в сторону густой толпы, собравшейся в середине улицы. Эти люди в красном, по-видимому, были вооружены палками или дубинками. Казалось, они расталкивали толпу и били сопротивлявшихся. Грэм услышал едва различимые вопли, гневные возгласы.

— Идите же! — выкрикнул Говард, положив

ему руку на плечо.

Еще один человек промчался вниз по тросу. Грэм взглянул вверх, желая узнать, откуда он появился, и сквозь стеклянную крышу и переплетение тросов и ферм смутно увидел ритмически мелькающие тени каких-то плоскостей, похожих на крылья ветряных мельниц, а между ними — смутные проблески бледного неба. Говард подтолкнул его, они сошли с моста и оказались в небольшом узком проходе, украшенном орнаментом из геометрических фигур.

— Я хочу посмотреть вниз! — упираясь, воскликнул Грэм.

— Нет, нет, — возразил Говард, не выпуская его руки. — Сюда. Вы должны пройти сюда.

Сопровождавшие их люди в красном, казалось, готовы были увести Грэма силой.

В конце коридора появились несколько негров в забавных черно-желтых мундирах: они были похожи на ос. Один из них поспешил к скользящей заслонке, которая, как догадался Грэм, служила дверью, сдвинул ее вверх и повел их внутрь. Грэм оказался на галерее, нависавшей над большим помещением. Черно-желтый провожатый пересек галерею, поднял следующую дверь и встал рядом с нею.

Помещение напоминало вестибюль. В середине стояла группа людей, а в противоположном конце находился величественный дверной проем, занавешенный тяжелыми портьерами; между ними проглядывал лестничный марш, ведущий вниз, в какой-то обширный зал. По обе стороны от входа неподвижно стояли белые стражники в красных мундирах и негры в черно-желтой форме.

Проходя через галерею, он уловил внизу шепот: «Спящий», люди поворачивались к нему и тихо переговаривались. Через коридорчик, проходивший внутри стены вестибюля, они попали на галерею с металлическими перилами, огибавшую с одной стороны огромный зал, который только что мелькнул за портьерами. Они очутились в самом углу зала, так что Грэм мог получить впечатление о его пропорциях и огромных размерах. Стоявший у входа негр в черно-желтой одежде, как вышколенный лакей, опустил за ними заслонку.

В сравнении с любым из помещений, виденных здесь Грэмом, этот зал показался ему особенно богато украшенным. В дальнем конце, на пьедестале, ярко выделяясь среди всего остального, стояла гигантская белая статуя Атланта, мощная

и напряженная, держащая на согбенных плечах земной шар. Статуя поразила Грэма — она была такая огромная, такая простая и белая, такая пронзительно — до боли — настоящая. Если не считать этой статуи и помоста посередине, сияющий пол зала был совершенно пуст. Помост терялся среди огромного пространства; издали он мог показаться всего лишь плоским бруском металла, если бы не семь человек, которые окружали стоявший на нем стол, возвращая таким образом помосту его истинные пропорции. Все семеро были одеты в белые мантии и с пристальным вниманием смотрели на Грэма. На краю стола поблескивали какие-то приборы.

Говард вел его вдоль галереи, пока они не оказались напротив статуи согнувшегося под непомерной ношей титана. Там они остановились. Два человека в красном, сопровождавшие их, подошли и встали по обе стороны от Грэма.

— Вы должны остаться здесь, — пробормотал Говард. — На несколько минут. — И, не дожидаясь ответа, поспешил прочь по галерее.

— Но почему?.. — начал было Грэм.

Он сделал движение, как бы намереваясь последовать за Говардом, но обнаружил, что один из людей в красном загородил ему дорогу.

— Вы должны подождать здесь, сир, — сказал страж.

— С какой стати?

— Таков приказ.

— Чей приказ?

— Нам так приказано, сир.

Грэм видел, что стражник раздражен.

— Что это за помещение? — тут же спросил он. — И кто эти люди?

— Это члены Совета, сир.

— Какого Совета?

— Нашего Совета.

— О! — вздохнул Грэм и после столь же неудачной попытки поговорить с другим стражем подошел к перилам и стал смотреть на группу людей в белом, которые, в свою очередь, разглядывали его и перешептывались.

Что за Совет? Он вдруг заметил, что их стало уже восемь, хотя не видел, откуда мог появиться восьмой. Они не делали никаких жестов или приветственных знаков — просто стояли и глазели на него, как в девятнадцатом веке кучка зевак могла бы смотреть, стоя на улице, на неожиданно появившийся высоко в небе воздушный шар. Что это был за Совет, что за люди собрались у ног величественной белой фигуры Атланта,

укрывшись от посторонних глаз в роскошном этом зале? И зачем его сюда привели? Неужто для того только, чтобы разглядывать его и неслышно переговариваться?

Внизу показался Говард, спешивший по блестящему полу в их сторону. Приблизившись, поклонился и сделал несколько странных жестов, по-видимому составлявших часть церемониала. Затем поднялся по ступенькам на помост и остановился возле аппаратов на краю стола.

Грэм некоторое время наблюдал за их неслышной беседой. Иногда кто-то из собеседников бросал взгляд в его сторону. Он тщетно напрягал слух. Жестикуляция разговаривающих сделалась оживленной. Грэм перевел взгляд на бесстрастные лица сопровождающих. Когда он снова повернулся к помосту, Говард размахивал руками и протестующе тряс головой. Его, по-видимому, прервал один из людей в белом, хлопнув ладонью по столу.

Разговор длился нескончаемо. Грэм поднял глаза на неподвижного гиганта, у подножия которого собрался Совет. Затем рассмотрел стены зала. Их украшали длинные расписные панели в псевдояпонском стиле; некоторые были очень хороши. Забранные в огромные тонкой

работы рамы из темного металла, панели эти гармонировали с металлическими кариатидами, поддерживавшими галерею, и прочими элементами интерьера. Легкая их грация подчеркивала мощь белой скульптуры, расположенной в центре всей композиции. Грэм снова посмотрел в сторону Совета: Говард спускался с помоста. По мере приближения черты его лица видны были все отчетливее. Грэм заметил, что его опекун покраснел и тяжело дышит. Говард выглядел встревоженным.

— Сюда, — отрывисто сказал он, и они молча подошли к маленькой двери, которая тотчас открылась.

По обе стороны стояли люди в красном. Проходя через дверь, Грэм оглянулся и увидел, что члены Совета в белых мантиях все еще стоят тесной группой и смотрят ему вслед. Затем дверь с гулом захлопнулась, и в первый раз после своего пробуждения Грэм очутился в полной тишине. Даже их шаги были бесшумны.

Говард отворил следующую дверь, и они оказались в первой из двух смежных комнат, обставленных белой и зеленой мебелью.

— Что это за Совет? — начал Грэм. — Что они обсуждали? Какое они имеют ко мне отношение?

Говард тщательно запер дверь, тяжело вздохнул и что-то пробормотал себе под нос. Прошелся из угла в угол, повернулся и снова вздохнул.

— Уф-ф! — сказал он с облегчением.

Грэм выжидательно смотрел на него.

— Вы должны понять, — вдруг заговорил Говард, стараясь не смотреть Грэму в глаза, — наше общественное устройство очень сложно. Знакомство с голыми фактами без надлежащего объяснения может создать у вас ложное впечатление. Дело в том, что ваши небольшие средства и оставленное вам наследство вашего кузена Уорминга, вложенные в банки и в некоторые другие предприятия, превратились в очень крупное состояние. И различными путями, которые вам сейчас трудно было бы понять, вы сделались значительной персоной — весьма значительной и влиятельной, вовлеченной в дела всего мира.

Он умолк.

— И что? — спросил Грэм.

— Происходят крупные волнения.

— И что же?

— Дела обернулись так, что самое благоразумное сейчас — это изолировать вас здесь.

— Превратить в узника! — воскликнул Грэм.

— Ну, скажем, попросить вас вести некоторое

время уединенный образ жизни.

Грэм повернулся к нему.

— Это странно, — сказал он.

— Вам не причинят никакого вреда.

— Вреда?

— Но вы должны оставаться здесь…

— Пока я не разберусь в своем положении, не так ли?

— Совершенно верно.

— Прекрасно. Тогда начнем. О каком вреде вы говорили?

— Не сейчас.

— Почему?

— Это слишком долгая история, сир.

— Тем больше оснований начать не откладывая. Вы сказали, что я — значительная персона. Что тогда означают крики, которые я слышал? Почему толпа пришла в возбуждение и стала кричать, узнав, что мой летаргический сон окончился, и кто эти люди в белом, собравшиеся в зале Совета?

— Все в свое время, сир, — сказал Говард. — Но не с налета, не с налета. Сейчас один из таких неустойчивых моментов, когда все возбуждены до предела. Ваше пробуждение… его никто не ожидал. Поэтому Совет проводит консультации.

— Какой Совет?

— Тот, который вы видели.

Грэм сделал нетерпеливый жест.

— Это все не то. Вы должны рассказать мне, что происходит.

— Вам придется подождать. Набраться терпения и подождать.

Грэм сел.

— Ну что ж, если я так долго ждал, чтобы вновь обрести жизнь, — сказал он, — то могу подождать еще немного.

— Так-то лучше, — обрадовался Говард. — Да, намного лучше. А теперь я должен покинуть вас. На некоторое время. Мне нужно присутствовать на заседании Совета… Прошу меня извинить.

Он направился к двери, бесшумно открыл ее и, чуть помедлив, исчез.

Грэм подошел к двери, попытался открыть ее и обнаружил, что она заперта каким-то неведомым ему способом. Он повернулся и принялся кругами шагать по комнате. Снова сел. Некоторое время Грэм продолжал сидеть, скрестив руки на груди, хмурился, грыз ногти и пытался собрать воедино калейдоскопическую мозаику впечатлений первого часа своей жизни после пробуждения: огромные механизированные пространства, бес-

конечные анфилады комнат и переходов, борьбу на этих странных движущихся мостовых, кучку враждебных людей у подножия гигантского Атланта, загадочное поведение Говарда… И намек на огромное наследство — которым, возможно, злоупотребляли, — наследство, дающее ему беспрецедентное влияние и возможности. Что он должен делать? Глухая тишина его комнаты красноречиво говорила Грэму, что он — пленник.

Ему подумалось, что вся эта череда ярких картин была сном. Он попытался крепко зажмуриться, но это испытанное средство не помогло. Все происходило наяву.

Тогда он принялся ощупывать и исследовать незнакомые предметы, находившиеся в двух небольших комнатах, где он был заперт. Увидев свое отражение в большом овальном зеркале, он изумленно остановился. Перед ним стоял человек в изящном одеянии пурпурного и голубовато-белого цветов, с небольшой, остроконечно подстриженной седеющей бородкой. Посеребренные сединой черные волосы обрамляли лоб странной, но довольно красивой прической. На вид ему было лет сорок пять. Некоторое время Грэм не осознавал, что видит себя самого. Затем с усмешкой промолвил:

— Вот позвать бы сейчас старину Уорминга и заставить его пригласить меня куда-нибудь на обед!

Грэм стал думать, кого из знакомых по прежней жизни ему хотелось бы увидеть, но посреди этих приятных мыслей вспомнил, что все, с кем он бы мог весело провести время, давным-давно умерли. Эта мысль так больно поразила его, что он поник и побледнел.

Беспокойные воспоминания о движущихся мостовых и гигантских фасадах вернулись с прежней силой. Крики толпы снова зазвучали в ушах громко и отчетливо. Неслышно говорящие друг с другом, полные враждебности члены Совета в белых одеждах встали перед глазами. Он ощутил себя маленьким, жалким и бессильным — выставленным напоказ в этом чужом, совсем чужом мире.

Глава VII
В комнатах безмолвия

Грэм продолжил исследование своих апартаментов. Любопытство взяло верх над усталостью. Дальняя комната оказалась высокой, с купольным сводом наверху. Продолговатое отверстие в центре купола переходило в воронку, где вращалось колесо с широкими лопастями, по-видимому, вытягивая воздух наружу. Легкое жужжание вентилятора было единственным звуком, различимым в тишине этих покоев. В промежутках между мелькающими лопастями Грэм смог разглядеть кусочек неба и с изумлением заметил на нем звезду.

Это заставило его обратить внимание на то, что яркое освещение комнат обеспечивало множество очень слабых лампочек, размещенных вдоль карнизов. Окон не было. Он начал припоминать, что во всех огромных помещениях и коридорах, через которые они проходили с Говардом, он не заметил ни одного окна. А есть ли здесь вообще окна? Он видел окна на фасадах зданий, но предназначались ли они для освещения? Или

весь город постоянно освещается искусственным светом и ночи здесь вовсе нет?

Его поразило и другое. В комнатах не было каминов. Возможно, сейчас летний сезон, а это — летние покои. Или же весь город имеет единую систему обогрева и охлаждения? Это заинтересовало Грэма, и он ощупал гладкую поверхность стен, изучил кровать весьма простой конструкции и хитроумные приспособления, делавшие практически ненужной ручную уборку помещения. Любопытно было полное отсутствие украшений — только изящные формы и гармоничные цвета. Грэм нашел это приятным для глаза. Здесь было несколько очень удобных кресел и легкий стол на бесшумных колесиках, на котором стояли бутылки с напитками, стаканы и два блюда с чем-то прозрачным, наподобие желе. Он отметил, что нет ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей. «Мир и в самом деле изменился», — подумал он.

Вся стена проходной комнаты была заставлена рядами странных парных цилиндров с надписями зелеными буквами по белому фону, в тон общему убранству комнаты. Посреди стены выступал небольшой квадратный аппарат размером примерно ярд на ярд с белой гладкой

лицевой поверхностью. Напротив него стояло кресло. У Грэма мелькнула мысль, что эти цилиндры, возможно, заменяют книги, хотя внешне их вовсе не напоминают.

Надписи на цилиндрах озадачили его. Сначала ему показалось, что они сделаны по-русски. Потом он понял, что это искаженный английский: **«Θi** Man huwdbi Kig», — вероятно, фраза: «Человек, который мог быть королем». «Фонетическое письмо», — догадался он. Грэм помнил, что читал книгу с таким названием, и вспомнил ее живо — одну из самых лучших книг в мире. Но предмет, который он держал в руке, вовсе не был книгой. Он расшифровал названия двух соседних цилиндров. «Душа тьмы» и «Мадонна будущего» — о таких книгах Грэм не слышал, они были, по-видимому, написаны после Викторианской эпохи.

Грэм еще какое-то время с любопытством разглядывал цилиндры и поставил их на место. Затем повернулся к аппарату и принялся его изучать. Обнаружив что-то вроде крышки, он открыл ее и увидел внутри двойной цилиндр, а на верхнем крае — кнопку, как у электрического звонка. Грэм нажал ее, аппарат издал несколько быстро следующих один за другим щелчков. Затем послышались голоса, музыка, и на гладкой

белой поверхности заиграли цветные пятна. Он вдруг понял, что это такое, попятился и стал смотреть.

На плоской поверхности теперь появилась яркая цветная картинка с движущимися фигурками. Они не только передвигались, но и разговаривали чистыми, тонкими голосами. Впечатление было такое, как если бы Грэм смотрел в перевернутый театральный бинокль, а слушал через длинную трубу. Его сразу заинтересовала представленная сцена, в которой мужчина шагал туда-сюда и сердито пререкался с хорошенькой, но вздорной женщиной. Оба персонажа были одеты в живописные костюмы, очень странные, на взгляд Грэма. «Я работал, — кричал мужчина, — а ты чем занималась?»

— Вот это да! — воскликнул Грэм.

Он забыл обо всем остальном и уселся в кресло. Не прошло и пяти минут, как он услышал упоминание о себе: «Когда Спящий проснется» — фразу, употребленную для обозначения отсрочки на неопределенное время или применительно к событию отдаленному и маловероятному. За короткое время он узнал эту пару почти как близких друзей.

Наконец миниатюрная драма закончилась,

и прямоугольная поверхность прибора снова опустела.

В какой странный мир удалось ему заглянуть — беспринципный, деятельный, коварный, мир людей, ищущих наслаждений, в мир жестокой экономической борьбы. Некоторые намеки остались ему непонятны, а кое-какие эпизоды говорили о странных изменениях нравственных идеалов и сомнительных успехах просвещения. Синюю одежду, которую он в таком обилии наблюдал на движущихся мостовых, носило простонародье. У Грэма не было сомнений, что история, которую он только что видел, была современной и вполне реалистичной. Трагический финал подействовал на него угнетающе. Некоторое время он продолжал сидеть, глядя в пустоту.

Наконец Грэм вздрогнул и протер глаза. Он настолько увлекся этой современной заменой романа, что, очнувшись в небольшой зелено-белой комнате, испытал не меньшее изумление, чем при своем первом пробуждении.

Грэм встал и сразу вернулся в собственную страну чудес. Ясности и простоты кинетоскопа как не бывало. Вспомнился загадочный Совет, схватка на огромной улице — все пережитое после пробуждения. Люди в кинетоскопе гово-

рили о Совете, для них он олицетворял власть и могущество. Упоминали и о Спящем. Грэма не слишком тронуло, что он и есть Спящий. Надо бы точнее припомнить, что они говорили…

Он пошел в спальню и стал смотреть вверх, сквозь вращающиеся лопасти вентилятора. Они проносились одна за другой, пропуская в комнату какой-то ритмичный гул, похожий на шум машин. Больше не было слышно ни звука. Невзирая на вечный день, сияющий в его покоях, он мог разглядеть мелькающую полоску неба, теперь темно-синюю, почти черную, с россыпью мелких звезд…

Грэм продолжил исследование комнат. Не удалось ни разгадать секрет двери, ни обнаружить звонок или другое устройство для вызова прислуги. Ощущение чуда несколько притупилось, но им по-прежнему владело любопытство, жажда узнавать новое. Хотелось лучше понять свое положение в этом новом порядке вещей. Грэм пытался заставить себя терпеливо ждать, пока кто-нибудь не появится, но острое желание перемен, свежих впечатлений не оставляло его.

Он вернулся в другую комнату к аппарату и скоро понял, как заменяются цилиндры. Тут он подумал, что, видимо, именно благодаря этим

устройствам язык сохранился настолько, что остался понятным и через двести лет. Выбранные наудачу цилиндры показывали какую-то музыкальную фантазию. Вначале мелодия была прекрасна, но потом она стала слишком чувственной. Грэм догадался, что перед ним развертывается переиначенная история Тангейзера. Музыка была ему незнакома, но постановка оказалась реалистической, хотя некоторые места оставались непонятными. Тангейзер отправлялся не к Венериной горе, а в Город Наслаждений. Что за Город Наслаждений? По-видимому, это была мечта, сладострастная фантазия автора.

Сначала Грэм смотрел и слушал с любопытством. История была окрашена какой-то странной, искаженной сентиментальностью. Внезапно она перестала ему нравиться. И чем дальше, тем сильнее отталкивала.

Грэм почувствовал отвращение. Тут не было живописности, идеализации — одна фотографическая реальность. С него довольно этой Венериной горы двадцать второго века! Грэм забыл о месте этого сюжета в искусстве девятнадцатого века и дал волю своему возмущению. Поднялся, раздосадованный, почти стыдясь того, что увидел — хотя бы и в одиночестве. Потянувшись

к аппарату, попробовал силой остановить его. Что-то щелкнуло. Сверкнула фиолетовая искра, он ощутил рукой электрический удар, и аппарат умолк. Когда на следующий день он попытался заменить цилиндры с Тангейзером на другую пару, то обнаружил, что аппарат не работает…

Взволнованный, переполненный впечатлениями, Грэм принялся шагать из угла в угол. Сведения, почерпнутые из цилиндров, картины, которые он наблюдал сам, сбивали с толку. Теперь казалось просто невероятным, что за тридцать лет жизни он ни разу не попытался представить себе образ будущего мира.

«Мы творили будущее, — сказал он себе, — но никто из нас не заставил себя всерьез задуматься, какое будущее мы создаем. А теперь — вот оно! Чего они достигли, что было сделано ими? Как я войду в этот мир?» Он был уже готов к огромным размерам зданий и улиц, к неисчислимому множеству людей. Но эти столкновения на платформах! И изощренная чувственность богачей!

Он вспомнил социалистическую утопию Беллами[3], так странно предвосхитившую его нынешние переживания. Но здесь не утопия,

---

[3] Примечания: 3

Беллами Эдвард (1850–1898) — американский писатель, автор утопического романа «Взгляд назад» (1887).

не социалистическое государство. Грэм увидел уже достаточно много, чтобы понять: древний конфликт между роскошью, расточительством и развратом с одной стороны и крайней бедностью с другой сохранил свою силу. Грэму хватало знаний об основных факторах общественной жизни, чтобы увидеть это противостояние. Не только здания этого города были огромны, не только толпы на улицах были огромны — неумолчные крики людей на движущихся мостовых, тревога Говарда, вся атмосфера говорила об огромных масштабах недовольства. Что это за страна? Казалось бы, все еще Англия — но было в ней что-то очень «неанглийское». Тщетно пытался Грэм представить себе остальную часть мира — все закрывала загадочная пелена.

Грэм шагал по комнатам, осматривая все вокруг, как запертый в клетке зверь. Он очень устал, но ощущал лихорадочное возбуждение, не позволявшее отдохнуть. Подолгу стоял он под вентилятором, чтобы поймать хотя бы отдаленный отзвук беспорядков, которые, как он чувствовал, продолжались в городе.

Начал разговаривать с самим собой. Повторял снова и снова, с глупым смехом: «Двести три года! Значит, мне сейчас двести тридцать три года!

Самый старый житель Земли. Вряд ли они изменили традиции моего века и власть вернулась к самым старым. У меня не было бы конкурентов. Шамкаю, пускаю слюни. Я ведь помню болгарскую резню так ясно, словно это было вчера. Вот это возраст! Ха, ха!» Он удивился, впервые услышав свой смех, и расхохотался снова, теперь уже нарочно — все громче и громче. Затем осознал, что ведет себя, как безумец. «Тише, тише», — стал он уговаривать себя.

Шаги его сделались более размеренными. «Этот новый мир… — произнес Грэм. — Я не понимаю его. Но почему?.. Сколько этих «почему»! Они, верно, и летать научились, и чего только не могут… Попробую вспомнить, как это все начиналось».

В первую очередь его удивило, какими смутными стали впечатления от его прожитых тридцати лет. Грэм смог вспомнить только обрывки, какие-то не слишком важные эпизоды. Лучше всего сохранились детские воспоминания; он вспомнил школьные учебники и уроки арифметики. Затем он обратился к более значительным событиям своей жизни, вспомнил давно умершую жену, ее магическое влияние на него, теперь исчезнувшее, вспомнил своих соперников, друзей и врагов, вспомнил о важных решениях, которые

ему приходилось принимать, о годах лишений и, наконец, о своей напряженной работе. Вскоре вся прежняя жизнь, казалось, предстала пред ним, хотя и покрытая дымкой, налетом — словно потускневший металл, который можно отполировать заново. Воспоминания были печальны — стоило ли полировать этот металл? Чудом он вырвался из той невыносимой жизни…

Грэм вернулся к своему нынешнему положению. Попытался разобраться с фактами — напрасно. Запутался в клубке противоречий. Сквозь вентилятор виднелось розовое рассветное небо. Из темных закоулков памяти возникла старая навязчивая мысль. «Я должен уснуть», — сказал он себе. Сон казался блаженным отдыхом от умственного напряжения и от нарастающей боли и тяжести в конечностях. Он подошел к странной небольшой кровати, лег и скоро уснул.

Поневоле Грэму пришлось основательно ознакомиться со своим жилищем, ибо заключение его длилось три дня. За все время никто, кроме Говарда, не появлялся в его комнатах. Загадочность его дальнейшей судьбы перемешалась с загадочностью пробуждения и как бы затмила ее. Грэм явился человечеству словно для того, чтобы оказаться упрятанным в это непонятное одиночное

узилище. Говард приходил регулярно, принося укрепляющие и питательные напитки и легкую приятную пищу, несколько непривычную для Грэма. Всегда тщательно запирал за собой дверь. Вел себя обходительно, однако посвящать Грэма в события, которые происходили за звуконепроницаемыми стенами, явно не желал. Насколько мог вежливо Говард избегал разговоров о положении дел во внешнем мире.

Эти три дня Грэм много и напряженно думал. Сложил воедино все увиденное, все изощренные уловки, которые изобретались, чтобы помешать ему видеть больше. Обсудил сам с собой почти все детали своего положения и дал им истолкование. Благодаря этому уединению он смог осмыслить происходившие с ним события. И когда наступил момент освобождения, он был к нему готов…

Поведение Говарда все больше укрепляло в Грэме впечатление о своей значительности. Вместе с Говардом в дверь словно врывался ветер важных событий. Вопросы Грэма становились все более целенаправленными и определенными. Говард увиливал от них, повторяя, что пробуждение Грэма застало всех врасплох и к тому же совпало с потрясениями в обществе.

— Чтобы объяснить это, мне пришлось бы рас-

сказать вам нашу историю за последние полтора гросса лет, — отвечал Говард на его расспросы.

— Это означает, — заявил ему Грэм, — что вы опасаетесь моего вмешательства. Я ведь в некотором роде третейский судья. Мог бы стать таким судьей.

— Это не так. Но, должен вам сказать, ваше огромное состояние дает вам большие возможности для вмешательства. Вы влиятельны и по другим причинам — у вас взгляды человека восемнадцатого века…

— Девятнадцатого, — поправил Грэм.

— У вас взгляды старого времени и полное невежество в делах нашего государства…

— По-вашему, я глуп?

— Вовсе нет.

— Или похож на человека, который стал бы действовать опрометчиво?

— От вас вообще никогда не ожидали никаких действий. Никто не рассчитывал на ваше пробуждение. Никто и не мечтал, что вы когда-нибудь проснетесь. Совет содержал вас в стерильных условиях. По сути дела, мы считали, что вы давно мертвы, но процесс разложения остановлен. А между тем… нет, это слишком сложно. Мы не можем так быстро… пока вы еще не полностью

проснулись.

— Так не может продолжаться, — сказал Грэм. — Предположим, все так, как вы сказали. Но почему тогда в меня днем и ночью не впихивают всю мудрость нового времени, главные факты и проблемы, чтобы подготовить меня к ответственной роли? Знаю ли я сейчас больше, чем два дня назад, — прошло два дня, как я проснулся, не так ли?

Говард поджал губы.

— Я с каждым часом все яснее начинаю понимать, — продолжал Грэм, — что есть заговор молчания и что вы — центр этого заговора. В этом Совете, или комитете, или как он там называется, стряпают отчеты о моей собственности, разве не так?

— Выражая такие подозрения… — начал было Говард.

— Ох! — перебил его Грэм. — Попомните мои слова, худо придется тем, кто держат меня здесь. Придется худо. Я жив, не сомневайтесь. Я жив, и с каждым днем мой пульс бьется сильнее, а мозг работает яснее и энергичнее. Мне больше не нужен покой. Я — человек, вернувшийся к жизни. И я хочу жить…

— Жить!

Лицо Говарда просияло, словно он что-то придумал. Он приблизился к Грэму и заговорил спокойно и доверительно:

— Совет изолировал вас здесь ради вашего же блага. Вы отвергаете покой. Это естественно, ведь вы такой энергичный человек! Вам здесь скучно. Но мы могли бы удовлетворить любое ваше желание — любое. Чего вы хотите? Может быть, общества?

Он многозначительно умолк.

— Да, — задумчиво сказал Грэм, — общества.

— Конечно, мы небрежно относились к вашим нуждам.

— Общества толп, заполняющих ваши улицы.

— Вот как! — сказал Говард. — Боюсь, что… Но…

Грэм начал ходить из угла в угол. Говард остановился возле двери, наблюдая за ним. Намеки Говарда показались Грэму не вполне ясными. Общество? Допустим, он примет его предложение и потребует общения. Сможет ли он почерпнуть из разговора с новым собеседником хотя бы смутные сведения о борьбе, которая закипела в городе в момент его пробуждения? Грэм задумался, и смысл предложения прояснился. Он резко повернулся к Говарду.

— Что вы подразумевали под словом «общество»?

Говард поднял глаза к потолку и пожал плечами.

— Общество людей, — ответил он, и на его тяжелом лице мелькнула странная улыбка. — Наша мораль стала несколько свободней в сравнении с вашим временем, я полагаю. Если мужчина желает избавиться от скуки в обществе женщины, мы не видим в этом ничего зазорного. Наш разум очистился от закоснелых формул. У нас в городе существует определенный класс — необходимый класс, более не презираемый… скромный…

Грэм сохранял мертвое молчание.

— Вам легче будет скоротать время, — продолжал Говард. — Я должен был подумать об этом раньше, но произошло столько событий… — Он махнул рукой в сторону улицы.

Грэм заколебался. На мгновение его мыслями завладел соблазнительный женский образ. И тут же он возмутился.

— Нет! — выкрикнул Грэм и размашисто зашагал по комнате. — Все, что вы говорите и делаете, убеждает в одном: происходят важные события, которые меня затрагивают. Я не желаю «коротать время», как вы это называете. Я знаю, желания

и потворство им скрашивают жизнь — но это смерть! Угасание! В прежней жизни я решил для себя этот ничтожный вопрос. И не стану начинать все сначала. Там — город, огромные массы людей… А я сижу здесь, как кролик в мешке.

В нем закипала ярость. Он задохнулся, начал размахивать кулаками. Дав волю гневу, выкрикивал архаичные проклятия. Его жесты стали угрожающими.

— Не имею понятия, кто ваши сторонники! — кричал он. — Блуждаю в темноте, и вы держите меня в темноте! Но я знаю, знаю, меня заперли с недобрыми намерениями. С дурными намерениями! И предупреждаю вас о последствиях, предупреждаю! Как только я получу власть…

Он сообразил, что эти угрозы могут обернуться опасностью для него самого. Умолк. Говард стоял и смотрел на него с любопытством.

— Как я понял, это заявление адресовано Совету, — проговорил он.

Грэм испытал мгновенное искушение броситься на этого человека, сбить с ног, оглушить. Это, по-видимому, отразилось на его лице; во всяком случае, реакция Говарда оказалась быстрой. В мгновение ока бесшумная дверь захлопнулась, и человек из девятнадцатого века остался в оди-

ночестве.

С минуту Грэм простоял неподвижно, сжимая кулаки. Затем руки его опустились.

— Ну и дурака же я свалял! — воскликнул он и снова зашагал по комнате, выкрикивая ругательства.

Он долго не мог успокоиться, проклиная свое положение, собственное безрассудство и негодяев, которые его заперли. Он вел себя так потому, что не хотел спокойно обдумать свое положение. Предпочел впасть в ярость, потому что не хотел оказаться во власти страха.

Наконец он начал рассуждать. Непонятно, зачем его заперли, но, без сомнения, это сделано на основе законов — новых законов. Люди ушли на двести лет вперед по пути цивилизации по сравнению с викторианским поколением. Маловероятно, что они менее… гуманны. Правда, они очистили свой разум от старых формул! Может быть, для них гуманность — такая же устаревшая формула, как, скажем, целомудрие?

В воображении появлялись варианты того, что могли с ним сделать. Но попытки разобраться в этих вариантах — хотя большинство из них были вполне логичны — оказались бесплодными. «А почему со мной должны что-то сделать?» — поду-

мал он и заговорил вслух:

— В худшем случае я могу выполнить все, чего они хотят. Но чего они хотят? И почему они не попросят об этом вместо того, чтобы держать меня здесь?

Он вернулся к прежним раздумьям о возможных намерениях Совета. Заново перебрал в уме особенности поведения Говарда, его мрачные взгляды, необъяснимые колебания. Затем некоторое время мысли крутились вокруг идеи побега из этих комнат; но куда бежать в этом огромном, переполненном людьми мире? Он попал бы в худшее положение, нежели саксонский крестьянин, неожиданно заброшенный в Лондон девятнадцатого века. К тому же он не знал, как вообще можно отсюда убежать. А может быть, кому-то выгодно, чтобы при побеге с ним случилось несчастье?

Он подумал о мятеже, о крупных волнениях, осью которых каким-то образом стала его персона. Из мрака памяти выплыла фраза, вроде бы не относящаяся к делу, но странно навязчивая. Эти слова были тоже сказаны в Совете: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб»[4].

---

[4] Примечания: 4
Ин. XI, 50.

Глава VIII
На крышах

Вращающиеся лопасти вентилятора впускали сквозь круглое отверстие в потолке второй комнаты не только проблески ночного неба, но и какие-то неясные звуки. И Грэм, стоявший под вентилятором, вздрогнул, услышав человеческий голос.

Он посмотрел вверх и между мелькающими лопастями разглядел неясные очертания головы и плеч человека, наблюдающего за ним. Темная рука потянулась в его сторону, вентилятор ударил по ней и как ни в чем не бывало продолжил вращение. На кромке лопасти появилось маленькое коричневатое пятно, и что-то начало беззвучно капать на пол.

Грэм посмотрел вниз и увидел у своих ног пятна крови. Испуганно поднял глаза. Силуэт исчез.

Он стоял неподвижно, вглядываясь в мелькающие между лопастями полоски ночной темноты. Стали различимы какие-то темные пятнышки, легко проносящиеся в воздухе. Они летели вниз, к нему, кружась и взмывая, но поток воздуха от

вентилятора отбрасывал их прочь. Попадая в мелькающий луч, пятнышки вспыхивали белизной и снова уносились во тьму. Стоя в теплой, освещенной комнате, Грэм понял, что в нескольких футах от него идет снег.

Он прошелся по комнате и вернулся к вентилятору. Увидел, что голова появилась снова. Послышался шепот. Затем — резкий металлический удар, голоса, пыхтенье, и вентилятор остановился. Рой снежинок ворвался в комнату и, не долетев до пола, исчез.

— Не бойтесь, — сказали наверху.

Грэм стоял под вентилятором.

— Кто вы? — прошептал он.

Некоторое время не было слышно ничего, кроме скрипа отгибаемой лопасти, потом в отверстие осторожно просунулась голова мужчины. Грэм увидел его лицо как бы перевернутым. Черные волосы были мокрыми от тающего снега. Руку он протянул назад, в темноту, держась за что-то невидимое. У него было молодое лицо и блестящие глаза. Вены на лбу надулись; человек явно должен был напрягать все силы, чтобы удерживаться в таком положении.

Несколько секунд оба молчали.

— Вы и есть Спящий? — спросил наконец незна-

комец.

— Да, — ответил Грэм. — Что вам нужно от меня?

— Я пришел от Острога, сир.

— От Острога?

Человек в вентиляторе повернул голову, словно прислушиваясь, и Грэм увидел его лицо в профиль. Послышался окрик, и незнакомец отпрянул назад, едва успев увернуться от завертевшихся лопастей. Сколько ни вглядывался Грэм, он не увидел ничего, кроме медленно падающего снега.

Прошло, наверное, с четверть часа, пока не раздался такой же металлический звук. Лопасти остановились, и стало видно знакомое лицо. Грэм все это время простоял не сходя с места, настороженный и дрожащий от возбуждения.

— Кто вы? Чего вы хотите? — повторил он.

— Нам нужно поговорить с вами, сир, — сказал незнакомец. — Мы хотим… Мне трудно удержать эту штуку. Все три дня мы пытались пробраться к вам.

— Это освобождение? — прошептал Грэм. — Побег?

— Да, сир. Если вам будет угодно.

— Вы мои сторонники? Сторонники Спящего?

— Да, сир.

— Что я должен делать? — спросил Грэм.

В отверстии началась возня. Показалась кровоточащая рука незнакомца, затем он свесил ноги.

— Отойдите в сторону, — сказал он и тяжело спрыгнул, упав на руки и ударившись плечом о пол у ног Грэма.

Освобожденный вентилятор шумно завертелся. Незнакомец откатился в сторону и проворно поднялся. Шумно дыша и держась за ушибленное плечо, он смотрел своими блестящими глазами на Грэма.

— Так вы и вправду Спящий! — произнес он. — Я видел вас, когда вы спали. Когда был закон, позволявший всем смотреть на вас.

— Я — тот человек, который находился в летаргии, — ответил Грэм. — Они заперли меня сюда. Я здесь с тех пор, как проснулся, — не меньше трех дней.

Незнакомец хотел ответить, но что-то услышал, быстро взглянул на дверь и вдруг подбежал к ней, выкрикивая непонятные слова. Блестящий стальной клин сверкнул в его руке, и он стал колотить по дверным петлям.

— Берегись! — послышался голос сверху.

Грэм поднял голову, увидел подошвы чьих-то

ног и попытался увернуться, но не успел; тяжелый удар сбил его с ног. Он упал на четвереньки, и свалившийся сверху человек перекатился через его голову. Выпрямившись, Грэм увидел второго незнакомца, сидящего перед ним на полу.

— Я не заметил вас, сир, — пропыхтел тот, поднимаясь и помогая Грэму встать на ноги. — Вы не ушиблись, сир?

Послышались сильные удары по вентилятору; сверху, чуть не задев лицо Грэма, свалилась полоса белого металла, отскочила и плашмя легла на пол.

— Что это? — вскрикнул Грэм, в смятении глядя на вентилятор. — Кто вы? Что вы задумали? Послушайте, я ничего не понимаю.

— Отойдите, — сказал новоприбывший и отгащил его из-под вентилятора. Оттуда выпал еще один тяжелый кусок металла. — Мы хотим, чтобы вы пошли с нами, сир, — сказал человек, переведя дыхание. Взглянув ему в лицо, Грэм заметил на лбу свежий, быстро краснеющий шрам, из которого двумя струйками текла кровь. — Ваш народ призывает вас.

— Пойти с вами — но куда? Что значит — мой народ?

— В зал над рынками. Здесь ваша жизнь в

опасности. У нас есть лазутчики. Мы узнали как раз вовремя. Совет только что принял решение — одурманить вас или убить. У нас все готово. Люди обучены, с нами охрана ветряных двигателей, инженеры и половина обслуги движущихся дорог. Залы полны людей. Они кричат. Весь город против Совета. У нас есть оружие. — Он вытер кровь со лба. — А здесь ваша жизнь не стоит и…

— Но зачем оружие?

— Народ восстал, чтобы защитить вас, сир. Что там? — Он быстро повернулся к двери, потому что его товарищ предостерегающе зашипел сквозь зубы. Грэм увидел, как первый незнакомец знаками приказывает им спрятаться, а сам отходит в сторону, чтобы открывающаяся дверь загородила его.

Едва он успел это сделать, как вошел Говард с небольшим подносом в руке. Его крупное лицо было мрачно, глаза опущены. Он вздрогнул, поднял голову, дверь с треском захлопнулась, поднос покачнулся, и стальной клин вонзился в его шею за ухом. Говард упал, как подрубленный, и остался неподвижно лежать на полу передней комнаты. Человек, нанесший удар, торопливо наклонился, вгляделся в его лицо, выпрямился и, повернувшись к двери, возобновил свою работу.

— Он принес вам яд! — сказал кто-то на ухо Грэму.

И тут внезапно все погрузилось в темноту. Бесчисленные лампочки, горевшие вдоль карнизов, потухли. Грэм увидел отверстие вентилятора, в котором призрачно метались снежинки и проворно передвигались черные фигуры. Трое встали на колени над отверстием и спустили вниз лестницу. Затем показалась рука, держащая яркий желтый фонарь.

На мгновение Грэм заколебался. Но поведение этих людей, их лихорадочная спешка, их слова так согласовывались с его собственным страхом перед Советом, с его мыслями и надеждой на побег, что сомнения длились не более минуты. Народ ждал его!

— Я ничего не понимаю, — сказал он. — Но верю вам. Скажите, что нужно делать.

Человек с рассеченным лбом схватил Грэма за руку.

— Поднимайтесь по лестнице, — шепнул он. — Быстрее. Они могли услышать…

Грэм протянул руки, нащупал лестницу, поставил ногу на нижнюю перекладину и, повернув голову, через плечо стоявшего позади человека увидел в отблеске желтого света, что первый

незнакомец, расставив ноги над Говардом, продолжает возиться возле двери. Грэм снова повернулся к лестнице; с помощью людей, собравшихся наверху, и подталкиваемый сзади незнакомцем, он пролез через отверстие вентилятора и очутился на твердой, холодной и скользкой поверхности.

Грэма пробрала дрожь. Он понял, насколько здесь холоднее. С полдюжины людей окружили его, легкие хлопья снега падали на лицо и руки и таяли. Вдруг темноту прорезала вспышка мертвенного фиолетового света, и все снова погрузилось во мрак.

Он видел, что оказался на крыше огромной городской постройки, заменившей мешанину домов, улиц и открытых пространств викторианского Лондона. Он стоял на плоскости, которую во всех направлениях пересекали толстые змеящиеся кабели. Во мраке и снегопаде маячили гигантские колеса ветряных двигателей, их гул то нарастал, то стихал, следуя за порывами ветра. В некотором отдалении снизу пробивался прерывистый луч белого света, мимолетным блеском высвечивая снежные вихри и лепя из них в ночи призрачные фигуры. То тут, то там далеко внизу озарялись искрами смутные очертания каких-то

механизмов, приводимых в действие ветром.

Глаза Грэма воспринимали лишь отдельные фрагменты окружающего, пока вокруг стояли его спасители. Один из них накинул на него толстый мягкий плащ из материала, похожего на мех, и закрепил на плечах и талии ремешками с пряжками. Короткие решительные команды. Кто-то подтолкнул Грэма вперед.

Прежде чем он успел собраться с мыслями, почти невидимый во тьме человек схватил его за руку.

— Сюда, — сказал он Грэму, увлекая его за собой по плоской крыше в направлении к тусклому полукругу света. Грэм повиновался. — Осторожнее! — сказал проводник, когда Грэм споткнулся о кабель. — Идите между кабелями, а не поперек. Мы должны поторопиться.

— Но где же народ? — спросил Грэм. — Народ, который, как вы сказали, ожидает меня?

Незнакомец не ответил. Он отпустил руку Грэма, так как проход сделался у2же, и быстрыми шагами пошел впереди. Грэм вслепую последовал за ним. Через минуту он почувствовал, что бежит.

— Другие тоже с нами? — пропыхтел он, но не получил ответа. Его спутник оглянулся и побе-

жал еще быстрее. Они наткнулись на дорожку из металлических прутьев, пересекавшую их путь, и по ней свернули в сторону. Грэм посмотрел назад, но за снежной пеленой никого не увидел.

— Вперед! — крикнул проводник. Они подбежали к небольшому ветряному двигателю, вращавшемуся высоко вверху. — Пригнитесь, — скомандовал спутник Грэма, и они поднырнули под приводной ремень, с гудением бежавший от вала ветряка. — Теперь сюда! — Увязая по щиколотки в нанесенном ветром тающем снегу, они двинулись по металлическому желобу, огражденному стенками в половину человеческого роста.

— Я пойду первым, — сказал проводник.

Грэм, завернувшись в плащ, последовал за ним. Впереди появилась неширокая пропасть; желоб уходил на другую ее сторону, в снежную мглу. Грэм глянул вниз через боковую стенку: все черно. На мгновение он пожалел, что решился на побег. Взглянуть второй раз он побоялся, у него начала кружиться голова и кружилась все время, пока он брел и брел по снежной каше.

Выбравшись из желоба, они поспешили дальше по широкой ровной площадке, мокрой от талого снега и местами достаточно прозрачной, чтобы пропускать свет движущихся внизу огней.

Грэм нерешительно ступил на эту показавшуюся ему ненадежной поверхность, но проводник бежал по ней уверенно. Так они добрались до подножия огромного стеклянного купола, по скользким ступенькам взобрались на его край и обошли вокруг. Далеко внизу виднелись толпы танцующих, сквозь купол просачивалась музыка… Грэму почудилось, что сквозь метель он слышит какие-то крики, и проводник снова стал его торопить. Тяжело дыша, они выбрались на пространство, уставленное гигантскими ветряными двигателями. Один был так огромен, что Грэм видел лишь концы его лопастей, когда они стремительно пролетали мимо и снова взмывали в ночь, в снежное облако наверху. Некоторое время беглецы пробирались сквозь ажурные переплетения его колоссальных металлических опор и наконец оказались над движущимися платформами, вроде тех, что Грэм видел с балкона. Пришлось ползти по наклонной прозрачной крыше, перекрывающей эту движущуюся улицу, ползти на четвереньках по скользкому снегу.

Стекла запотели, и Грэм видел внизу только смутные очертания, но возле гребня стекла оказались чище, и он, несмотря на увещевания проводника, стал смотреть вниз. У него закру-

жилась голова, и некоторое время он лежал, распластавшись на стекле, словно парализованный. Далеко внизу, в непрестанном дневном свете никогда не засыпающего города двигались пятнышки и точки — шли люди. Ни на мгновение не останавливались платформы. Курьеры и люди других, неизвестных занятий скользили по провисающим тросам; ажурные подвесные мостики были запружены народом. Грэму казалось, что он смотрит внутрь гигантского стеклянного улья; только стекло неведомой толщины предохраняло его от падения со страшной высоты. Внизу, на освещенных улицах было тепло, а одежда Грэма до нитки пропиталась талой водой, ноги онемели от холода. Некоторое время он не мог шевельнуться.

— Давайте же, скорее! — кричал проводник, и в его голосе слышался ужас. — Скорее!

Грэм с усилием добрался до гребня крыши.

Перевалив на противоположный скат, он по примеру проводника перевернулся на спину и быстро съехал под уклон, увлекая за собой небольшую снежную лавину. Скользя вниз, он успел подумать, что будет, если на пути попадется пробоина в кровле. На краю крыши Грэм встал по щиколотку в снежной каше, благодаря небеса за

непрозрачную опору под ногами. Его проводник уже выбирался по металлической решетке на широкое плоское пространство.

Сквозь редкие снежные хлопья виднелась еще одна линия огромных ветряков, и вдруг в монотонный гул вращающихся лопастей ворвался пугающий звук. Это был неживой, механический визг невероятной силы, идущий, казалось, одновременно со всех сторон горизонта.

— Они уже хватились! — с ужасом в голосе прокричал проводник.

Вспыхнул ослепительный свет, и ночь превратилась в день.

Среди снежных вихрей над ветряками появились высокие мачты с шарами, излучающими синеватый свет. Они тянулись бесконечными рядами во всех направлениях. Они сияли везде, куда мог достать взгляд сквозь снежную завесу.

— Сюда! — крикнул проводник и толкнул Грэма к длинной металлической решетке, идущей между двумя слегка наклонными плоскостями, засыпанными снегом. Онемевшие ноги Грэма ощутили тепло — из решетки вырывались чуть заметные облачка пара.

— За мной! — прокричал проводник.

Он был в десятке ярдов впереди и, не дожидаясь

Грэма, проворно побежал по залитому светом пространству к железным опорам следующего ряда ветряков. Грэм столь же быстро последовал за ним, уверенный, что его вот-вот схватят…

Через десяток-другой секунд они оказались внутри хитросплетения полос света и черных подвижных теней, отбрасываемых чудовищными ветряными колесами. Проводник Грэма еще некоторое время бежал, но вдруг кинулся в сторону и исчез в тени ближайшей опоры. Спустя секунду, Грэм был рядом с ним.

Они перевели дух и осмотрелись.

Странное зрелище открылось Грэму. Снег почти совсем прекратился, лишь изредка проносились запоздалые хлопья. Широкое пространство было мертвенно-белым. На фоне белизны выделялись огромные сгустки, движущиеся пятна, длинные полосы непроницаемой тьмы — тени неуклюжих титанов. Огромные металлические сооружения, чудовищных размеров стальные фермы, медленно вращающиеся в затишье крылья ветряных двигателей — все это круто уходило вверх, в светящийся туман. И куда бы ни ударял расцвеченный снежными блестками свет, становились видны брусья, и балки, и приводные ремни, бегущие с неукротимым упорством вверх и вниз,

в черноту. Но при всей этой могучей деятельности, при очевидном присутствии человеческого разума в этих конструкциях, безлюдье вокруг заснеженных механизмов было столь полным, что вызывало в воображении самые пустынные и малопосещаемые снежные вершины в Альпах.

— Они будут гнаться за нами, — прокричал проводник. — Мы едва прошли половину пути. Как ни холодно, придется сидеть и ждать, пока снег не пойдет сильнее. — Зубы его стучали.

— Где же эти рынки? — глядя вокруг, спросил Грэм. — Где люди?

Спутник не ответил.

— Глядите! — прошептал Грэм, согнулся еще сильней и замер.

Снег вдруг снова повалил, и вместе с ним из черной бездны неба выскользнуло что-то большое и очень стремительное. С крутым разворотом пошло вниз, промчалось по кругу на распростертых широких крыльях, оставляя позади полосу конденсирующегося пара, легко поднялось, полетело по широкой дуге и опять пропало в мелькающих хлопьях снега. За ребрами машины Грэм рассмотрел двух суетящихся человечков, изучавших, как ему показалось, в полевые бинокли снежное пространство вокруг беглецов.

Секунду он видел их отчетливо, затем их закрыла пелена снега, потом фигурки стали совсем крошечными, пока наконец не исчезли.

— Теперь пора! — крикнул проводник. — Пошли!

Он потянул Грэма за рукав, и они побежали под стальными опорами ветряных двигателей. Грэм, ничего не видящий из-за снега, вдруг столкнулся со своим проводником, который неожиданно повернул назад. Они оказались в десятке ярдов от черной щели. Она тянулась в обе стороны насколько мог видеть глаз. Похоже, что путь вперед был отрезан.

— Делайте как я, — прошептал проводник.

Он ползком подобрался к краю щели, заглянул туда и свесил ногу. По-видимому, нащупал какую-то опору и соскользнул в темноту. Высунул голову.

— Здесь есть выступ, — прошептал он. — Всю дорогу будет темно. Повторяйте мои движения.

Поколебавшись, Грэм опустился на четвереньки, подполз к краю и посмотрел в бархатную черноту. Было отвратительное мгновение, когда у него не хватало храбрости ни двинуться вперед, ни отступить, но потом он сел, спустил ногу во тьму. Проводник потянул его вниз. Он с

ужасом ощутил, что соскальзывает в бездонную пропасть. В непроницаемой тьме раздался глухой звук — Грэм упал в желоб, забитый талым снегом.

— Сюда, — послышался шепот, и он пополз по слякоти, прижимаясь к стене. Так они двигались несколько минут. Казалось, за это время он до дна погрузился в пучину несчастья, с каждой минутой все мучительнее мерз, промокал и терял силы. Перестал ощущать свои руки и ноги.

Желоб шел под уклон, и Грэм заметил, что теперь они находятся на много футов ниже края кровли. Над ними возникли ряды каких-то призрачных белых контуров, похожих на занавешенные окна. Они подошли к тросу, закрепленному над одним из этих белых окон. Трос был едва различим, он спускался в непроницаемую черноту. Вдруг проводник схватил Грэма за руку и чуть слышно шепнул:

— Тихо!

Вздрогнув, Грэм посмотрел вверх и увидел в снегопаде огромные крылья летающей машины, медленно и беззвучно скользящей над их головами по сине-серому небу. Мгновение — и машина исчезла.

— Не двигайтесь, она сейчас вернется.

Некоторое время они не шевелились. Затем спутник Грэма поднялся и стал возиться с чем-то у места крепления троса.

— Что это такое? — спросил Грэм.

Ответом был только тихий вскрик. Проводник скрючился и застыл. Грэм увидел, что тот смотрит вдоль длинной полосы неба, и, проследив за его взглядом, заметил вдалеке маленькую, едва различимую летающую машину. Она летела прямо на них, распрямляя крылья и увеличиваясь с каждым мгновением.

Движения проводника стали лихорадочными. Он сунул в руки Грэму две скрещенные перекладины. Их форму в темноте Грэм смог определить только ощупью. Тонким шнуром они крепились к тросу. На шнуре он нащупал петли для рук из эластичного, мягкого материала.

— Пропустите крестовину между ног, — отчаянно зашептал проводник, — и держитесь за петли. Крепче держитесь!

Грэм сделал, что было велено.

— Прыгайте! Ради всего святого, прыгайте!

В этот решительный момент Грэм потерял дар речи. Позже он был рад, что темнота скрыла его лицо. Он молчал и дрожал всем телом. Посмотрел вбок, на быструю тень, которая, закрывая небо,

мчалась к нему.

— Прыгайте! Прыгайте ради Бога! Или они схватят нас! — закричал проводник и в отчаянии толкнул Грэма вперед.

Он судорожно дернулся, неожиданно для себя издал то ли крик, то ли рыдание и, когда летающая машина проносилась над ними, упал в темную бездну, сидя на деревянной крестовине и мертвой хваткой вцепившись в петли. Что-то треснуло, что-то резко ударило в стену. Он слышал жужжание блока, летящего по тросу. Он слышал крики аэронавтов. Колени проводника впивались ему в спину… Грэм несся вперед, рассекая воздух, падал в пустоту. Вся его сила сосредоточилась в руках. Хотелось кричать — дыхание перехватило.

Он влетел в ослепительный свет и от неожиданности еще крепче вцепился в петли. Узнал широкую улицу с бегущими дорогами, подвешенные светящиеся шары и переплетения ферм. Огни летели мимо него вверх. Впереди возникло огромное круглое отверстие, похожее на пасть, готовую его поглотить.

Он снова оказался в темноте и все падал, падал, до боли сжимая петли, но что это? Лавина звуков, вспышка света — внизу ярко освещен-

ный зал, заполненный ревущей толпой. Народ! Его народ! Спереди надвигалась широкая сцена — трос уходил в круглое отверстие справа от нее. Он почувствовал, что движется медленнее, еще медленнее. Резкое торможение. Услышал крики: «Спасен! Хозяин! Он спасся!» Скорость падала все стремительней. И вдруг…

Он услышал, как человек, висевший у него за спиной, вскрикнул словно от испуга, и крик этот подхватила толпа внизу. Они уже не скользили по тросу, а падали вместе с ним. Оглушительный рев, вопли ужаса. Он наткнулся вытянутой рукой на что-то мягкое, рука подвернулась при ударе.

Грэм не хотел вставать, и его подняли. Затем как будто перенесли на сцену, дали что-то выпить, — впрочем, он не был в этом уверен. Проводник куда-то исчез. Грэм окончательно пришел в себя, уже стоя на ногах. Услужливые руки поддерживали его. Он находился в большой нише, расположенной там, где в его времена в театре помещались ложи бенуара. Если это и впрямь был театр.

В уши бил мощный гул, громогласный рев, крик несчетного множества людей:

— Это Спящий! Спящий с нами!

— Наш Хозяин! Владелец! Он с нами! Он спа-

сен!

Перед глазами колыхался огромный зал, забитый народом. Грэм не мог различить отдельных людей — только пена розовых лиц и машущих рук; он ощутил магическое воздействие гигантской толпы, оно окутывало его и поднимало. Балконы, галереи, огромные арки, за которыми открывались безграничные перспективы, — все было заполнено прижатыми друг к другу ликующими людьми. Неподалеку огромной змеей свернулся трос. Люди с летающей машины перерезали его у верхнего конца, и он свалился в зал. Народ суетился, оттаскивая его в сторону. Все здание содрогалось и гудело от рева голосов.

Нетвердо стоя на ногах, Грэм озирался вокруг. Кто-то поддерживал его под руку.

— Отведите меня в какую-нибудь маленькую комнату, — со слезами попросил Грэм, — в маленькую комнату. — Больше он ничего не смог вымолвить.

Вперед выступил человек в черном и взял его безвольную руку. Какие-то люди услужливо распахнули двери, подвели его к креслу. Он пошатнулся. Сел, закрыл лицо руками. Его трясло как в лихорадке, душевные силы были на исходе. Кто-то успел снять с него плащ, его пурпурные

чулки были мокры и казались черными. Вокруг сновали люди, что-то происходило, но он ничего не замечал.

Ему удалось бежать. Тысячи голосов кричали об этом. Он спасся. Эти люди были на его стороне. Грэм задыхался. Он сидел неподвижно, все еще закрывая лицо. Воздух полнился криками бесчисленной толпы.

Глава IX
Народ поднимается

Грэм вдруг понял, что ему дают в руку стакан с прозрачной светлой жидкостью. Поднял голову и увидел, что стакан держит темноволосый юноша в желтой одежде. Проглотив лекарство, Грэм мгновенно ожил. Высокий человек в черном, стоявший у его плеча, указывал через полуоткрытую дверь в зал. Этот человек кричал что-то над ухом, но слов нельзя было разобрать из-за ужасающего шума. Позади стояла девушка в серебристо-сером платье, красоту которой Грэм оценил, несмотря на свое смятение. Она не сводила с него темных глаз, полных изумления и любопытства, полуоткрытые губы дрожали. Сквозь приоткрытую дверь виднелся переполненный зал. Оттуда волнами доносились топот, аплодисменты, крики. Они то замолкали, то начинались снова и нарастали до громоподобных раскатов, и это не прекращалось, пока Грэм оставался в маленькой комнате. По губам человека в черном он догадался, что тот тщетно пытается что-то объяснить ему.

Некоторое время Грэм тупо осматривался, затем резко встал, схватил говорящего за руку и крикнул:

— Скажите же мне, кто я? Кто я?

Окружающие придвинулись, стараясь расслышать его слова.

— Кто я? — повторил он, обводя глазами их лица.

— Они ничего ему не сказали! — крикнула девушка.

— Говорите же! — кричал Грэм.

— Вы — Хозяин Земли. Вы — владелец мира.

Он не поверил собственным ушам. Всем существом воспротивился этим утверждениям. Притворился неслышащим, непонимающим и снова возвысил голос:

— Я проснулся три дня назад и три дня был в заключении. Кажется, идет какая-то борьба между людьми в этом городе… Это Лондон?

— Да, — сказал юноша.

— А те, что собрались в большом зале с белой статуей Атланта? Какое отношение все это имеет ко мне? Ведь это касается меня. Почему — вот чего я не знаю… Какие-то снадобья? Кажется, пока я спал, мир сошел с ума. Или я сошел с ума. Кто эти советники под фигурой Атланта? Зачем

они собирались одурманить меня?

— Чтобы держать вас в бессознательном состоянии, — сказал человек в желтом. — Чтобы предотвратить ваше вмешательство.

— Но почему?

— Потому, что вы и есть Атлант, сир, — ответил человек в желтом. — Мир держится на ваших плечах. Они правят миром от вашего имени.

Шум, доносившийся из зала, стих, уступив место чьему-то монотонному голосу. И вдруг, словно оттолкнувшись от последних сказанных слов, взорвался многоголосый крик, гремящий и ревущий; хриплые и звенящие голоса перекрывали друг друга, забивали, смешивались, и, пока это продолжалось, люди в маленькой комнате не могли слышать ничего другого.

Грэм встал, его разум беспомощно цеплялся за только что услышанную фразу.

— Этот Совет… — безучастно повторил он, но тут же припомнил имя, которое поразило его. — А кто такой Острог?

— Он организатор — организатор восстания. Наш вождь — от вашего имени.

— От моего имени? А вы? Почему же его нет здесь?

— Он… Он послал нас. Я его брат — его сводный

брат, Линкольн. Он хочет, чтобы вы показались этим людям, а потом встретились с ним. Вот зачем он послал нас. Он сейчас в Управлении ветряных двигателей. Народ выступил.

— От вашего имени, — выкрикнул юноша. — Они захватили власть, подавляли нас, тиранили. Наконец…

— От моего имени… Мое имя — Хозяин?

Неожиданно в паузе между взрывами шума в зале Грэм хорошо расслышал слова молодого человека с красным орлиным носом и пышными усами. Громким пронзительным голосом он возмущенно проорал:

— Никто не думал, что вы проснетесь! Никто не ожидал вашего пробуждения! Они хитрили! Проклятые тираны! Но и для них это оказалось сюрпризом. Они не знали, что делать, — одурманить вас, загипнотизировать или убить.

И снова шум зала перекрыл все звуки.

— Острог в Управлении ветряных двигателей. Он готов… Уже есть сообщения, что борьба началась.

Человек, назвавшийся Линкольном, подошел вплотную к Грэму.

— Острог все спланировал. Доверьтесь ему. Наша организация готова. Мы должны захватить

летные площадки. Может быть, это уже сделано. Затем…

— В этом театре только часть наших сторонников! — выкрикнул человек в желтом. — У нас пять мириадов обученных людей…

— У нас есть оружие! — прокричал Линкольн. — У нас есть план. Есть предводитель. Их полиция убралась с улиц и скопилась в… (Грэм не расслышал.) Теперь или никогда! Совет растерян… Они не могут доверять даже своим регулярным силам…

— Слышите — народ призывает вас!

Сознание Грэма было похоже на лунную ночь с быстро бегущими облаками — то все мутно и безнадежно, то светло, но призрачно. Он был одновременно Хозяином Земли и человеком, вымокшим до нитки в талой воде. Среди всех сменяющихся впечатлений самым ярким и преобладающим было противостояние: с одной стороны — Белый Совет, обладающий властью, дисциплинированный, немногочисленный, — Белый Совет, от которого ему удалось убежать; с другой стороны — чудовищные толпы, плотные массы неразличимых людей, выкрикивающих его имя, приветствующих его как Хозяина. Противная сторона держала его в заключении и

собиралась убить. Эти кричащие люди за дверью маленькой комнаты его освободили. Но почему все так сложилось, он понять не мог.

Дверь распахнулась, голос Линкольна утонул в шуме зала. Вместе с ревом голосов в комнату ввалилась толпа. Люди, жестикулируя, подступили к нему и к Линкольну. Голоса из зала как бы озвучивали их немо шевелящиеся губы: «Покажите нам Спящего, покажите нам Спящего!»

Люди вокруг Грэма выкрикивали:

— Тише! К порядку!

Грэм взглянул в сторону открытой двери и увидел за ней панораму гигантского овального зала — множество кричащих мужских и женских лиц, развевающиеся одежды, протянутые руки. Многие стояли, изможденный человек в темно-коричневых лохмотьях взобрался на сиденье и махал черным платком. Грэм столкнулся взглядом с глазами девушки, полными удивления и ожидания. Чего ждут все эти люди от него? Смутно ощущалось, что шум снаружи изменился, сделался более ритмичным, маршевым. Его собственное восприятие тоже переменилось. Некоторое время он не мог разобраться, что на него повлияло. Но состояние, близкое к панике, прошло. Он начал снова, хотя и тщетно, задавать

вопросы.

Линкольн принялся что-то кричать ему в ухо, но Грэм был слишком оглушен. Остальные, кроме девушки, повернулись к залу и махали руками. Теперь Грэм понял, что изменилось в общем шуме. Люди пели — все вместе, единым хором. То была не просто песня — голоса сливались и возносились вместе с приливом музыки, похожей на органную; в музыке переплетались звуки фанфар, шум реющих знамен, торжественный шаг войска, выступающего на войну. Ноги отбивали ритм — трам, трам, трам.

Его подталкивали к двери. Он машинально подчинился. Сила этой песни овладела им, воодушевила, придала храбрости. Перед ним открылся зал, бушующая стихия цветных пятен, раскачивающихся в такт песни.

— Помашите им рукой, — сказал Линкольн. — Помашите им рукой!

— Подождите, — послышался голос с другой стороны, — он должен надеть это.

Чьи-то руки прикоснулись к его шее, когда он задержался в дверях, и черная мантия окутала его плечи. Грэм высвободил руку и последовал за Линкольном. Он отметил, что девушка в сером платье рядом — лицо сияет, вся устремлена

вперед. В этот момент она, раскрасневшаяся и порывистая, казалась воплощением самой песни. Грэм снова вышел в ложу. Волны песни при его появлении немедленно утихли и отхлынули с пеной выкриков. Направляемый рукой Линкольна, он наискось прошел через центр помоста и стал лицом к народу.

Пространство зала оказалось огромным и замысловато устроенным — галереи, балконы, широкие ступени амфитеатров, гигантские арки. Очень далеко вверху виднелся зев большого коридора, заполненного людьми. Все это огромное множество народа слилось в сплошную колышущуюся массу. Отдельные фигуры на мгновение выделялись из нее, привлекая его внимание, и снова пропадали. Совсем рядом с помостом трое мужчин подняли на руки белокурую красавицу — волосы падали на лицо, а она знай себе махала зеленым жезлом. Неподалеку от этой группы изможденный старик в синем отталкивал соседей, удерживая место. В толпе мелькал его лысый череп и черная яма беззубого кричащего рта. Кто-то выкрикнул таинственное имя «Острог». Все ощущения Грэма были смутны, отчетливо воспринималась только песня. Народ отбивал ритм ногами — трам, трам, трам, трам. Зеленое

оружие поблескивало и раскачивалось в руках.

Затем люди, стоявшие на свободном пространстве перед помостом, двинулись в сторону огромной арки, выкрикивая: «К Совету!» Трам, трам, трам, трам. Грэм поднял руку, и рев поднялся с удвоенной силой. Он вспомнил — нужно крикнуть: «Вперед!» Губы произносили неслышимые героические слова. Еще раз взмахнул рукой, указал на арку и скомандовал: «Вперед!» Теперь они не просто отбивали ритм; они маршировали: трам, трам, трам, трам. В этом потоке шли бородатые мужчины, старики, юноши, женщины с обнаженными руками в развевающихся платьях, молодые девушки. Мужчины и женщины нового века! Богатые одежды и серые лохмотья перемешались с доминирующим синим цветом в вихре этого движения. Чудовищных размеров черное знамя проплыло справа. Он заметил негра, одетого в синее, сморщенную старуху в желтом. Вот театрально прошествовала группа высоких светловолосых и белолицых людей в синем. Мелькнули два китайца. Высокий, темноволосый, изжелта-бледный юноша с сияющими глазами, одетый во все белое, вскарабкался на край помоста, крича какое-то приветствие, затем спрыгнул вниз и, оглядываясь, скрылся в толпе.

Головы, плечи, руки, сжимающие оружие, — все это колыхалось в такт маршу.

Лица выплывали навстречу ему и исчезали, тысячи глаз встречались с его взглядом. Люди жестикулировали, кричали ему что-то — каждый свое. Большинство лиц покрыты румянцем — но много и бледных, отмеченных печатью болезни. Немало вздымалось костлявых, худых рук. Мужчины и женщины нового века! Какая странная и невероятная встреча! В то время как широкий поток проносился мимо Грэма вправо, по проходам зала из верхних, тонущих во мгле рядов в него вливались все новые реки людей: трам, трам, трам, трам. Звучание песни обогащалось и усложнялось эхом, отраженным арками и коридорами. В рядах перемешались мужчины и женщины. Трам, трам, трам, трам! Маршировал, казалось, весь мир. Трам, трам, трам, трам — отдавалось в мозгу. Развевались синие одежды. Множились, множились лица.

Трам, трам, трам, трам! Линкольн сжал его руку, повернул к арке, и Грэм двинулся вперед, шагая в такт и не замечая этого. Движенье толпы, жесты рук, песня — все звало в одном направлении. Людской поток стекал вниз; повернутые к Грэму лица проплывали теперь на уровне его ног.

Впереди открылся проход. Грэма окружила свита — охранники, вожаки восставших; по правую руку шел Линкольн. Свита выдвинулась вперед, то и дело закрывая вид на толпу, идущую слева. Впереди были охранники в черном — тройка, еще тройка, еще одна. По узкому огороженному мостику он прошел над аркой, в которую бурно вливался поток людей, — они запрокидывали головы и приветствовали его криками. Грэм не знал, куда идет, и не хотел этого знать. Оглянулся на пылающее светом пространство зала. Трам, трам, трам, трам.

Глава X
Схватка в темноте

Театр остался позади. Грэм шел по галерее, нависающей над одной из больших улиц с движущимися платформами. Впереди и за спиной маршировала охрана. Широкий желоб движущихся путей был заполнен людской массой — топающей, марширующей, кричащей, размахивающей руками и оружием; люди появлялись справа от Грэма, разражались криками и исчезали слева, там, где шары электрического света уходили за горизонт. Трам, трам, трам, трам!

Снова послышалась песня, но не облагороженная музыкой, а хриплая и крикливая. Стук марширующих ног — трам, трам, трам, трам — смешивался теперь с топотом неорганизованной толпы на верхних платформах.

Внезапно Грэм заметил странный контраст. Дома на дальней стороне улицы казались покинутыми; тросы и мостики, связывавшие обе стороны, опустели. Это бросалось в глаза — по логике вещей там тоже должны были толпиться люди.

И тут он ощутил нечто странное, какую-то пульсацию — очень короткую. Остановился. Охранники, шедшие впереди, продолжали идти. Окружавшие его люди остановились и подняли головы. Пульсация имела какое-то отношение к светильникам. Он посмотрел вверх.

В первый момент Грэму показалось, что дело в самих светильниках, что это не связано с происходящими внизу событиям. Огромные ослепительные белые шары пульсировали подобно сердцам, сжимались и разжимались: тьма, свет, тьма, свет — быстрое чередование.

Затем он понял, что странное поведение светильников имеет прямое отношение к событиям на улице. Дома и мостовые, марширующие люди стали персонажами причудливой игры света, театра прыгающих теней. Неисчислимые тени зажили самостоятельной агрессивной жизнью, они прыгали, ширились, распространялись, мгновенно вырастали, чтобы внезапно сжаться, сгинуть и снова появиться. Стихли пение и топот. Единодушный марш прервался. В толпе возникли водовороты, боковые течения. Раздались крики: «Дайте свет!» Голоса слились в единый вопль: «Свет! Свет!» Грэм смотрел вниз. Фонари плясали танец смерти, и вся улица казалась аре-

ной чудовищной борьбы. Огромные белые шары становились розоватыми, затем пурпурными с алыми проблесками, они мигали все чаще, трепетали на грани света и тьмы, вновь зажигались и тлели красными пятнами среди моря тьмы. В десять секунд свет погас, осталась только ревущая темнота, чудовищный мрак, внезапно поглотивший многотысячную толпу.

Грэм ощущал присутствие невидимых людей рядом с собой; его схватили за руки. Что-то резко ударило по голени. Над ухом крикнули:

— Спокойно, все в порядке, все в порядке.

Он наконец опомнился. Столкнувшись нос к носу с Линкольном, прокричал:

— Почему так темно?

— Совет перерезал провода. Придется подождать. Но людей не остановить. Они хотят…

Конец фразы утонул в криках:

— Спасайте Спящего! Берегите Спящего!

Охранник в темноте налетел на Грэма и больно ушиб ему руку своим оружием. Началась дикая толкотня и давка, с каждой секундой становясь все свирепее, гуще, ожесточеннее. Он улавливал знакомые слова, но не в силах был составить из них что-то связное. Одни люди выкрикивали противоречивые приказы, другие что-то кричали

в ответ. Внизу, совсем рядом, раздались пронзительные вопли.

— Красная полиция! — крикнул кто-то над ухом и пропал раньше, чем Грэм успел о чем-нибудь спросить.

Послышался отдаленный треск, у края дальних платформ замигали слабые вспышки. В их свете Грэм различил головы и туловища людей, вооруженных так же, как и его охрана. Улицу заполнил треск, сопровождавшийся короткими вспышками огня, и вдруг темнота взвилась вверх черным занавесом.

В неожиданном потоке света открылась головокружительная картина пространства, заполненного сражающимися людьми. С платформ доносились крики. Он посмотрел вверх, отыскивая источник света. Там на тросе висел человек, держащий над улицей на длинном шнуре ослепительную звезду. Она-то и прогнала тьму.

Грэм перевел глаза на дорогу — в отдалении виднелось красное пятно. Он понял, что это плотная масса людей в красной форме, прижатых к безжалостному утесу здания толпой противников. Там шла схватка. Сверкало оружие, вздымаясь и опускаясь; головы одних исчезали, их тут же заменяли другие. Слабые вспышки,

исходившие из зеленого оружия, при ярком свете казались серыми струйками дыма.

Сияние наверху вдруг угасло, и улица опять погрузилась в чернильную темноту, в таинственный хаос.

Он почувствовал, что его тащат по галерее. Кто-то кричал — возможно, ему, но ничего нельзя было понять. Его прижали к стене, большая группа людей проскочила мимо. Казалось, его охранники сражаются друг с другом.

На тросе наверху опять появился человек со звездой, и поле битвы стало ослепительно белым. Красных мундиров становилось все больше. Они прошли уже половину пути до центральной полосы. Подняв глаза, Грэм увидел, что множество людей в красном появилось и в затемненных нижних галереях противоположного здания. Они вели огонь через головы своих товарищей по кипящему скоплению народа на нижних платформах. Смысл происходящего прояснился. Восставшие с самого начала наткнулись на засаду. Людей привели в замешательство темнотой, а затем их атаковала красная полиция. Тут Грэм заметил, что остался один, что Линкольн и охрана обогнали его. Вот они уже бегут к нему, отчаянно размахивая руками. Громкий вопль раздался на

другой стороне улицы. Весь фасад затемненного здания напротив усыпали люди в красном, которые с криками указывали на него.

— Спящий! Спасайте Спящего! — вопили тысячи глоток в толпе.

Что-то ударилось в стену над головой. Он оглянулся на звук и увидел звездочку расплющенного серебристого металла. Внезапно рядом возник Линкольн, схватил за руку. А затем — пам, пам! — по нему дважды промахнулись.

В первый момент он этого не понял. Потом исчезла улица — это сгорела вторая осветительная звезда. Линкольн потащил его по галерее, крича:

— Надо успеть, пока темно!

Его спешка заразила Грэма. Инстинкт самосохранения превозмог оцепенение. Слепой страх смерти гнал его, он бежал, спотыкаясь в темноте, сталкиваясь со своими охранниками, бегущими рядом. Им владело единственное желание — как можно скорее убраться с этой опасной галереи, где он как на ладони. Очень скоро вспыхнула третья звезда. Это вызвало новые крики с противоположной стороны улицы и сумятицу на платформах. Внизу красные мундиры захватили почти всю центральную полосу. Их было бессчетное множество, они кричали и смотре-

ли на Грэма. Белый фасад напротив был забит красными точками. Поразительно, но все это происходило из-за него. Он был осью этих событий. Красномундирная полиция Совета пыталась снова пленить его.

К счастью, стреляли второпях, с расстояния ста пятидесяти ярдов. Пули ударялись в стену над головой; капля расплавленного металла ужалила его в ухо. Не глядя, он знал, что весь фасад противоположного дома, заполненный красной полицией, палил по нему.

Впереди упал один из охранников, и Грэм перепрыгнул через корчащееся тело. Через секунду его, невредимого, втолкнули в черный закоулок, и сейчас же кто-то, бежавший наперерез, с ходу налетел на Грэма. Он покатился вниз по лестнице в абсолютной темноте, снова с кем-то столкнулся и уперся руками в стену. На спину навалилась куча тел. Толпа давила так, что нельзя было вздохнуть, ребра трещали. Потом — короткая передышка, но тут плотная масса народа потащила его назад, к огромному театру, оставленному совсем недавно. Временами его ноги не касались пола. Толпа сжимала и раскачивала Грэма. Он услышал крик: «Они приближаются!» — и споткнулся о что-то мягкое. Раздался хриплый

стон. Кто-то звал: «Спящий!» — но он был в таком смятении, что не мог откликнуться. Поблизости затрещало зеленое оружие. Он утратил волю, сделался атомом, слепой, нераздумывающей частицей охваченной паникой толпы. Рванулся назад, вывернулся из живых тисков, внезапно наткнулся на ступеньку и очутился на наклонной плоскости. И вдруг вокруг него из черноты возникли испуганные потные лица, призрачно бледные в мертвенном свете. Неподалеку виднелось лицо молодого человека. В тот момент Грэм только скользнул по нему взглядом, но потом это лицо часто снилось ему. Юноша, стиснутый толпой и двигавшийся вместе с ней, был мертв — его застрелили.

Человек на тросе зажег четвертую звезду. Ее сияние проникло сквозь огромные окна и арки и показало Грэму, что сейчас он — частица густой массы людей, загнанных в партер огромного театра. Мертвенный свет заливал представшую его глазам картину, перечеркнутую и расчлененную на фрагменты черными тенями. Почти рядом красные стражи пробивали себе дорогу в толпе. Он не знал, заметили его или нет. Стал искать глазами Линкольна и свою охрану. Линкольн стоял неподалеку от сцены, окруженный толпой

революционеров в черном, вытягивая шею и словно высматривая его в толпе. Грэм сообразил, что позади, за барьером, поднимаются пустые теперь ряды кресел. Неожиданная идея пришла ему в голову, и он стал пробиваться к барьеру, но, когда добрался до него, свет снова погас.

Грэм сбросил большой черный плащ, который не только стеснял движения, но и привлекал излишнее внимание. Было слышно, как в темноте кто-то запутался в толстой ткани. Затем он перескочил барьер и упал в полосу густой тени. Ощупью находя дорогу, двинулся к началу прохода, ведущего вверх. В темноте стрельба прекратилась, топот и крики стали тише. Вдруг Грэм споткнулся и упал. В это мгновение островки туманного света среди тьмы снова вспыхнули ярким сиянием — и снова послышался рев голосов. Блеск пятой белой звезды проник сквозь широкие проемы в стенах театра.

Грэм перекатился между креслами, слыша крики и трескотню выстрелов, поднялся и тут же был сбит с ног людьми в черном, которые, скопившись в этом месте, стреляли в наступающие снизу красные фигуры, перепрыгивали с кресла на кресло, прятались за ними, чтобы перезарядить оружие. Инстинктивно Грэм лег между

рядами, глядя, как шальные пули вспарывают надувные подушки кресел и оставляют глубокие светлые отметины на мягком металле каркасов. Инстинктивно же он старался запомнить направление проходов, выбирая наиболее подходящий путь для бегства в ожидаемой темноте.

К нему подбежал, перепрыгивая через сиденья, юноша в выцветшей светло-синей одежде. «Привет», — крикнул он. Его ноги были дюймах в шести от лица скорчившегося Спящего. По-видимому, не узнав его, юноша повернулся, выстрелил и с криком: «К черту ваш Совет!» — изготовился для нового выстрела. В этот миг половина шеи у него внезапно исчезла. Капля влаги брызнула на щеку Грэма. Зеленое оружие юноши застыло. Секунду он стоял неподвижно, лицо его утратило всякое выражение, затем начал медленно клониться вперед. Его колени подломились. Человек и тьма упали одновременно. Услышав звук падения тела, Грэм вскочил и кинулся бежать со всех ног, пока не споткнулся о ступеньку у входа в коридор. Поднялся на ноги и побежал снова.

Когда зажглась шестая звезда, он был уже близко к зияющей глотке коридора. Изо всех сил рванулся — прочь от света, выбежал в проход, свернул за угол, снова в абсолютную ночь, и

оказался в толпе таких же невидимых беглецов. Его отбросили в сторону, он откатился, вскочил на ноги. У всех здесь была одна мысль — как выбраться из этой схватки. Он толкался локтями, пробиваясь вперед, бежал, когда удавалось, и, наконец, вырвался на свободу.

Несколько минут он бежал в темноте по извилистому проходу, пересек какое-то широкое открытое пространство и оказался у лестничного марша, ведущего на ровную площадку. Люди, собравшиеся здесь, кричали: «Они приближаются! Стражники близко! Они стреляют! Уходите отсюда! Они стреляют! Безопаснее всего на Седьмом пути! Все на Седьмой путь!» В толпе было много женщин и детей.

Люди ринулись под арку и выбежали на открытое, тускло освещенное место. Темные фигуры впереди взбирались на какие-то огромные ступеньки. Грэм последовал за ними. Люди рассеялись, кто вправо, кто влево… Он остановился возле самой высокой ступеньки. Здесь стояли несколько сидений и небольшой киоск. Грэм подошел к нему и, задыхаясь, остановился в тени навеса.

Все вокруг было смутно и серо, но он понял, что огромные ступени — это платформы движущих-

ся дорог, застывшие теперь в неподвижности. Платформа была с закруглениями на концах; за ней поднимались высокие дома, гигантские туманные призраки; пестрели едва различимые надписи и рекламы, и только далеко вверху сквозь фермы и тросы виднелась узкая полоска бледного неба. Несколько человек пробежали мимо. Они перекликались, из их слов было понятно, что они спешат на помощь к сражающимся. Другие люди тихо крались в тени домов.

Издалека, с другого конца улицы, доносился гул боя. Но это явно была не та улица, на которой стоял театр. Та схватка, казалось, внезапно ушла в небытие, и звука ее не было слышно. А ведь сражались-то из-за него…

Он чувствовал себя человеком, который, оторвавшись от увлекательной книги, вдруг засомневался в прочитанном, поначалу принятом на веру. Прежде он обращал мало внимания на детали — все вытесняло изумление. Удивительно, однако, что в то время как побег из тюрьмы Совета, огромная толпа в зале театра, атака красной полиции на собравшийся народ ясно сохранились в памяти, ему стоило больших усилий припомнить пробуждение или дни в Комнатах Безмолвия. Поначалу память перепрыгивала че-

рез эти эпизоды и возвращала его к трепещущему под ветром водопаду в Пентаргене, к мрачному величию залитого солнцем побережья Корнуолла. По контрасту все казалось нереальным. Наконец брешь между воспоминаниями заполнилась, и Грэм начал понимать свое истинное положение.

Теперь оно не казалось абсолютной загадкой, как было в Комнатах Безмолвия. По крайней мере, появились общие очертания. Странная картина: он в некотором роде владел всем миром, и могущественные политические партии сражались за обладание им. С одной стороны был Совет с его красной полицией, который, похоже, решил завладеть его собственностью, а его самого, по-видимому, умертвить; с другой — освободившие его революционеры во главе с таинственным Острогом. И теперь весь гигантский город сотрясается от этой борьбы. Безумный мир!

— Я не понимаю! — закричал Грэм. — Я не понимаю!

Ну, хорошо, он проскользнул между двумя воюющими партиями в эту сумеречную свободу. Но что же будет дальше? И что происходит сейчас? Он представил себе, как люди в красном теснят одетых в черное революционеров и повсюду

ищут его.

Во всяком случае, сейчас выпала передышка. Можно спрятаться, не вызывая подозрений у встречных, и понаблюдать, как будут развиваться события. Его глаза пробежали вверх по замысловатым сумеречным фасадам необозримых зданий — казалось чудом, что где-то есть солнце, по старинке заливающее мир своим светом. Он уже отдышался, и намокшая в снегу одежда высохла.

Милю за милей он шел по сумрачным улицам, ни с кем не разговаривая, и никто не заговаривал с ним — темной фигурой среди темных фигур, жадно разыскиваемым человеком из прошлого, невольным владельцем мира. Везде, где попадались огни или особо оживленная толпа, Грэм отступал или, боясь быть узнанным, прятался на лестницах, уходивших под землю с верхних и нижних уровней. И хотя стычек нигде не случалось, весь город был взволнован сражением. Один раз Грэму пришлось бежать от вооруженного отряда, прочесывавшего улицу. Казалось, все встречные участвуют в событиях. По большей части это были мужчины; они имели при себе какие-то предметы, которые Грэм посчитал оружием. Похоже, бой сосредоточился

главным образом в том районе города, откуда он пришел, — с той стороны то и дело доносился отдаленный гул. В душе Грэма любопытство боролось с осторожностью. Осторожность все-таки взяла верх, и Грэм продолжил свой путь, удаляясь, насколько он мог судить, от места сражения. Шел сквозь темноту, незаметно, осторожно. Спустя некоторое время не стало слышно даже дальних отзвуков боя, люди попадались все реже и реже, и наконец циклопические улицы стали совсем пустынными. Фасады домов сделались плоскими и грубыми; наверное, это был квартал брошенных складов. Одиночество окутывало Грэма, и он убавил шаг.

Он ощутил нарастающую усталость. По временам сворачивал в сторону и отдыхал на многочисленных сиденьях верхних платформ. Но лихорадочное беспокойство, сознание того, какую важную роль он играет в этой борьбе, не давали ему нигде задерживаться надолго. Неужели сражались только из-за него?

Внезапно до этого пустынного места докатился удар, как от землетрясения. Пронесся ураганный холодный ветер, полетели стекла, с грохотом рушились стены. Масса стекла и железа обвалилась с крыши на середину улицы в сотне ярдов

от Грэма. Вдали послышались крики и топот. Он тоже бесцельно засуетился и бросился сначала в одну сторону, затем, также бесцельно, назад.

К нему подбежал человек. Грэм взял себя в руки.

— Что они взорвали? — спросил человек, задыхаясь. — Ведь это был взрыв? — И, не дожидаясь ответа, поспешил дальше.

Огромные дома возвышались вокруг, окутанные сумерками, хотя полосу неба вверху уже заливал дневной свет. Грэм отметил много странных вещей, пока непонятных; он даже разобрал многие надписи, сделанные фонетическим письмом. Но что толку расшифровывать странные буквы, которые после мучительных усилий зрения и ума складывались в слова: «Здесь Идемит» или: «Бюро работы — Малая сторона». Казалось абсурдным, что эти похожие на утесы дома принадлежат ему…

Теперь стало ясно, как извращенно он воспринимал происходящее. Он действительно совершил тот прыжок во времени, который много раз описывали романисты. И когда это произошло, был готов — его ум был готов — спокойно взирать на происходящее, как в театре. Но не было спектакля, была огромная, неясная

опасность, враждебные тени и завеса темноты. Смерть ищет его в этих мрачных лабиринтах. Не прикончат ли его, прежде чем он успеет все увидеть? Может быть, гибель притаилась уже на следующем углу? Огромное желание увидеть, великое стремление узнать поднялось в нем.

Теперь он боялся перекрестков. Решил, что безопасно только в укрытии. Куда прятаться, когда снова включат свет? В конце концов он уселся на сиденье под навесом на одном из верхних путей, считая, что там больше никого нет.

Грэм прижал кулаки к усталым глазам. А что, если, открыв глаза, он больше не увидит этих мрачных параллельных путей, этих нестерпимо высоких домов? Что, если все события последних дней: пробуждение, кричащая толпа, мрак и сражение — фантасмагория, новый и еще более живой сон? Это должно оказаться сном, ведь все так непоследовательно, так нелогично. Почему люди сражаются из-за него? Почему этот новый мир считает его своим Владельцем, Хозяином?

Так думал он, не открывая глаз, а потом, не доверяя своему слуху, отнял руки, почти надеясь увидеть знакомую картину жизни в девятнадцатом веке — маленькую бухту Боскасла, утесы Пентаргена или спальню в своем доме. Но фактам

нет дела до людских надежд. Отряд под черным знаменем скорым маршем пересекал затененный участок, направляясь в бой, а позади вздымалась головокружительная стена, огромная и темная, с едва различимыми, малопонятными надписями.

— Нет, это не сон, — проговорил Грэм. — Это не сон. — И тяжело опустил голову на руки.

Глава XI
Старик, который все знал

Грэм вздрогнул, услышав рядом чье-то покашливание.

Он резко обернулся и, вглядевшись, заметил маленькую сгорбленную фигуру, примостившуюся в тени ограждения в двух ярдах от него.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил хриплый тонкий голос, вероятно принадлежавший очень старому человеку.

— Никаких, — помолчав, ответил Грэм.

— Я посижу здесь, пока снова не зажгут свет, — сказал старик. — Эти синие мерзавцы тут повсюду, буквально повсюду.

Грэм невнятно пробормотал что-то. Попытался разглядеть старика, но темнота скрывала его лицо. Хотелось о многом поговорить, расспросить, но он не знал, как начать.

— Чертовски темно, — неожиданно сказал старик. — Темно и скверно. Дернуло же меня выйти из дому в такое неспокойное время.

— Да, нелегкое это дело, — отважился заметить Грэм. — Нелегко вам пришлось.

— Темнота. И старик, затерянный в темноте. Весь мир сошел с ума. Воюют, дерутся. Полиция побила их, и теперь эти мошенники болтаются здесь. Почему не вызовут негров, чтобы защитить нас?.. Нет, хватит с меня этих темных улиц. Я упал, споткнувшись о мертвеца. В компании, однако, безопасней, если это приличная компания, — продолжал старик, откровенно рассматривая Грэма.

Поднялся, подошел вплотную. По-видимому, осмотр удовлетворил его. Старик уселся, явно обрадованный, и объявил:

— Эх, что за ужасное время! Война и драка, и валяются мертвецы — мужчины, здоровенные мужчины умирают в темноте. Наши сыновья! У меня самого три сына. Бог знает, где они этой ночью. — Голос у старика сорвался. Затем он хрипло повторил: — Бог знает, где они нынче…

Грэм думал, о чем бы спросить, не выдавая своего невежества. Старик заговорил снова:

— Острог победит. Он победит. Но каким станет мир при его правлении — этого никто не может сказать. Все три моих сына работают там, под ветродвигателями. И одна моя сноха когда-то была его любовницей. Его любовницей! Да, мы не из простых, хотя мне и пришлось в эту ночь

бродить по улицам, рискуя жизнью… Я-то знал, к чему все идет. Намного раньше других. Но эта темнота! Подумать только: свалиться в темноте, споткнувшись о труп!

Было слышно его сдавленное дыхание.

— Этот Острог… — сказал Грэм.

— Величайший вождь, которого только видел мир, — ответил голос.

Грэм напрягся, пытаясь найти подходящую реплику.

— У Совета мало друзей среди народа, — сказал он наугад.

— Да, мало. Все затеяла беднота. Так что их время кончилось. Эх! Надо было им вести себя поумнее. Но они два раза побеждали на выборах. И Острог… Но теперь все вырвалось наружу, и они не устоят, нет, не устоят. Дважды они провалили Острога — это Острога-то, вождя! Я слышал, что он тогда пришел в бешенство — он был ужасен. Господи, спаси их и помилуй! Ведь ничто им теперь не поможет, когда он поднял против них рабочие союзы. Никто другой на это не отважился бы. Вся синяя холстина вооружилась и выступила! И теперь он победит. Теперь победит.

Старик немного помолчал.

— Этот Спящий… — проговорил он и снова

умолк.

— Да? — откликнулся Грэм. — Что Спящий?

Старик перешел на доверительный шепот, бледное лицо придвинулось ближе.

— Настоящий-то Спящий…

— Ну?

— Умер много лет назад.

— Что? — переспросил Грэм.

— Много лет назад. Умер. Уже давно.

— Как вы можете так говорить?

— Я могу. Я знаю, что говорю. Он умер. Этот Спящий, который теперь проснулся, — им подменили ночью настоящего… Бедняк какой-то, одурманенный до бесчувствия. Но я не могу сказать всего, что знаю… — Он еще некоторое время бормотал нечто непонятное. Но великий секрет рвался наружу. — Я не знаю людей, которые усыпили беднягу, это было еще до меня, но знаю человека, который впрыснул ему стимуляторы и разбудил. Это было десять к одному — разбудить или убить. Видна рука Острога.

Грэм был так изумлен, что вынужден был прерывать старика и несколько раз переспрашивать, прежде чем удостоверился в смысле его бормотанья. Значит, пробуждение не было естественным! Может быть, старик выжил из ума, а может, в

его словах была доля правды. Покопавшись в закоулках памяти, он вдруг припомнил что-то подходящее, что могло послужить ощущением от стимулирующего укола. Грэм подумал, что наконец ему повезло и он сможет узнать у старика кое-что об этом новом мире. Тот некоторое время сипел и сплевывал, затем продолжил задумчивым голосом:

— Сначала они провалили его. Я проследил, как это все было.

— Провалили кого? — спросил Грэм. — Спящего?

— Спящего? Ну нет! Острога. Он был ужасен — ужасен! Ему, конечно, обещали… обещали избрание в следующий раз. Глупцы — не побоялись его. А теперь весь город — его мельничный жернов, а такие, как мы с вами, — мука. Просто мука. Пока он не восстановит порядок, рабочие будут резать друг другу глотки и убивать всяких там китайцев и полицейских, но нас, пожалуй, не тронут. Что творится! Мертвые валяются на улицах! Грабеж! Мрак! Такого за последний гросс лет не случалось. Ох, худо приходится маленьким людям, когда большие дерутся! Да, худо.

— Вы сказали… не было такого… за последний гросс лет? Чего не было?

— А? — переспросил старик.

Он пожаловался, что Грэм глотает слова, и заставил трижды повторить вопрос, прежде чем ответил:

— Ну, боев на улицах не было, резни, оружия у всех в руках, дураков, кричащих о свободе… Ни разу за всю мою жизнь такого не было. В старые-то времена такое бывало — к примеру, в Париже народ восстал три гросса лет назад. Вот что я имел в виду. Но так уж устроен мир. Все повторяется. Я знаю. Я знаю. Пять лет Острог не покладал рук — и вот повсюду волнения, и голод, и угрозы, и крики, и оружие. Повсюду синяя холстина и ропот. Нет безопасности. Все рушится и расползается. И вот куда мы теперь угодили! Восстание, бои повсюду — и Совету приходит конец.

— Пожалуй, вы хорошо осведомлены в этих делах, — заметил Грэм.

— Я знаю то, что сам слышал. Это мне не Болтающая Машина рассказала.

— Конечно, нет, — согласился Грэм, пытаясь сообразить, что такое Болтающая Машина. — И вы уверены, что именно Острог организовал восстание и разбудил Спящего? Только ради самоутверждения, из-за того, что его не избрали в Совет?

— Думаю, каждый об этом знает, — сказал старик. — Кроме круглых дураков. Он хотел стать хозяином. Через Совет или без него. Это всем известно. И вот мы сидим в темноте, а рядом валяются мертвые тела! Но где же вы были, если не слыхали об этой сваре между Острогом и семьей Верни? И как вы думаете, из-за чего возникла эта свара? Из-за Спящего? Вы считаете, что Спящий — подлинный и пробудился сам, а?

— Я мало что знаю. Я куда старше, чем кажусь, — сказал Грэм. — И память у меня слабая — особенно на события последних лет… Будь я Спящим, я, говоря по правде, не мог бы знать меньше.

— Старше, говорите? — прокряхтел старик. — Вы не выглядите очень уж старым. Конечно, не всякий сохранит память до моих лет. Но такие важные события! А вы ведь моложе меня, гораздо моложе. Что ж, я не сужу о людях по себе. Я-то крепок для своих лет. А вы, может, состарились в юности.

— Так и есть, — сказал Грэм. — Со мной вообще случилась странная история. Я очень мало знаю. Кстати, об истории — ее я, можно сказать, и вовсе не знаю. Спящий и Юлий Цезарь — для меня одно и то же. Очень интересно слушать, как вы

толкуете обо всем этом.

— Мне-то кое-что известно, — сказал старик. — Уж будьте уверены. Однако… Тише!

Они умолкли и стали прислушиваться. Прокатился тяжелый гул, от сотрясения вздрогнула скамейка. Прохожие остановились и стали переговариваться. Старика одолевало любопытство. Он окликнул проходившего мимо человека. Грэм, ободренный его примером, встал и заговорил с другими. Никто не имел понятия, что произошло.

Грэм вернулся на место и услышал невнятное бормотание старика. Некоторое время они не разговаривали.

Мысль о гигантской битве, такой близкой и в то же время такой далекой, мешала Грэму сосредоточиться. Прав ли старик, верны ли слухи о том, что революционеры побеждают? Или они ошибаются и красная полиция сметает все на своем пути? В любое время военные действия могли захлестнуть эту тихую часть города и застигнуть его здесь. Грэму не терпелось узнать как можно больше, пока есть время. Он быстро повернулся к старику, но не решился задать вопрос. Зато старик, заметив его движение, заговорил сам.

— Так вот, этот Спящий, на которого только

дураки надеются… Я всю его историю знаю, я всегда хорошо разбирался в истории. Я еще мальчишкой — давно было дело — любил читать печатные книги. Вы-то вряд ли знаете, что это такое. Наверное, и не видели ни одной: они истлевали и рассыпались, и Санитарная компания их сжигала, а из золы делали облицовочные плитки. Правда, от книг хоть и была грязь, но и польза тоже. По ним учились. Эти новомодные Болтающие Машины… вам-то они не кажутся новомодными, а? Их легко слушать, а еще легче забыть, что услышал. Но я проследил всю затею со Спящим с самого начала.

— Вы вряд ли в это поверите, — тихо сказал Грэм, — но я настолько невежествен и так погрузился в свои мелкие дела — а они сложились очень странно, — что ничего об истории Спящего не знаю. Кем он был?

— Вы не знаете? — воскликнул старик. — А я знаю, я все знаю. Он был небогат, ничего собой не представлял. И связался с легкомысленной женщиной, бедняга! А потом впал в транс. Тогда, в старину, были такие штуки, такие коричневые… да, серебряные фотографии… На них можно видеть, как он лежал полтора гросса лет назад. Да, полтора гросса лет назад!

«Связался с легкомысленной женщиной, бедняга», — повторил про себя Грэм, а вслух добавил:

— Ну, продолжайте же.

— Был у него кузен по имени Уорминг, одинокий бездетный человек; он сделал большое состояние, спекулируя на дорогах, — на первых идемитовых дорогах. Но вы об этом, конечно, слышали? Нет? Почему? Он скупил все патенты и основал большую компанию. В те времена были гроссы гроссов различных фирм и компаний. Гроссы гроссов! Его дороги прикончили все старые железные за две дюжины лет. Уорминг скупил их и перевел на идемит. Он не захотел дробить свою огромную собственность или продавать акции, а завещал все Спящему и назначил Совет опекунов, членов которого сам же выбрал и подготовил. Он знал, что Спящий не проснется, будет спать и спать, пока не умрет. Прекрасно знал! А тут еще один американец, у которого оба сына погибли при кораблекрушении, тоже завещал Спящему свое состояние. И Совет опекунов с самого начала получил в свое распоряжение собственность на дюжину мириадов львов, если не больше.

— Как его звали?

— Грэм.

— Нет… Я имел в виду… того американца.

— Избистер.

— Избистер! — воскликнул Грэм. — А ведь я так и не узнал его имени.

— Конечно же, — сказал старик. — Конечно. Люди мало что узнают в школах в наши дни. Но я-то знаю о нем все. Он был богатый американец, выходец из Англии, и оставил Спящему даже больше, чем Уорминг. Как он сделал капитал? Этого я не знаю. Что-то вроде машинного изготовления картин. Так или иначе, капитал он нажил и завещал. Так было положено начало Совету. Поначалу это был просто совет опекунов.

— И как он сумел возвыситься?

— А! Вам невдомек? Деньги всегда текут к деньгам, и одна голова хорошо, а двенадцать лучше. Они играли умненько. С помощью денег управляли политикой, наращивали капитал, пуская его в оборот, устанавливая выгодные тарифы. Капитал все рос и рос. Годами эти двенадцать опекунов скрывали истинные размеры состояния Спящего, пользуясь подставными лицами, фирмами и тому подобными приемами. Совет распространял свое влияние, скупая документы на право собственности, закладные, акции. Они купили все политические партии, все газеты. Если вы

послушаете истории тех времен, то поймете, как рос и возвышался Совет. Миллиарды и миллиарды львов — вот состояние Спящего. А начало всему — причуда Уорминга, его завещание, да еще несчастье с сыновьями Избистера.

Люди — странные существа, — продолжал старик. — Я вот удивляюсь, как это Совет так долго действовал единодушно. Целых двенадцать человек. И все с самого начала были заодно. Но и на них вышла проруха. В мои молодые годы о Совете говорили так, как люди невежественные говорят о Боге. Мы и помыслить не смели, что члены Совета могут совершить дурной поступок. Мы ничего не знали об их женщинах. Теперь-то я стал умнее.

Да, люди — странные существа, — говорил он. — Вот вы — человек молодой и ничего не знаете, а я, которому уже семесят и впору позабыть это, объясняю вам все коротко и ясно.

Семесят, — повторил он, — а я все слышу и вижу, слышу, правда, лучше, чем вижу. И голова в порядке, и слежу за всем, что вокруг происходит. Семесят!

Жизнь тоже странная вещь. Мне исполнилось дванцать, когда Острог был младенцем. Я помню его задолго до той поры, когда он пробился в ру-

ководство Управления ветродвигателей. Многое с тех пор изменилось. И я ходил когда-то в синем. А вот теперь довелось увидеть этот крах, и мрак, и бунт, и мертвые тела, которые складывают в кучи на улицах. И это все наделал он! Все он!

Речь старика превратилась в бормотание, в едва различимые похвалы Острогу.

Грэм задумался.

— Позвольте, — сказал он, — если я правильно понял, — он вытянул руку и приготовился отгибать пальцы по пунктам: — Итак, Спящий находился в летаргии.

— Подменен, — сказал старик.

— Возможно. А за это время состояние Спящего выросло в руках двенадцати опекунов до таких размеров, что поглотило почти все крупнейшие состояния мира. Эти опекуны сделались фактическими хозяевами мира, потому что они — платежеспособная власть, какой некогда был старый английский парламент…

— Ого! — оживился старик. — Неплохое сравнение. Вы не настолько уж и…

— И теперь Острог внезапно перевернул мир, пробудив Спящего, а в это не верил никто, кроме самых суеверных простых людей. И после стольких лет Спящий может потребовать от Совета

свою собственность.

Старик отреагировал на эту фразу одобрительным покашливанием.

— Очень странно, — сказал он, — видеть человека, который впервые узнает о таких вещах только сегодняшней ночью.

— Да, — согласился Грэм, — это странно.

— Вы бывали в Городе Наслаждений? — спросил вдруг старик. — Я всю жизнь мечтал… — Он рассмеялся. — Даже и теперь. Хотелось бы посмотреть — хотя бы только посмотреть… — Он пробормотал что-то еще, но Грэм его не понял.

— А когда проснулся Спящий? — спросил вдруг Грэм.

— Три дня назад.

— Где он?

— У Острога. Он сбежал от Совета каких-нибудь четыре часа назад. Неужели вы ничего не знаете? Он был в рыночном зале, там и началась схватка. Весь город кричит об этом. Все Болтающие Машины. Даже те глупцы, что за Совет, — и те так говорят. Все кинулись туда посмотреть на него, и все получили оружие. Вы что, спали или были пьяны? Ну и ну! Да вы просто шутите. Наверняка притворяетесь. Чтобы не орали Болтающие Машины и люди не сбегались, они выключили

электричество и наслали на нас эту проклятую тьму. Может быть, вы хотите сказать…

— Я слышал, что Спящий бежал, — сказал Грэм. — Но постойте. Вы уверены, что Спящий у Острога?

— Он его не выпустит из рук, — ответил старик.

— А Спящий? Вы точно знаете, что он подменен? Я никогда не слышал…

— Так все глупцы думают. Так они думают. Как будто нет еще тысячи других вещей, о которых они не слышали. Я слишком хорошо знаю Острога. Я говорил вам? Я с ним в родстве, хотя и далеком. Через мою сноху.

— Я полагаю…

— Что?

— Я полагаю, у Спящего нет шансов утвердиться. Думаю, что, когда борьба окончится, он так и останется куклой — в руках Острога или в руках Совета.

— В руках Острога — наверняка. А почему бы ему не быть куклой? Подумайте о его положении. Все доступно, любые удовольствия. Зачем ему еще и власть?

— А что это за Города Наслаждений? — спросил вдруг Грэм.

Старик заставил его повторить вопрос. Убедившись, что не ослышался, он сердито толкнул Грэма локтем.

— Ну, это уже слишком, — буркнул старик. — Шутки шутите над старым человеком. Я так и подозревал, вы знаете больше, чем хотите показать.

— Может быть, и так, — сказал Грэм. — Но мне незачем притворяться. Я вправду не знаю, что такое Город Наслаждений.

Старик игриво засмеялся.

— И более того, я не знаю, как читать ваши буквы, я не знаю, какими деньгами вы пользуетесь, не знаю, какие еще есть на свете страны. Я не знаю, где нахожусь. Я не умею считать. Я не знаю, где добыть еду, питье, кров.

— Ладно, ладно, — остановил его старик. — Если вам дадут стакан воды, куда вы его поднесете — к уху или к глазу?

— И все-таки прошу вас, расскажите мне обо всем.

— Хе, хе! Господин, который одевается в шелк, может позволить себе пошутить. — Морщинистая рука погладила Грэма по рукаву. — Шелк! Ну, ну! Хотел бы я быть этим подставным Спящим! Он неплохо проведет время. Кругом роскошь и

удовольствия. Странное у него лицо. Когда еще пускали на него смотреть, я достал билеты и пошел. Лицо у двойника было точь-в-точь как у настоящего на фотографии. Желтое. Но он откормится. Да, странный мир. Подумать только, как ему повезло. Как повезло! Думаю, его отправят на Капри. Для начинающего лучше не придумать.

Старик снова закашлялся. Затем начал завистливо бормотать об удовольствиях и изысканных наслаждениях.

— Вот уж повезло, так повезло! А я всю жизнь прожил в Лондоне, надеясь, что подвернется случай.

— Но откуда вы знаете, что Спящий умер? — спросил Грэм.

Старик заставил его повторить вопрос.

— Люди не живут дольше десяти дюжин. Это не в порядке вещей, — сказал старик. — Я не дурак. Дураки могут поверить в это, но не я.

Грэма разозлила самоуверенность старика.

— Не знаю, дурак вы или нет, — сказал он, — но в случае со Спящим вы не правы.

— А?

— Вы ошибаетесь насчет Спящего. Я не сказал сразу, но теперь скажу. Вы ошибаетесь насчет Спящего.

— Откуда вам знать? Вы ведь не знаете ничего — даже о Городах Наслаждений.

Грэм промолчал.

— Вы не знаете, — продолжал старик. — Откуда вам знать? Лишь очень немногие…

— Я и есть Спящий.

Ему пришлось повторить это. Наступила короткая пауза.

— Извините меня, сир, но говорить подобные вещи просто неразумно. В такие времена это может доставить вам неприятности, — сказал старик.

Грэм, несколько обескураженный, стоял на своем.

— Говорю вам, я был Спящим. Многие, многие годы назад я действительно заснул в одной деревеньке, где дома строили из камня. В те времена еще существовали деревни, живые изгороди и гостиницы, а вся земля была поделена на кусочки, на маленькие поля. Вы слышали об этом? Так вот, я, говорящий сейчас с вами, я и есть тот человек, который проснулся четыре дня назад.

— Четыре дня назад! Спящий! Но ведь Спящий у них. Они ни за что не выпустят его. Чепуха! До сих пор вы разговаривали разумно. Я там не был, но знаю все. За ним должен был неотступно

следовать Линкольн, они бы не отпустили его одного. Будьте уверены. Странный вы человек. Шутник. Потому и слова так коверкали…

Он возмущенно взмахнул рукой.

— Как будто Острог позволил бы Спящему гулять одному! Нет, расскажите это кому-нибудь другому. Чтобы я в это поверил! Что за игру вы затеяли? Ах да, мы же как раз толковали о Спящем…

Грэм встал.

— Послушайте, — сказал он, — я на самом деле Спящий.

— Вот чудак, — откликнулся старик, — сидит тут в темноте, болтает ломаным языком, несет всякую чушь. Однако…

Тут раздражение Грэма излилось смехом.

— Что за нелепость! — воскликнул он. — Нелепость. Кончится ли этот сон? Он становится все безумнее. Я сижу в этих проклятых сумерках, живое ископаемое двухсотлетней давности, и пытаюсь убедить старого дурака, что я — это я, а между тем… Уф-ф!

Он раздраженно повернулся и зашагал прочь. Старик было двинулся за ним.

— Эй! Не уходите же! — крикнул он. — Ладно, я старый дурак, пускай. Только не уходите. Не

оставляйте меня в этой тьме.

Грэм в нерешительности остановился. До него вдруг дошло, как глупо он выдал свой секрет.

— Я в мыслях не имел вас обидеть своим недоверием, — сказал старик, подходя ближе. — Кому от этого будет хуже? Называйте себя Спящим, если вам так нравится. Это всего лишь шутка…

Грэм колебался еще секунду, потом резко повернулся и пошел своей дорогой. Некоторое время он слышал за спиной шарканье ног и хриплые выкрики. Затем темнота поглотила старика, и Грэм больше его не видел.

Глава XII
Острог

Теперь Грэм яснее понимал свое положение. Он еще долго бродил по городу, но после разговора со стариком неизбежность встречи с Острогом стала очевидной. Теперь было понятно, что штабу повстанцев превосходно удалось скрыть его исчезновение. Но каждую минуту он готов был услышать сообщение о своей смерти или вторичном захвате Советом.

Неожиданно перед ним остановился какой-то человек.

— Вы слышали? — спросил он.

— Нет, — вздрогнув, ответил Грэм.

— Почти дюжанд, — сказал прохожий, — дюжанд человек! — И поспешил дальше.

Несколько мужчин и девушка прошли мимо в темноте, размахивая руками и выкрикивая:

— Капитуляция! Они сдались! Дюжанд человек! Два дюжанда! Острогу ура! Ура Острогу! — Крики постепенно затихли, стали неразборчивыми.

Прошли с криками еще несколько человек. Грэм пытался уловить смысл услышанного. Он

засомневался, по-английски ли они говорят. Слышались искаженные до неузнаваемости обрубки слов, похожие на пиджин-инглиш, на какой-то негритянский диалект. Задавать вопросы он не решался. Впечатление от этих людей противоречили сложившемуся у него мнению о восстании, но вместе с тем они подтвердили слова старика, сказанные об Остроге. Не сразу удалось поверить, что все эти люди радуются поражению Совета, что Совет, который преследовал его с такой настойчивостью и энергией, оказался в конце концов слабейшей стороной в конфликте. Но если это правда, что будет с ним? Несколько раз он почти решился задать прямой вопрос. Один раз даже пошел за маленьким добродушного вида толстяком, но не набрался смелости, чтобы обратиться к нему.

Наконец до Грэма дошло, что можно спросить об Управлении ветродвигателей, хотя он не очень-то понимал, что это такое. Первый, к кому он обратился, обозначил только направление — в сторону Вестминстера. Второй показал более короткий путь, но Грэм с него сбился. Третий посоветовал сойти с движущихся дорог, которых он до сих пор придерживался, не зная других путей, и спуститься по лестнице с центральной полосы

в темноту поперечного прохода. За этим последовали не слишком оригинальные приключения. Главным была встреча с каким-то неразличимым во тьме хриплым существом. Оно о чем-то говорило на странном диалекте, показавшемся Грэму чужим языком; густой словесный поток, где изредка попадались скелеты английских слов — видимо, современный жаргон дна. Затем рядом запела девушка: «Тра-ля-ля, тра-ля-ля». Она тоже заговорила с Грэмом, и ее английский был отмечен примерно теми же свойствами. Она объявила, что потеряла свою сестру, несла чепуху, хваталась за него и смеялась. Он слабо запротестовал, и она опять канула во тьму.

Шум усиливался. Люди шли мимо, топая и возбужденно крича:

— Они уже сдались!

— Совет сдался!

— Совет? Да не может быть!

— Так говорят на дорогах!

Проход, казалось, стал шире. Внезапно стены кончились. Грэм вышел на широкое пространство, заполненное возбужденными людьми. Спросил дорогу у какой-то смутной фигуры.

— Держи прямо на ту сторону, — ответил женский голос.

Грэм оторвался от своей путеводной стены и тут же наткнулся на столик со стеклянной посудой. Глаза привыкли к темноте, и стали видны два длинных ряда таких столиков, по обеим сторонам прохода. Грэм двинулся вдоль них. Пару раз от столов доносился звук стаканов и чавканье. Видимо, там сидели люди, достаточно хладнокровные, чтобы пообедать, или достаточно дерзкие, чтобы украсть еду, наперекор социальным потрясениям и темноте. Далеко впереди и вверху появился полукруг бледного света, потом исчез за черным краем стены. Грэм нащупал впереди ступени и очутился на галерее. Услышал всхлипы — у перил прятались две испуганные маленькие девочки. При звуке шагов дети замолчали. Он попробовал утешить их, но они словно окаменели. Удаляясь, он снова услышал плач.

Вскоре он оказался у подножия лестницы, уходящей в широкий проем. Сверху пробивался сумеречный свет. Выйдя из темноты, Грэм вновь оказался на улице с подвижными платформами. Вдоль нее с криками валила беспорядочная толпа. Тут и там вразнобой орали революционный гимн — по большей части без мелодии. Пылали факелы, метались, бились в истерике тени. Грэм дважды спросил дорогу и оба раза получил ответ

на том же грубом диалекте. Только с третьей попытки ему удалось услышать что-то вразумительное. Хотя до Управления ветродвигателей в Вестминстере оставалось две мили, найти дорогу было уже нетрудно.

Приблизившись наконец к району, где располагалось Управление, он по шумным процессиям, по общему радостному оживлению и, наконец, по вновь вспыхнувшему свету понял, что Совет рухнул окончательно. Однако об исчезновении Спящего по-прежнему не сообщалось.

Освещение вернулось в город с ошеломляющей внезапностью. Грэм остановился, мигая, люди вокруг него тоже встали, ослепленные. Свет накрыл Грэма среди возбужденных толп, забивших платформы напротив Управления ветродвигателей; со светом пришло ощущение наготы и незащищенности, и смутное намерение примкнуть к Острогу обернулось острым желанием.

Его толкали, ему мешали пройти усталые люди, охрипшие от повторения его имени. Некоторые были в повязках — они проливали за него свою кровь. На фасаде Управления ветродвигателей светилась движущаяся картина, но разглядеть ее не удавалось: густая толпа не позволяла подойти поближе. Из обрывков разговоров Грэм понял, что

передается сообщение о боях у здания Совета. Из-за неведения и нерешительности он действовал медленно и бестолково, долго не мог сообразить, как проникнуть за монолитный фасад этого здания. Он медленно пробрался в середину толпы и наконец обнаружил, что внутрь здания ведет лестница с центральной полосы. Это придало ему энергии, но толчея на центральной полосе была такая, что добраться до входа удалось не скоро. Но и тут нашлось множество препятствий. Битый час прошел в горячих спорах с охраной — сначала в одном караульном помещении, потом в другом, — прежде чем удалось послать записку человеку, который больше всех на свете хотел видеть Грэма. На первом посту его рассказ высмеяли, и, добравшись до второй лестницы, он решил поступить умнее и просто заявил, что имеет для Острога сообщение чрезвычайной важности. Что это за сообщение, лучше умолчать. Записку неохотно приняли. Грэм долго ждал в комнатке возле лифта, пока наконец не появился Линкольн — взволнованный, извиняющийся, изумленный. Застыл в дверях, уставившись на Грэма изучающим взглядом, затем кинулся к нему.

— Как, — воскликнул он, — это вы! Вы не погибли!..

Грэм коротко объяснился.

— Брат ждет вас. Он сейчас один в Управлении ветродвигателей. Мы боялись, что вы погибли в театре. Правда, он этому не верил… Положение еще весьма серьезное, что бы мы там ни сообщали. Поэтому он не смог сам к вам выйти.

Они поднялись на лифте, прошли по узкому коридору, пересекли большой пустой зал, где встретили двух курьеров, и вошли в сравнительно маленькую комнату, вся обстановка которой состояла из длинного дивана и большого овального диска, светившегося зыбким серым светом; диск висел на кабелях, выходивших из стены. Здесь Линкольн оставил Грэма в одиночестве, и тот тщетно попытался разобрать туманные контуры, медленно проплывавшие по диску.

Снаружи раздался шум. Приветствия, восторженные крики, ликующий рев огромной отдаленной толпы. Шум замолк так же быстро, как и начался, точно донесся через открывшуюся и опять захлопнувшуюся дверь. В соседней комнате послышались быстрые шаги и мелодичное позвякивание, словно свободно свисающая цепь пробегала по зубьям шестерни. Потом Грэм услышал женский голос, шелест невидимого платья.

— Это Острог! — произнес голос.

Отрывисто зазвенел колокольчик, и снова все затихло.

Затем послышались голоса, шаги, какое-то движение. Среди прочих звуков выделились шаги одного человека — твердые, непреклонные. Медленно откинулась портьера. Появился высокий седовласый человек, одетый в кремовый шелк. Он пристально посмотрел на Грэма.

Секунду человек простоял, придерживая портьеру рукой, затем опустил ее. Грэм увидел очень широкий лоб, светлые голубые глаза, прячущиеся под густыми седыми бровями, орлиный нос и твердо очерченный решительный рот. Складки кожи над глазами и опущенные углы губ не вязались с прямой осанкой; по ним было видно, что человек стар. Грэм невольно поднялся, и секунду они стояли молча, изучая друг друга.

— Вы Острог? — спросил Грэм.

— Я Острог.

— Предводитель?

— Так меня называют.

Грэм почувствовал, что дальнейшее молчание неуместно.

— Прежде всего я должен поблагодарить вас за спасение, — сказал он.

— Мы боялись, что вас убили, — ответил

Острог. — Или снова отправили спать — навсегда. Мы сделали все, чтобы сохранить ваше исчезновение в тайне. Где вы были? Как вы сюда добрались?

Грэм дал короткий отчет.

Острог слушал молча. Спросил с легкой улыбкой:

— Знаете, чем я занимался, когда мне сказали, что вы пришли?

— Мне трудно догадаться.

— Готовил вашего двойника.

— Двойника?

— Самого похожего на вас человека, какого удалось найти. Мы собирались загипнотизировать его, чтобы он легче вошел в роль. Это было необходимо. Восстание держится на том, что вы проснулись, живы и с нами. Даже сейчас множество людей собралось в театре и требует, чтобы вы им показались. Они не верят… Вы знаете, конечно, о своем положении?

— Очень немного, — сказал Грэм.

— Дело обстоит так. — Острог сделал пару шагов в глубь комнаты и повернулся. — Вы — единственный владелец всего мира. Король Земли. Ваша власть ограничена многими хитроумными способами, но вы — номинальный глава прави-

тельства и символ власти. Этот Белый Совет, или, как его называют, Совет опекунов…

— Я уже слышал о нем в общих чертах.

— Очень интересно.

— Я повстречал болтливого старика.

— Понятно… Наши массы — это слово осталось еще с ваших дней. Вы знаете, конечно, что у нас по-прежнему имеются массы. Они считают вас законным правителем. Так в ваши дни большинство людей признавало королевскую власть. Массы во всем мире недовольны правлением ваших опекунов. По большей части это старая свара низов с верхами, вызванная тяжелым трудом, строгой дисциплиной, нуждой. Но ваши опекуны правили скверно. В некоторых случаях, например, управлении Департаментом Труда, они поступали неблагоразумно. Они дали бесконечное число поводов для возмущения. Мы, наша народная партия, давно требовала реформ — когда наступит ваше пробуждение. И оно наступило! Если его подстроили, то более подходящего момента трудно найти. — Он улыбнулся. — В мыслях своих народ, невзирая на вашу долголетнюю летаргию, решился пробудить вас и воззвать к вам, и тут…

Он жестом обозначил внезапность события, и

Грэм кивнул, показывая, что понял.

— Члены Совета промедлили — они ссорились. Они вечно ссорятся. Никак не могли решить, что с вами делать. Помните, как они изолировали вас?

— Я понимаю. Понимаю. А теперь — мы победили?

— Мы победили. Действительно, победили. Сегодня вечером, за какие-то пять часов. Ударили со всех сторон. Люди с ветродвигателей, Департамент Труда с миллионами людей порвал оковы. Мы заручились поддержкой аэронавтов.

— Так, — проговорил Грэм.

— Это, конечно, главное — иначе они могли бы улизнуть. Весь город поднялся, чуть ли не каждый третий был с нами! Все, кто в синем, все общественные службы, кроме немногих аэронавтов, и почти половина красной полиции. Вам удалось бежать, а их дорожная полиция была обезоружена или уничтожена — в здании Совета собралось меньше половины полицейских. Теперь весь Лондон наш. У них только здание Совета. Половина той красной полиции, что была с ними, погибла в дурацкой попытке снова вас захватить. Потеряв вас, они потеряли голову. Бросили все свои силы к театру. Мы отрезали их от здания Совета. Эта ночь была поистине ночью

победы. Ваша звезда воссияла повсюду. Еще вчера Белый Совет правил, как раньше, как правил гросс лет, полтора века, и вдруг — прошел шепоток, появилось припрятанное оружие — и все!

— Я почти ничего не знаю, — сказал Грэм. — Хотелось бы… Не очень представляю себе ход сражения. Если можно, объясните. Где Совет? И где идет бой?

Острог прошагал через комнату, чем-то щелкнул, и вдруг все, кроме овального диска, погрузилось во тьму. Грэм на мгновение растерялся. Затем увидел, что серый матовый диск обретает глубину и цвет и превращается в овальное окно, из которого виден странный незнакомый пейзаж.

При первом взгляде Грэм не мог даже предположить, что он видит. Картина была освещена дневным светом — зимний день, серый и прозрачный. Поперек нее, между зрителем и задним планом, вертикально проходил толстый трос из витой белой проволоки. Ряды огромных ветряных колес, размещенных с широкими промежутками, черные провалы, зияющие то тут, то там, — все это было очень похоже на пейзаж, который он видел во время бегства из здания Совета. Он заметил шеренгу фигурок в красном, марширующих

между рядами людей, одетых в черное, и без объяснений Острога понял, что смотрит на верхнюю поверхность нового Лондона. Снег, выпавший ночью, уже сошел. Грэм решил, что это зеркало — современный вариант камеры-обскуры. Удивительно, что шеренга красных фигурок маршировала слева направо, но исчезали они слева. Потом стало понятно, что весь пейзаж медленно перемещается, проходя через овал.

— Сейчас увидите бой, — сказал Острог. — Эти парни в красном — пленные. Перед вами крыша Лондона, ведь сейчас почти все дома составляют единое целое. Улицы и площади — все теперь под одной кровлей. Провалы и расселины, свойственные вашему времени, исчезли.

Что-то расплывчатое закрыло половину картины. По форме — вроде бы человек. Блеснул металл, сверкнула вспышка, что-то скользнуло через овал, подобно тому, как веко скользит по глазу птицы, и изображение снова очистилось. Теперь Грэм увидел среди ветряков людей, бегущих с оружием, над которым вились легкие дымки. Они все гуще собирались справа, жестикулировали, возможно, что-то кричали, но картина была немой. И люди, и ветряки медленно и неуклонно плыли через поле зеркала.

— А теперь, — сказал Острог, — очередь здания Совета. — И в поле зрения стало медленно вползать что-то черное.

Вскоре оказалось, что это — пустота, огромная дыра среди склеенных друг с другом построек; оттуда к бледному зимнему небу поднимались тонкие спирали дыма. Мрачная груда развалин с мощными срезанными столбами и фермами зловеще выступала из чернеющей пустоты. Среди руин роскошного строения копошились, лазали, карабкались бесчисленные маленькие фигурки.

— Здание Совета, их последний оплот, — сказал Острог. — Болваны, потратили столько боеприпасов, чтобы взорвать все вокруг и остановить нашу атаку!.. Хватило бы на месяц обороны. Вы слышали взрыв? В городе вылетела половина стекол.

Пока он говорил, появилась и нависла над развалинами искромсанная глыба очень высокого белого здания. Эта громада была отрезана от общей массы домов полосой безжалостных разрушений. Черные провалы обозначали разорванные взрывом проходы; большие залы лишились потолков, их внутреннее убранство зловеще белело в зимнем утреннем свете, а из разбитых стен свисали пучки оборванных кабелей, тросы,

погнутые металлические балки. Среди всех этих гигантских обломков передвигались красные пятнышки — защитники Совета. То тут, то там холодные тени озарялись слабыми вспышками. Поначалу Грэму показалось, что атака на это изолированное белое здание успешно развивается, но вскоре он заметил, что отряд повстанцев вовсе не продвигается вперед, а, укрывшись среди колоссальных руин, окружающих изувеченную крепость, ведет ответную стрельбу.

Подумать только, всего десять часов назад он стоял под вентилятором в небольшой комнате внутри этого здания, пытаясь угадать, что происходит в мире!

Внимательно наблюдая картину, медленно проплывающую через центр зеркала, Грэм убедился, что белое здание со всех сторон окружено развалинами. Острог короткими фразами объяснял, как обороняющиеся пытались с помощью таких завалов остановить штурм. Бесстрастно сообщил о крупных людских потерях. Указал на импровизированный морг среди развалин, на пункты скорой помощи, которые подобно червям в сыре кишели вдоль разрушенных движущихся платформ. С гораздо большим интересом он указывал на разные части здания и на позиции

осаждающих. Вскоре Грэм получил достаточное представление о гражданском конфликте, сотрясавшем Лондон. Это было не случайным стихийным возмущением, а блестяще организованным государственным переворотом. Проникновение Острога во все детали было поразительным; казалось, он знал, чем занята каждая красная или черная точечка, ползущая по зеркалу.

Огромная черная тень его руки протянулась через светящуюся картину, указала на комнату, в которой держали Грэма, и проследила через руины путь, проделанный им при побеге. Грэм разглядел и бездну, через которую он перебирался, и ветряки, среди которых прятался от летающей машины. Остальная часть его пути попадала на зону разрушений. Он снова взглянул на здание Совета, но оно уже наполовину скрылось, а справа вплывало смутно различимое в туманной дали скопление куполов и шпилей на склоне холма.

— Значит, Совет на самом деле свергнут? — спросил Грэм.

— Свергнут, — ответил Острог.

— И я… Это действительно правда, что я…

— Да, вы — Хозяин мира.

— А этот белый флаг…

— Это знамя Совета — знамя владычества над миром. Оно сейчас падет. Борьба окончена. Атака на театр была их последней отчаянной попыткой. У них осталось около тысячи человек, некоторые из них ненадежны. У них мало боеприпасов. А мы возродили старое военное искусство. Отливаем пушки.

— Но, позвольте. Разве этот город — весь мир?

— Практически, это все, что оставалось от их империи. Города кругом либо восстали, либо ожидают исхода борьбы. Ваше пробуждение сбило их с толку, парализовало.

— Но разве у Совета нет летающих машин? Почему они не вступают в бой?

— Да, это у них есть. Но большая часть аэронавтов восстала вместе с нами. Они не рискуют сражаться на нашей стороне, но и не выступают на стороне Совета. Нам просто необходимо заручиться их поддержкой. Половина аэронавтов с нами, остальные знают об этом. Им точно известно, что вы бежали, — те, что вас упустили, прилетели обратно. Час назад мы убили человека, стрелявшего в вас. Мы заняли летные площадки на окраинах, по всему городу, где сумели, и захватили аэропланы. Что же до небольших летающих машин, то мы открыли такую пальбу, что им бы-

ло не подобраться к зданию Совета. Сев в городе, они не смогли бы подняться, потому что здесь нет места для разбега. Несколько машин мы сбили, несколько приземлились и сдались, а остальные улетели на континент искать дружественный город, пока у них не кончилось горючее. Большинство этих людей рады были бы попасть в плен и остаться невредимыми. Кувыркнуться вниз вместе с летающей машиной — не слишком приятная перспектива. Так что и с этой стороны у Совета нет шансов. Его время истекло.

Острог рассмеялся и снова повернулся к овальному зеркалу, чтобы показать Грэму летные площадки. Но даже четыре самых ближних почти не были видны в утреннем тумане. Однако Грэм понял, что это огромные сооружения — судя по размерам других построек.

Когда эти смутные картины ушли влево, снова показалось пространство, по которому шли обезоруженные люди в красном. Затем — опять черные руины и осажденная белая твердыня Совета. Она больше не выглядела призрачной, а горела янтарным светом на солнце, потому что тень от облаков ушла в сторону. Борьба пигмеев вокруг башни еще не кончилась, но красномундирные ее защитники более не стреляли.

Так, неподвижно стоя в темноте, человек девятнадцатого века наблюдал заключительную сцену великой революции, насильственного установления его власти. С ощущением удивительного открытия он осознал, что его мир — этот, а не тот другой, оставшийся позади. Что перед ним не театральное представление с кульминацией и развязкой, а реальная жизнь, в которой ему предстоит существовать, подвергаясь опасностям и выполняя свой долг. Он повернулся и снова стал задавать вопросы. Острог начал отвечать, но вдруг оборвал объяснения на полуслове.

— Об этом подробно расскажу потом. Сейчас — дела. Народ прибывает по движущимся путям со всех концов города — рынки и театры полны. Вы появились как раз вовремя. Они требуют вас. За границей то же самое. Париж, Нью-Йорк, Чикаго, Денвер, Капри, тысячи городов в смятении, в нерешительности — все требуют, чтобы вас показали. Они много лет добивались, чтобы вас разбудили, теперь это свершилось, и они не могут поверить…

— Но я же не могу… побывать всюду…

Острог ответил из другого угла комнаты. Вспыхнул свет, картина на овальном диске померкла.

— Есть кинетотелефотографы, — сказал

Острог. — Если вы поклонитесь народу здесь, то по всему миру мириады мириадов людей, замершие в темных залах, тут же увидят вас. Разумеется, в черно-белом виде — не так, как здесь. А вы сможете услышать их приветствия. Еще есть оптическое приспособление, — продолжал Острог. — Используется оно мимами и танцовщиками. Для вас это новая вещь, должно быть. Вас освещают очень ярким светом, и зрители видят не вас, а ваше увеличенное изображение, отброшенное на экран, так, что человек на самой дальней галерее сможет при желании пересчитать ваши ресницы.

Грэм выпалил один из вопросов, роившихся в голове:

— Сколько людей сейчас живет в Лондоне?

— Восемь и дванцать мириадов.

— Как вы сказали? Восемь и…

— Более тридцати трех миллионов.

Цифры поразили воображение Грэма.

— От вас будут ждать каких-то слов, — сказал Острог. — Не то, что у вас называлось речью, а то, что наши люди называют «словом» — всего одну фразу. Так принято. К примеру: «Я проснулся, и мое сердце с вами». Что-то в этом роде они хотят услышать.

— Как вы сказали?

— Я проснулся, и мое сердце с вами. И царственный поклон. Но сначала вы должны надеть черную мантию. Черный — это ваш цвет. Не возражаете? После этого они разойдутся по домам.

Грэм подумал и ответил:

— Я в ваших руках.

Острог явно был того же мнения. Немного подумав, он повернулся к дверям и отдал невидимым помощникам короткие распоряжения. Немедля внесли черную мантию, копию той, что Грэм надевал в театре. Пока он одевался, из соседней комнаты донесся резкий и пронзительный звонок. Острог повернулся к помощнику за объяснениями, но передумал и исчез за портьерой.

Грэм остался стоять рядом с почтительно застывшим служителем, прислушиваясь к шагам Острога. Тот быстро о чем-то спрашивал, ему быстро отвечали. Послышался топот бегущих ног. Откинулась портьера, появился Острог; его крупное лицо излучало волнение. Он широкими шагами пересек комнату, выключил свет, взял Грэма за руку и показал на зеркало.

— Стоило нам отвернуться… — сказал он.

Грэм увидел его указательный палец, черный и огромный, над зданием Совета, но не понял, в чем

дело. Потом заметил, что флагшток, на котором развевалось белое знамя, пуст.

— Вы хотите сказать?.. — начал он.

— Совет сдался. Его правление закончилось навсегда. Смотрите! — Острог указал на черное полотнище, которое рывками, разворачиваясь, ползло вверх.

Овальный диск потускнел. Вошел Линкольн, задернул за собой портьеру и сообщил:

— Они требуют вас.

Острог крепче сжал руку Грэма.

— Мы подняли народ, — сказал он. — Мы дали ему оружие. Его желание, по крайней мере сегодня, должно быть законом.

Линкольн откинул портьеру, пропуская Грэма и Острога.

По дороге к рынкам Грэм смог бросить взгляд внутрь длинного узкого помещения с белыми стенами, куда люди в синей одежде втаскивали носилки. Там суетились медики в пурпурных халатах, слышались стоны и крики. Грэму запомнилась пустая кровать, залитая кровью. На других кроватях лежали перевязанные и окровавленные люди. Он видел это секунду, проходя по огороженным мосткам, затем выступ здания заслонил эту комнату, и они двинулись дальше,

к рынкам.

Рев огромной толпы слышался теперь вблизи, подобно раскатам грома. И вдруг внизу открылось море черных знамен, синих холщовых одежд и коричневых лохмотьев. Тот самый огромный театр, в котором он появился в первый раз, огромный театр, запомнившийся ему сменой блеска и тьмы; оттуда он бежал, спасаясь от красной полиции. На этот раз они вошли через галерею над сценой. Зал был залит ярким светом. Грэм поискал глазами проход между сиденьями, по которому он убегал, но найти его среди десятков таких же проходов не смог. Не было видно разбитых кресел, распоротых сидений и других следов борьбы, ибо пространство зала, все, кроме сцены, было плотно забито людьми. Сверху оно казалось покрытым розовыми точками, и каждая точка была поднятым к нему лицом. Когда они вышли на галерею с Острогом, стихли выкрики, стихло пение, общий интерес объединил всех. Толпа замерла. Мириады людей с напряженным вниманием смотрели на него.

Глава XIII
Конец старого порядка

Насколько мог судить Грэм, было уже около полудня, когда пало белое знамя Совета. Но прошло еще несколько часов, прежде чем было объявлено о капитуляции, и только после этого он смог сказать свое «слово» и удалиться в апартаменты при Управлении ветродвигателей. Непрерывное нервное напряжение последних двенадцати часов чрезвычайно утомило его, даже любопытство иссякло; некоторое время он неподвижно сидел с открытыми глазами, а потом заснул. Его разбудили два медика, которые явились со стимулирующими средствами, чтобы подкрепить его силы для предстоящих дел. Выпив лекарства и приняв по совету медиков холодную ванну, Грэм сейчас же ощутил прилив энергии и интереса к жизни и был готов сопровождать Острога в длинном, в несколько миль, как ему показалось, походе по коридорам, лифтам и лестницам к месту капитуляции Белого Совета.

Дорога причудливо вилась сквозь лабиринт зданий и закончилась проходом, в конце кото-

рого через овальное отверстие Грэму на фоне сияющих закатных облаков был виден изломанный силуэт разрушенного здания Совета. Оттуда долетали крики толпы. В следующий момент они оказались на краю обрыва, на остатках крыши здания, нависающего над развалинами. Открывшаяся картина была не менее поразительна, чем изображение, которое он наблюдал в овальном зеркале.

Пространство, напоминающее грубо вырубленный амфитеатр, тянулось чуть ли не на милю. Слева оно было вызолочено заходящим солнцем, а внизу и справа накрыто светлой холодной тенью. Серый силуэт здания Совета был увенчан черным знаменем победителей, свисавшим ленивыми складками на фоне яркого закатного неба. Непривычно для глаз зияли полуразрушенные комнаты, залы и коридоры; исковерканные металлические конструкции зловеще торчали из завалов; спутанные в клубки кабели свисали, подобно морским водорослям, а откуда-то снизу доносился шум бесчисленных голосов, мощные удары и звуки труб. Гигантскую белую башню окружало кольцо разрушений: груды почерневших обломков, остатки фундамента взорванной по приказу Совета фабрики, скелеты металличе-

ских ферм, титанические массы рухнувших стен, леса мощных колонн. Внизу, между мрачных развалин, поблескивала бегущая вода, а в отдалении, среди смутно видимых громадных зданий, в двухстах футах над землей торчал перекрученный конец водопроводной трубы, извергая с громоподобным шумом сверкающий фонтан. И везде были огромные толпы людей.

Повсюду, где только можно было встать, виднелись человеческие фигурки, маленькие и четко различимые, — кроме тех мест, где закат заливал все сплошным золотом. Они карабкались на шаткие стены, гроздьями скапливались у вздымающихся колонн. Кишели по краю амфитеатра руин. Воздух сотрясался от криков, люди пробирались, продирались к середине круга.

Верхние этажи здания Совета казались покинутыми, на них не было заметно ни одного человека. Только флаг победителей тяжело свисал на фоне светлого неба. Мертвые тела либо остались внутри дома, либо их убрали. Грэм заметил всего несколько трупов в трещинах и закоулках руин и посреди водяного потока.

— Не покажетесь ли им, сир? — проговорил Острог. — Они жаждут вас видеть.

Грэм заколебался, но затем сделал несколько

шагов вперед, к изломанному краю вертикальной стены. Он стоял, глядя вниз, — высокая, черная, одинокая фигура на фоне неба.

Толпа среди развалин не сразу заметила его. Как раз в это время показались небольшие группы людей в черной форме, пробирающиеся сквозь толпу к зданию Совета. Грэм увидел, что крошечные черные головы становятся розовыми, и понял, что его стали узнавать, — словно волна пробежала по всему пространству. Он решил, что должен как-то выразить им свою признательность, поднял руку и указал на здание Совета. Крики толпы слились в восторженный рев, который поднимался к нему приветственными волнами.

Пока подписывалась капитуляция, небосвод на западе успел побледнеть, сделаться голубовато-зеленым, а на юге засиял Юпитер. Вверху шли еле ощутимые перемены, приближалась ночь, безмятежная и прекрасная; внизу была спешка, суета, противоречивые приказы, остановки, перестроения, крики и замешательство. Прежде чем членов Совета стали выводить наружу, усталые вспотевшие люди вынесли под крики толпы сотни погибших в рукопашной схватке, разыгравшейся в длинных коридорах и анфиладах…

Стражи в черном оцепили дорогу, по которой должны были пройти члены Совета, и пространство руин, насколько можно было видеть в синих сумерках, заполнила бесчисленная толпа. Люди стояли везде, где удавалось поместиться, — внутри покоренного дома Совета, на развалинах окружающих зданий. Гул голосов даже в минуты затишья напоминал рокот прибоя, набегающего на галечный пляж. По приказанию Острога на высокой груде развалин спешно сооружался помост из бревен и металлических балок. Работы в основном были завершены, но гудящие и лязгающие машины все еще сияли огнями в тени этой временной постройки.

На помосте имелось небольшое возвышение, на которое поднялся Грэм вместе с Острогом и Линкольном; немного позади разместилась группа руководителей рангом пониже. Помост окружили черные революционные гвардейцы с зеленым оружием, названия которого Грэм еще не узнал. Стоявшие рядом видели, что его взгляд неустанно перебегает с людей, толпящихся в сумрачных руинах, на темнеющую массу здания Белого Совета, откуда вскоре должны были появиться опекуны, на уродливые утесы развалин и снова на людей. Крики толпы перешли в оглу-

шительный рев.

Членов Совета он увидел издалека, когда они появились в свете временных светильников, отмечавших их путь, — кучка белых фигур на фоне черной арки. В здании Совета их содержали в темноте. Грэм наблюдал, как они приближались, переходя от одной электрической звезды к другой; угрожающий рык толпы, над которой они властвовали сто пятьдесят лет, сопровождал их на всем пути. Они приближались, и становились различимыми их лица — усталые, белые и взволнованные. Грэм видел, как они, мигая от яркого света, смотрели на него и на Острога. Совсем не похоже на отстраненные холодные взгляды в зале Атланта… Он узнал плотного мужчину с рыжей бородой, стучавшего по столу на Говарда, и маленького брюнета с мелкими чертами лица и удивительно вытянутым черепом. Они перешептывались и глядели на Острога. Позади них, опустив голову, шел высокий черноволосый красавец. Неожиданно он поднял глаза, его взгляд скользнул по Грэму и тоже устремился на Острога. Дорожка, подготовленная для членов Совета, была проложена так, что им пришлось пройти мимо и обогнуть помост, прежде чем они достигли дощатого пандуса, ведущего к сцене,

где должна была состояться церемония капитуляции.

— Хозяин, Хозяин! Бог и Хозяин! — кричал народ. — К чертям Белый Совет!

Грэм смотрел на это множество людей, неисчислимое множество, тонущее в полутьме, взглянул на Острога, неподвижно стоящего рядом, бледного и невозмутимого. Опять перевел глаза на кучку членов Совета. Наконец посмотрел вверх и увидел знакомые звезды, изливающие спокойный свет. Сколь необычна его судьба! Неужели короткая жизнь, прожитая им двести лет назад, и эта, нынешняя — одна и та же, его собственная?

Глава XIV
Вид из «Вороньего гнезда»

Итак, после самых необычных отсрочек, пройдя через сомнения и борьбу, человек девятнадцатого века занял наконец свое место во главе этого сложного мира.

Очнувшись от глубокого долгого сна, который последовал за его спасением и сдачей Белого Совета, он не понял, что происходит. С усилием Грэм нашел в памяти точку отсчета, и все, что произошло, вернулось к нему, но поначалу в каком-то ненастоящем виде, словно услышанная или прочитанная в книге история. И прежде чем память окончательно прояснилась, он снова пережил и радость спасения, и изумление перед своим высоким положением. Он был владельцем мира, Хозяином Земли. Этот великий новый век в полнейшем смысле слова принадлежал ему. Он больше не пытался истолковать происходившее как сон; теперь его заботило, как убедить себя, что все это — реальность.

Подобострастный слуга помог ему одеться под пристальным надзором мажордома, напыщенно-

го низенького человечка; с виду он был японцем, но говорил по-английски, как англичанин. От него Грэм узнал кое-что о состоянии дел. Революция стала свершившимся и признанным всеми фактом, в городе возобновилась деловая жизнь. За границей падение Совета было по большей части воспринято с восторгом. Совет не был популярен нигде, и тысяча городов Западной Америки, даже теперь, через двести лет, завидовавших Нью-Йорку, Лондону, всем восточным землям, почти единодушно восстали за два дня до известия о заточении Грэма. В Париже шли бои. Остальной мир выжидал.

Во время завтрака в углу зазвонил телефон, и мажордом доложил, что Острог почтительно справляется о его самочувствии. Грэм оторвался от еды и ответил. Очень скоро появился Линкольн, и Грэм выразил настойчивое желание поговорить с народом и подробнее ознакомиться с открывающейся перед ним новой жизнью. Линкольн сообщил, что через три часа назначена церемония представления высших должностных лиц, которые вместе с женами прибудут в Управление ветродвигателей. Желание Грэма выйти на городские пути сейчас неисполнимо из-за чрезвычайного возбуждения в народе. Вполне

возможно, однако, устроить для него обзор города с высоты птичьего полета, воспользовавшись «вороньим гнездом» смотрителя ветродвигателей. Сопровождать Грэма было поручено мажордому. Линкольн сказал о японце несколько лестных слов, извинившись, что не может составить им компанию ввиду срочной административной работы.

Выше самых огромных ветряков, в тысяче футов над крышами, на металлической мачте с тросами-растяжками виднелось круглое пятнышко «вороньего гнезда». Наверх Грэма подняли в маленькой люльке, скользившей по проволочному тросу. На середине хрупкого с виду стебля мачты была устроена легкая галерея с множеством труб, казавшихся снизу очень маленькими. Они медленно вращались по круговому рельсу. Это были отражатели, связанные с зеркалами смотрителя ветродвигателей, в одном из которых Острог показывал Грэму события, положившие начало его правлению. Японец поднялся первым; они провели там час — один спрашивал, другой отвечал.

День был полон предчувствия весны. Теплый ветер касался кожи. Небосвод был ярко-синим, и широкая панорама Лондона ослепительно

сверкала под утренним солнцем. Воздух, не замутненный ни дымом, ни туманом, был прозрачен и свеж, как в горах.

Кроме неправильного овала развалин вокруг здания Совета и черного флага над ним с этой высоты в гигантском городе почти не было заметно признаков молниеносной революции, за одну ночь и один день изменившей, как представлялось Грэму, судьбы мира. Множество людей по-прежнему сновало в развалинах. В отдалении, на огромных летных площадках, откуда в мирное время аэропланы отправлялись во многие большие города Европы и Америки, чернели толпы победителей. На узких лесах множество рабочих восстанавливали соединения проводов и кабелей, связывающих здание Совета с остальным городом, подготавливая переход туда резиденции Острога из Управления ветродвигателей.

В остальном озаренное светом пространство было безмятежно. И столь обширным казалось оно по сравнению с районом разрушений, и такой торжественный покой наполнял воздух, что вскоре Грэм почти позабыл о тысячах людей, лежавших при искусственном свете в лабиринтах этого псевдоподземелья — мертвыми или умирающими от ран, полученных прошлой ночью,

позабыл об импровизированных госпиталях и выбивавшихся из сил хирургах, сестрах милосердия и санитарах. И совсем позабыл о всех чудесах, ужасных потрясениях и неожиданностях, свалившихся на него при свете электрических огней. Он знал, что внизу, в скрытых переходах этого муравейника, революция празднует победу и повсюду торжествует черный цвет: черные банты, черные знамена, черные гирлянды, перекинутые через улицы. А здесь, под ясным солнечным небом, над кратером борьбы, казалось, что ничего не произошло, — мирно рокотал, исполняя свою нескончаемую службу, лес ветряных машин, разросшийся за время правления Белого Совета.

Далеко на горизонте, изрезанные силуэтами ветряков, голубели холмы Суррея; ближе, на севере, вырисовывались резкие контуры Хайгейтского и Масуэллского холмов. Теперь по всей местности, где некогда среди деревьев ютились дома, церкви, гостиницы и фермы, на холмах, прежде пересеченных живыми изгородями, торчали такие же ветряки с такими же огромными рекламными надписями — мрачные и хорошо различимые символы нового века. Отбрасывая причудливые вращающиеся тени, они непрестанно накапливали энергию и вливали ее во все

артерии города. Под ними передвигались бессчетные стада коров и овец Британского пищевого треста (собственность Грэма), сопровождаемые пастухами-одиночками.

Ни один знакомый силуэт не выделялся среди гигантских строений. Грэм знал, что собор Святого Павла сохранился, как и многие старые здания Вестминстера, но они скрылись из виду, перекрытые арками и циклопическими зданиями этого великого века. Даже Темза своим серебряным блеском не прорезала пустыню городской кровли; жадные водопроводные магистрали до капли выпивали ее воду, прежде чем она достигала городских стен. Ее ложе и эстуарий, расчищенные и углубленные, превратились в канал с морской водой, по которому мрачные шкиперы доставляли на баржах тяжелые грузы из Пула, проплывая под самыми ногами рабочих. Далеко на востоке висел между небом и землей лес мачт колоссального флота, собравшегося в гавани Пула. Все несрочные тяжелые грузы перевозились на гигантских парусных судах, а более спешные доставляли сравнительно небольшие быстроходные механические корабли.

На юге холмы пересекали огромные акведуки с морской водой для канализационных систем, и в

трех различных направлениях разбегались бледные линии — дороги, усыпанные движущимися серыми пятнышками. Грэм решил при первой же возможности ознакомиться с этими дорогами. Но не прежде, чем испробует летающий корабль. Мажордом рассказал об этих дорогах: две слегка изогнутые поверхности шириной в сто ярдов; движение по каждой — в одну сторону. Дороги строили из идемита, искусственного вещества, насколько Грэм понял, напоминавшего упрочненное стекло. По дорогам несся поток диковинных машин — узких, обутых в резину, то с одним большим колесом, то с двумя или четырьмя; несся со скоростью от одной до шести миль в минуту. Железные дороги исчезли, лишь кое-где сохранились насыпи, увенчанные ржавыми рельсовыми путями. Часть насыпей стала основанием для идемитовых дорог.

Одной из первых внимание Грэма привлекла большая флотилия рекламных воздушных шаров и змеев, образовавших что-то вроде аллеи, тянущейся с юга на север вдоль обычных маршрутов аэропланов. Сейчас аэропланов не было видно. Их рейсы были отменены, и только один маленький моноплан кружился вдалеке в голубом просторе над холмами Суррея — неприметное

летающее пятнышко.

Грэм уже знал, хотя с трудом мог поверить, что почти все малые города и деревни в стране исчезли. Вместо них посреди обширных пространств, засеянных одной какой-нибудь культурой, стояли гигантские одинокие здания, похожие на отели, за которыми сохранялись имена городов, таких, к примеру, как Борнмут, Уэрем или Суонидж. Слуга быстро убедил Грэма в неизбежности такой перемены. В старину страна была усеяна фермерскими хозяйствами, через каждые две-три мили располагались усадьба и селение с постоялым двором, сапожной мастерской, лавкой и церковью. Примерно через каждые восемь миль — городок, где жили адвокат, торговец зерном, скупщик шерсти, шорник, ветеринар, врач, обойщик, галантерейщик и так далее. Почему через восемь миль? Так было удобно для фермера: четыре мили в одну сторону и четыре в другую для поездки на рынок. Но в игру вступили железные дороги с товарными и пассажирскими поездами, появились быстроходные моторные экипажи, заменившие фургоны и лошадей. Когда же стали строить скоростные дороги из дерева, резины, идемита, всевозможных эластичных и долговечных материалов, необходимость в близко

расположенных торговых городках отпала. Большие же города росли. Туда устремились рабочие, притягиваемые кажущимися им безграничными возможностями найти работу, и предприниматели, влекомые широчайшим выбором рабочей силы.

По мере того как требования к удобству обитания возрастали и увеличивалась сложность механизмов, обеспечивающих комфорт, жить в деревне становилось все дороже, труднее, неудобней. Исчезновение викария и сквайра, вытеснение сельского врача городским специалистом лишило деревню последних элементов культуры. Когда телефон, кинематограф и фонограф заменили газеты, книги, школьного учителя и письма, жизнь вне сети электрических проводов уподобилась жизни изолированного от общества дикаря. В сельской местности и помыслить было нельзя, чтобы одеваться и питаться в соответствии с утонченными требованиями времени; не было хороших врачей для неотложной помощи, подходящего общества, возможности найти занятие по вкусу.

Более того, появились сельскохозяйственные машины, и один инженер заменил тридцать рабочих. Ситуация сделалась обратной той, когда

Лондон стал невыносим из-за воздуха, насыщенного угольной гарью, и городской житель при первой возможности выбирался за город. Теперь рабочие по вечерам ехали и летели в город с его ночной жизнью и удовольствиями, а утром уезжали. Город поглотил человечество, оно шагнуло на новую ступень своего развития. Первым появился кочевник, охотник, затем оседлый земледелец, живущий в земледельческом государстве, города и порты которого были не чем иным, как рынками для сбыта сельских продуктов. А теперь, как логическое следствие эпохи изобретений, появилось это огромное новое скопление людей.

Даже простое перечисление этих фактов, обычных для людей нового времени, вынудило Грэма до предела напрячь воображение, чтобы нарисовать себе картину жизни в Англии. Попытка же заглянуть «за пролив», представить, что происходит на континенте, оказалась выше его сил.

Он пытался вообразить себе эти города: одни — на широких равнинах, другие — возле больших рек, огромные города на морских побережьях, города, опоясанные снежными горами. На большей части земного шара теперь разговаривали по-английски. Вместе с испано-американски-

ми, индийскими, негритянскими диалектами и пиджин-инглиш он стал повседневным языком двух третей человечества. На Евразийском континенте, кроме редких и курьезных исключений в удаленных областях, сохранились три языка: немецкий, распространившийся до Антиохии и Генуи и соперничающий с испано-английским в Кадисе; офранцуженный русский, граничащий с индо-английским в Персии и Курдистане и пиджин-инглиш в Пекине; наконец, французский, по-прежнему блестящий и точный, разделивший Средиземноморье с индо-английским и немецким и достигающий Конго в своих негритянских диалектах.

Повсюду на земле, усеянной городами-гигантами, кроме управляемых территорий тропического «черного пояса», преобладало все то же космополитическое общественное устройство, и везде, от полюсов до экватора, раскинулись владения Грэма. Весь мир цивилизован; весь мир живет в городах; мир — его собственность…

На туманном юго-западе сияли странные и сверкающие, сладострастные и чем-то пугающие Города Наслаждений, о которых говорили и кинематограф-фонограф, и старик на улице. Удивительные места, напоминающие легендарный

Сибарис, города искусства и красоты, продажного искусства и продажной красоты, чудесные города танцев и музыки, где развлекаются те, кто выигрывает в свирепой, постыдной экономической борьбе, идущей внизу, в ярко освещенных лабиринтах.

Он знал, как жестока эта борьба. О степени ее жестокости можно было судить по тому, что теперешние люди считают Англию девятнадцатого века воплощением идиллической, беззаботной жизни. И Грэм перевел глаза на картину, расстилавшуюся непосредственно внизу под ним, пытаясь различить большие заводы в этой путанице сооружений…

Глава XV
Высшее общество

Официальные апартаменты начальника Управления ветродвигателей изумили бы Грэма, явись он туда прямо из девятнадцатого века, однако он уже начал привыкать к стилю нового времени. Трудно было бы описать, как залы и комнаты, кажущиеся сложной системой арок, мостиков, проходов и галерей, членили и объединяли все это огромное пространство. Он прошел через уже знакомую раздвижную дверь на площадку очень широкого лестничного марша, по которому сновали мужчины и женщины, одетые с таким блеском, какого Грэм еще не видел. Отсюда открывалась перспектива зала, украшенного матово-белыми, розовато-лиловыми и пурпурными орнаментами; далеко вдали она завершалась облачным волшебством ажурных ширм. Поверху были перекинуты мостики, изготовленные, казалось, из фарфора или филиграни.

Подняв голову, Грэм увидел ярусы галерей, откуда на него смотрело множество лиц. Воздух вибрировал от бесчисленных голосов и музыки

— она доносилась сверху, веселая и возбуждающая; ее источника он так и не смог найти.

Центральный зал был полон — но без толчеи, хотя собралось, по-видимому, много тысяч человек. На всех были сверкающие, даже фантастические одежды, причем на мужчинах столь же замысловатые, как и на женщинах, — нудный пуританский стиль солидного мужского костюма уже давно канул в небытие. Большинство мужчин носили тщательно завитые волосы, лысых не было вовсе. Это море подстриженных локонов очаровало бы Россетти. Один господин, носивший, как сказали Грэму, таинственный титул «аморист», щеголял двумя косами в стиле Маргариты, и они ему шли. Косички-хвостики попадались часто; вроде бы маньчжурское происхождение более не считалось чем-то зазорным. Одежда отличалась многообразием фасонов. Более стройные мужчины носили штаны в обтяжку; попадались буфы с разрезами, плащи, мантии. По всей видимости, преобладала мода эпохи Льва X, но ощущалось и влияние Востока. Дородность мужчины, которая в викторианские времена подвергалась немилосердным атакам со стороны бесчисленных пуговиц, варварски зауженных панталон и режущих подмышками сюртуков,

теперь служила основой для демонстрации исполненной достоинства осанки, подчеркнутой обилием ниспадающих складок. Довольно часто, однако, встречались и изящные костюмы в обтяжку. Грэму, чопорному человеку чопорного века, эти люди казались слишком манерными, их лица — слишком подвижными, мимика — чересчур выразительной. Они жестикулировали и выказывали удивление, интерес, изумление, они удивительно откровенно демонстрировали чувства, которые в них возбуждали дамы.

А дамы составляли здесь, несомненно, подавляющее большинство. Их одежда, походка, манеры были не столь вызывающими, не столь бросающимися в глаза, но более вычурными. Некоторые красовались в платьях классической простоты в стиле ампир, их обнаженные руки и плечи сверкали белизной. Другие были в облегающих платьях без швов и пояса, иногда украшенных длинными ниспадающими с плеч складками. Привлекательность откровенных вечерних туалетов не уменьшилась за минувшие два столетия.

Двигались они с несомненным изяществом. Грэм заметил Линкольну, что видит вокруг фигуры, сошедшие с рисунков Рафаэля, и Линкольн

ответил, что искусству жестов в богатых семьях обучают с детства. Появление Хозяина было встречено оживлением и аплодисментами, но благовоспитанность не позволила этим людям толпиться вокруг него или досаждать пристальным вниманием, пока он спускался по лестнице в зал.

Грэм уже знал от Линкольна, что здесь собрались сливки лондонского общества; почти все они были важными сановниками или ближайшими родственниками важных сановников. Многие вернулись из европейских Городов Наслаждений с единственной целью приветствовать его. Здесь были командиры аэронавтов, отступничество которых сыграло роль в свержении Белого Совета, когда наступил решающий момент, руководители Управления ветродвигателей, высшие чины Пищевого треста. Контролер Европейских свинобоен выделялся меланхолической внешностью и утонченно циничными манерами. Мимо Грэма прошел епископ в полном облачении, беседуя с господином, одетым в традиционный костюм Чосера, включая и лавровый венок.

— Кто это? — спросил Грэм почти невольно.

— Лондонский епископ, — ответил Линкольн.

— Нет, тот, другой…

— Поэт-лауреат.

— Неужели до сих пор…

— О, нет, стихов он не пишет. Это кузен Уоттона, члена Совета. Он из клуба роялистов «Алая Роза» — весьма изысканного клуба. Они хранят старые традиции.

— Мне говорили, у вас есть король.

— Король не принадлежит к этому клубу. Его пришлось исключить. По-моему, тут дело в том, что в его жилах течет кровь Стюартов. Однако на самом деле…

— Их много?

— Чересчур много.

Грэм не совсем понял, в чем дело, но, по-видимому, все это было частью тех перемен, которыми отличался новый век от старого. Он снисходительно кивнул первому человеку, которого ему представили. Ясно было, что тонкие различия в положении играли роль даже в этом собрании, и Линкольн счел нужным представить ему очень небольшую часть гостей — так сказать, узкий круг. Первым подошел Главный аэронавт, загорелое лицо которого резко контрастировало с бледными лицами других приглашенных. Своевременная измена Совету сделала его весьма важной персоной.

Простые манеры, по мнению Грэма, выгодно отличали его от окружающих. Главный аэронавт сказал несколько общих фраз, заверил Грэма в своей лояльности и искренне справился о его здоровье. Держался он непринужденно, в интонации его отсутствовало легкое стаккато, свойственное английскому языку нового времени. Аэронавт превосходно продемонстрировал Грэму, что перед ним грубовато-дружелюбный «воздушный пес» — он сам употребил это выражение, что человек он простой и мужественный, старой закваски, что никогда не прикидывается всезнайкой и что то, чего он не знает, и знать-то не стоит. Он поклонился без малейшего подобострастия и отошел.

— Рад видеть, что такие люди еще не перевелись, — сказал Грэм.

— Это все фонографы и кинематографы, — немного язвительно заметил Линкольн. — А он учился у жизни.

Грэм еще раз взглянул на удаляющуюся коренастую фигуру. Кого-то она до странности напоминала.

— По сути, мы купили его, — сказал Линкольн. — Отчасти. А отчасти он испугался Острога. От его решения зависело все.

Он резко повернулся, чтобы представить Генерального инспектора средних школ. Это был высокий человек изящного сложения в серо-голубой академической мантии. Он поглядывал на Грэма сквозь пенсне викторианского фасона и сопровождал свои слова жестами безупречно ухоженных рук. Грэм немедленно заинтересовался кругом обязанностей этого господина и задал ему несколько конкретных вопросов. Генерального инспектора, казалось, несколько удивила и позабавила полная неосведомленность Хозяина. Слегка неопределенно упомянул он о монополии на образование, которой обладает его компания; монополия же эта возникла благодаря контракту, заключенному с синдикатом, контролирующим многочисленные лондонские муниципалитеты. Зато с особым энтузиазмом он говорил о прогрессе образования с викторианских времен.

— Мы покончили с зубрежкой, — сказал он, — ее мы полностью исключили, нигде в мире теперь нет экзаменов. Вас это радует?

— А как вы добиваетесь результатов? — спросил Грэм.

— Мы делаем ученье занимательным — насколько возможно. А если что-либо не привлекает учеников, мы пропускаем эту тему. Ведь про-

странство для познания так велико.

Он углубился в подробности, и беседа затянулась. Грэм узнал, что дополнительные курсы при университете по-прежнему существуют, хотя и в измененной форме.

— Есть, к примеру, девицы, — распространялся Генеральный инспектор с глубоким осознанием собственной полезности, — которые рьяно изучают некоторые предметы, если они не чересчур трудны. Таких у нас тысячи. В настоящее время, — с наполеоновским жестом заявил он, — около пятисот фонографов в различных частях Лондона читают лекции о влиянии Платона и Свифта на любовные похождения Шелли, Хэзлитта[5] и Бернса. Затем слушательницы напишут сочинение по теме лекций, и их имена в порядке успешности вывесят на видных местах. Видите, какой прогресс? Полуграмотный средний класс ваших дней исчез.

— А начальные школы? — спросил Грэм. — Они тоже в вашем ведении?

— Полностью, — подтвердил Генеральный инспектор.

Грэм, которого и в прежние — демократиче-

---

[5] Примечания: 5
Хэзлитт Уильям (1778–1830) — английский эссеист и критик.

ские — времена интересовала эта проблема, стал задавать вопросы. Ему припомнились некоторые случайные фразы, оброненные стариком, с которым он разговаривал в темноте. А тут еще Генеральный инспектор подтвердил слова старика:

— Мы пытаемся сделать начальную школу приятной для детишек. Ведь им так скоро придется трудиться. Самые простые принципы — послушание, трудолюбие…

— Учите их совсем немногому?

— А зачем им больше? Излишние знания порождают беспокойство и неудовлетворенность. Мы их развлекаем. Но и при этом возникают неприятности, возбуждение в массах. Откуда рабочие набираются этих мыслей, уму непостижимо. Друг от друга, видимо. Тут и социалистические мечтания, и даже анархические идеи! Агитаторы действуют вовсю. Я всегда считал и считаю, что моя первоочередная задача — борьба с народным недовольством. Зачем делать народ несчастным?

— Удивительно, — задумчиво сказал Грэм. — Однако сколько вещей мне хотелось бы еще узнать…

Линкольн, который стоял, следя за выражени-

ем лица Грэма во время беседы, вмешался.

— Вас ждут другие, — вполголоса напомнил он.

Генеральный инспектор школ откланялся.

— Может быть, — сказал Линкольн, перехватив мимолетный взгляд Грэма, — вы хотите познакомиться с кем-то из этих дам?

Дочь Управляющего свинобойнями оказалась очаровательной миниатюрной особой с рыжими волосами и бойкими голубыми глазами. Линкольн оставил их беседовать наедине, и дама тут же заявила Грэму, что она обожает «старые добрые дни» — так назвала она время, когда Грэм впал в летаргию. Говоря это, она улыбалась, и ее глаза улыбались, словно требуя взаимности.

— Сколько раз я пыталась вообразить себе это старое романтическое время, — говорила она. — А для вас это живые воспоминания. Каким странным и переполненным людьми должен казаться вам наш мир! Я видела фотографии и картины старых времен — маленькие одинокие домики, сложенные из кирпича, изготовленного из обожженной глины, все черные от копоти очагов, железнодорожные мосты, простенькие объявления, важные строгие пуритане в странных черных сюртуках и высоких шляпах,

железные поезда на железных мостах, проносящиеся над головой, лошади, коровы и даже полудикие собаки, бегающие по улицам. И вдруг вы попадаете прямо сюда!

— Прямо сюда, — повторил Грэм.

— Из вашей жизни, из всего, что вам было знакомо.

— Прежняя жизнь не была счастливой, — заметил Грэм. — Я не жалею о ней.

Она бросила на него быстрый взгляд. Последовала короткая пауза. Она ободряюще улыбнулась.

— Нет?

— Нет, — сказал Грэм, — то была ничтожная жизнь, ничтожная и бессмысленная. Но эта… Мы считали мир сложным, достаточно цивилизованным. Но теперь — хотя в этом мире мне всего четыре дня от роду — наш век представляется мне странным, варварским — он был лишь началом нового порядка. Всего лишь началом… Вам трудно будет понять, как мало я знаю.

— Вы можете спросить меня о чем угодно, — сказала она, улыбаясь.

— Тогда расскажите мне, кто эти люди. Я все еще в полном неведении. Это озадачивает. Кто это, генералы?

— Люди в шляпах с перьями?

— Нет… нет. Это, наверное, какие-нибудь должностные лица, занимающие высокие посты. А кто этот импозантный господин?

— Этот? Очень важный сановник, Морден. Он директор-распорядитель Компании противожелчных пилюль. Я слышала, что его рабочие иногда производят в сутки мириад мириадов пилюль. Шутка ли — мириад мириадов!

— Мириад мириадов. Неудивительно, что у него такой гордый вид, — сказал Грэм. — Пилюли! Что за удивительное время! А тот человек в пурпуре?

— Он не совсем из нашего круга, знаете ли. Но мы его любим. Он умен и очень забавен. Это один из руководителей медицинского факультета Лондонского университета. Все медики носят пурпур. Но, сами понимаете, люди, которые получают жалованье за свою работу… — Она усмехнулась, отметая претензии подобных людей на высокое положение в обществе…

— Есть ли тут кто-нибудь из ваших великих художников или писателей?

— Нет, писателей здесь нет. По большей части это чудаки, слишком занятые собственной персоной. И они так ужасно ссорятся! Они могут подраться из-за права первому подняться по лестнице! Ужасно, не правда ли? Но я думаю, что

Рейсбери, самый модный капиллотомист, здесь. Он приехал с Капри.

— Капиллотомист? — Грэм задумался. — Ах да, вспомнил. Артист! Почему бы и нет?

— Мы вынуждены поощрять его, — извиняющимся тоном сказала она и улыбнулась. — Наши головы в его руках.

Грэм заколебался, преподносить ли ожидаемый комплимент, но его взгляд был достаточно выразителен.

— Идет ли искусство в ногу с прогрессом цивилизации? — спросил он. — Кто ваши великие художники?

Она с сомнением посмотрела на него, затем рассмеялась.

— На минуту я подумала, что вы говорите о… — Она засмеялась снова. — Вы, конечно, имеете в виду людей, привлекавших в ваше время к себе столь пристальное внимание тем, что могли покрывать огромные площади холста масляными красками? Такие большие продолговатые штуки. Вы обычно вставляли их в золоченые рамы и развешивали рядами в своих квадратных комнатах. У нас этого нет. Людям такие вещи надоели.

— Но о ком же вы тогда подумали?

Она многозначительно приложила палец к

щеке — свежесть этой щечки была вне подозрений, — улыбнулась и посмотрела на него очень лукаво, кокетливо и приглашающе.

— И здесь. — Она показала на свои веки.

Момент был рискованный. В памяти Грэма мелькнуло потешное воспоминание о виденной когда-то картине «Дядюшка Тоби и вдова»[6]. Архаичный стыд овладел им. Он остро ощутил, что на него смотрят.

— Понимаю, — заметил он не в лад. И неуклюже отвернулся от ее прелестей. Огляделся вокруг и встретил взгляды, которые немедленно переключились на другие предметы. Похоже, он немного покраснел.

— А кто это там беседует с дамой в шафрановом платье? — спросил он, отводя глаза.

Человек, о котором спросил Грэм, оказался одним из крупнейших руководителей американских театров, только что прибывшим из Мексики, где осуществил новую гигантскую постановку. Его черты напомнили Грэму Калигулу, бюст которого он некогда видел. Другой мужчина приметной внешности оказался Начальником черного труда. Этот титул поначалу не произвел

---

[6] Примечания: 6

Персонажи романа Л. Стерна (1713–1768) «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

на Грэма впечатления, но потом он переспросил:

— Начальник черного труда?

Миниатюрная дама, ничуть не смутившись, обратила его внимание на очаровательную особу небольшого роста и сказала, что это — одна из дополнительных жен англиканского епископа Лондона. Она добавила несколько слов в похвалу смелости епископа — ведь до сих пор среди духовенства сохранялась моногамия.

— Это и неестественно, и неуместно, — заметила она. — Почему нормальные чувства должны подавляться и запрещаться только потому, что мужчина — священник? К слову говоря, вы принадлежите к англиканской церкви?

Грэм колебался, спросить ли о статусе «дополнительной жены», — по-видимому, это был некий эвфемизм; однако их весьма интересную и поучительную беседу прервал Линкольн. Они прошли через зал к высокому человеку в малиновом одеянии, стоявшему с двумя очаровательными дамами в бирманских (как показалось Грэму) костюмах. Выслушав их любезности, Грэм двинулся к другим гостям.

Вскоре многообразные впечатления начали складываться в общую картину. Вначале блеск собрания пробудил в нем демократа, он стал

враждебен и насмешлив. Однако это не в человеческой природе — долго противостоять атмосфере любезного внимания. Музыка, свет, игра красок, блеск обнаженных рук и плеч, рукопожатия, мимолетный интерес оживленных улыбками лиц, приветливые голоса с искусно подобранными интонациями, атмосфера комплиментов, внимания и почтения — все это сплеталось воедино и доставляло несомненное удовольствие. Грэм на время забыл о своих обширных планах. Бессознательно поддался опьянению своим положением; его поведение сделалось менее стесненным, манеры — более величественными, походка — твердой; складки черной мантии ниспадали смелее, а голос исполнился благородства и достоинства. В конце концов, это был яркий, интересный мир!

Он посмотрел вверх и увидел, что на фарфоровом мостике промелькнуло лицо, обращенное к нему. Оно почти сразу исчезло — лицо девушки, которая была в маленькой комнате позади театрального зала прошлой ночью, после его бегства от Совета. И она смотрела на него.

Он не сразу вспомнил, где видел ее, а затем, вместе с узнаванием, вернулись и яркие ощущения той первой встречи. Но паутина танцевальной

музыки висела в воздухе и не давала закрепиться воспоминанию о той могучей маршевой песне.

Дама, с которой он в это время разговаривал, повторила свой вопрос, и Грэму пришлось вернуться к роли флиртующего короля.

Однако он уже не мог отделаться от чувства тревоги, им овладело смутное беспокойство. Его как будто волновала какая-то полузабытая обязанность — очень важная и ускользнувшая от его внимания среди этого света и блеска. Привлекательность блестящих дам, толпившихся вокруг, потускнела. Грэм уже не отвечал вялыми и неуклюжими комплиментами на тонкие любовные намеки — теперь-то он понимал, что ему предлагается; взгляд его блуждал в надежде еще раз увидеть эту девушку, которую он встретил во время восстания.

Где же все-таки он ее видел, где именно?

Грэм стоял в одной из верхних галерей и разговаривал с некоей светлоглазой дамой об идемите — предмет разговора был выбран им, а не ею. Он прервал ее теплые заверения в преданности деловым вопросом и убедился, как не раз убеждался в этот вечер, что женщины нового времени мало осведомлены, но зато очаровательны. И вдруг, прорвавшись сквозь завихрения танцевальной

мелодии, на него обрушилась Песня Мятежа, могучая песня, которую он слышал в театре, — хриплая и мощная.

И он вспомнил!

Вздрогнув, он поднял глаза и увидел над собой вентиляционное окошко, через которое доносилась песня, и вверху, сквозь сплетение кабелей и тросов — голубую дымку и отсвет огней на движущихся путях. Песня перешла в нестройный шум голосов и затихла. Но теперь ясно различались лязг и грохот бегущих платформ и ропот множества людей. Появилось неясное, необъяснимое ощущение — скорее инстинктивное, — что снаружи, на путях, собралась огромная толпа, которая, должно быть, смотрит на здание, где развлекается их Хозяин.

Хотя песня оборвалась и танцевальная музыка опять утвердилась в своих правах, марш продолжал звучать в мозгу Грэма.

Светлоглазая дама все еще сражалась с тайнами идемита, когда он снова заметил девушку, которую видел в театре. Теперь она шла по галерее в их сторону. Он увидел ее раньше, чем она его. На ней было чуть поблескивающее серое платье, темные волосы облаком поднимались надо лбом. Холодный свет из отверстия, ведущего

на улицы, упал на ее печальное лицо.

Собеседница Грэма заметила, как изменилось его лицо, и ухватилась за возможность прекратить разговор об идемите.

— Не хотели бы вы познакомиться с этой девушкой, сир? — храбро спросила она. — Это Элен Уотгон, племянница Острога. Она знает массу серьезных вещей. Очень серьезная особа, одна из самых серьезных. Уверена, вам она понравится.

Через минуту Грэм уже разговаривал с девушкой, а светлоглазая дама упорхнула.

— Я помню вас хорошо, — сказал Грэм. — Вы были в той комнатке. Когда все пели и отбивали такт ногами. Перед тем как я пошел через зал.

Ее мгновенное замешательство прошло. Девушка смотрела прямо на него, лицо ее было спокойно и твердо.

— Это было прекрасно, — сказала она и, помедлив, добавила с неожиданной силой: — Все эти люди были готовы умереть за вас, сир. Они без счета погибали за вас в ту ночь.

Ее лицо пылало. Она стремительно оглянулась, чтобы убедиться, что ее не подслушали.

Вдали на галерее показался Линкольн — он пробирался сквозь толкучку в их сторону. Девушка заметила его и порывисто повернулась к

Грэму. Она внезапно оставила свою суровость и заговорила с доверием и надеждой:

— Сир, не могу сказать всего здесь и сейчас. Но простой народ несчастен. Его угнетают, властью над ним злоупотребляют. Не забывайте о народе, который шел на смерть — на смерть, чтобы вы могли жить.

— Но я ничего не знаю… — начал Грэм.

— Сейчас я не могу говорить.

Линкольн появился рядом с ними. Поклонился, извинившись перед девушкой.

— Ну как, довольны новым миром, сир? — спросил Линкольн с предупредительной улыбкой, обводя зал и его великолепие всеохватывающим жестом. — Во всяком случае, он изменился.

— Да, — сказал Грэм, — изменился. Хотя, по сути, не так уж сильно.

— Подождите, пока не окажетесь в воздухе, — заметил Линкольн. — Ветер стих, и аэроплан уже ждет вас.

Девушка явно ждала возможности удалиться.

Грэм посмотрел ей в лицо; он хотел задать ей вопрос, но, уловив предостережение в ее глазах, отвесил поклон и повернулся, чтобы идти с Линкольном.

Глава XVI
Моноплан

Летные площадки Лондона располагались по неправильной дуге на южном берегу реки, тремя группами по две в каждой. За ними были сохранены имена старинных пригородов и деревень. Вот их названия по порядку: Роухамптон, Уимблдонский парк, Стритем, Норвуд, Блэкхит и Шутерс-хилл. Это были однотипные конструкции, поднятые высоко над поверхностью городских крыш. Каждая имела около четырех тысяч ярдов в длину и тысячу в ширину и была построена из материала, в состав которого входили железо и алюминий. Этот материал заменил железо в архитектуре. Их верхние этажи представляли собой переплетение ферм, которое пронизывалось лифтами и лестницами. На плоской верхней поверхности размещались стартовые тележки. Они могли перемещаться по слегка наклонным рельсам до самого края.

Грэм отправился на летные площадки по общественным путям в сопровождении Асано, своего слуги-японца. Линкольна отозвал

Острог, занятый административными делами. Сильная охрана из полиции ветродвигателей ожидала Хозяина перед зданием Управления и освободила ему место на верхней движущейся платформе. Эта поездка на летные площадки была неожиданной, и тем не менее за ним последовала целая толпа. По пути он слышал, что люди выкрикивают его имя, и видел несчетное множество мужчин, женщин и детей в синем, которые, крича и жестикулируя, теснились на лестницах, ведущих на центральную полосу. Он не мог разобрать, что они кричали. Его снова поразил их особый грубый язык — вульгарный диалект городской бедноты. Когда наконец он достиг цели, охрана немедля оказалась в окружении густой возбужденной толпы. Позже Грэм сообразил, что некоторые пытались пробиться к нему и передать петицию. Стражники с трудом прокладывали дорогу.

Моноплан с дежурным аэронавтом ожидал его на западной площадке. Вблизи этот аппарат оказался не таким уж маленьким. Он лежал на своей стартовой тележке посреди широкой площадки, его алюминиевый решетчатый корпус был величиной с двадцатитонную яхту. Боковые несущие паруса из какой-то стекловидной искусственной

пленки, поддерживаемые и пронизанные металлическими нервами, похожими на прожилки в крыле пчелы, отбрасывали тень на пространство в сотни квадратных ярдов. Сиденья для инженера и пассажира свободно висели внутри защитных ребер каркаса на сложной системе тросов и были сдвинуты довольно далеко назад от середины корпуса. Кресло пассажира защищалось ветровым щитком и ограждалось металлическими прутьями с надувными подушками. При необходимости его можно было закрыть полностью, но Грэм, в предвкушении новых впечатлений, пожелал, чтобы сиденье оставили открытым. Аэронавт сидел за стеклом, защищающим лицо. Пассажир мог закрепить свое сиденье на одном месте, что было необходимо при посадке, или передвигаться с помощью рельса и специального стержня к шкафчику на носу машины, где помещались его личный багаж, теплая одежда и провизия. Шкафчик вместе с сиденьями уравновешивали размещенный в центральной части двигатель и установленный на корме пропеллер.

Площадка была пуста — никого, кроме Грэма, Асано и нескольких охранников. Под руководством аэронавта Грэм занял свое место. Асано вылез из машины и остановился на площадке

— замахал рукой. Внезапно он словно скользнул куда-то назад и вправо и исчез.

Двигатель громко гудел, пропеллер вращался; площадка и окрестные строения стремительно и плавно уходили назад. Затем все словно вздыбилось. Грэм инстинктивно ухватился за короткие стержни по сторонам сиденья. Чувствовал, что поднимается вверх, слышал свист воздуха над ветровым щитком. Пропеллер вращался с мощным ритмическим звуком: раз, два, три — пауза, раз, два, три — пауза. Инженер очень осторожно регулировал механизм. Машина начала мелко вибрировать; эта дрожь продолжалась в течение всего полета. Крыши уносились вправо, быстро уменьшаясь. Грэм глядел через голову аэронавта сквозь ребра машины. Посмотрев по сторонам, Грэм не заметил ничего особенно пугающего — скоростной фуникулер дал бы похожие ощущения. Он узнал здание Совета и Хайгейт-ридж. И тут он взглянул вниз, прямо под ноги.

Мгновенно его охватил животный ужас, сознание страшной опасности. Он вцепился во что-то. Какое-то время не мог поднять глаз. В нескольких сотнях футов внизу был один из больших ветряков юго-западного Лондона, а южнее виднелась летная площадка, усеянная черными точками.

И все это, казалось, проваливалось в бездну. У него был мгновенный импульс — бросится вниз, догнать землю. Он стиснул зубы, усилием воли поднял глаза. Паника прошла.

Некоторое время Грэм сидел, крепко сжав зубы и уставившись в небо. Тук, тук, тук — хлоп, — постукивал двигатель, тук, тук, тук — хлоп. Грэм крепко схватился за стержни, взглянул на аэронавта и увидел на его загорелом лице улыбку. Улыбнулся в ответ — возможно, несколько натянуто.

— Поначалу немного непривычно! — прокричал Грэм, прежде чем снова принял исполненную достоинства позу. Но некоторое время не решался снова взглянуть вниз. Он уставился через голову аэронавта на синюю полоску неба у горизонта. Никак не удавалось выбросить из головы мысль о возможной катастрофе. Тук, тук, тук — хлоп! Предположим, самый обыкновенный винтик отвернется в этом механизме! Предположим… Отчаянным усилием он отогнал от себя эти опасения. По крайней мере ему удалось отодвинуть их на задний план. А моноплан поднимался все выше и выше в чистом прозрачном воздухе.

Когда эмоциональный шок от ощущения свободного полета миновал, переживаемое состо-

яние стало ему даже приятно. Его предупреждали о воздушной болезни. Но раскачка моноплана, направляемого против легкого юго-западного бриза, не слишком отличалась от килевой качки судна на пологих волнах умеренного шторма, а Грэм был неплохим моряком. Острый разреженный воздух вызывал бодрящее ощущение легкости. Он взглянул вверх и увидел, что голубое небо легким орнаментом украсили перистые облака. Затем осторожно опустил глаза, сквозь ребра и перекладины посмотрел на полет белых птиц, зависших внизу. Немного понаблюдал за ними. Почти без страха взглянул еще ниже и увидел стройный силуэт мачты «вороньего гнезда», сияющей золотом в солнечных лучах и удаляющейся с каждым мгновением. Теперь его более уверенному взгляду предстала надвигающаяся линия голубых холмов, а за нею, уже с подветренной стороны, расстилалась замысловатая картина лондонских кровель. Ближний ее край был виден ясно и резко, и от острого удивления последние страхи Грэма исчезли. Граница Лондона была подобна стене, утесу, вертикальной ступени, обрыву высотой в триста или четыреста футов. Город заканчивался сплошным декорированным фасадом с редкими террасами.

Характерного для больших городов девятнадцатого века постепенного перехода от города к предместьям, а там и к сельской местности, более не существовало. Осталось лишь запустение, руины в многоцветных, густых зарослях разнообразных растений — остатках былых садов. Вокруг темнели коричневые квадраты пашен и полоски вечнозеленого кустарника. Они виднелись даже между развалин. Однако по большей части эти рифы и шхеры руин, эти обломки пригородных вилл все еще виднелись вдоль бывших улиц и дорог — печальные острова среди наступающего зеленого и коричневого моря. Обитатели бросили их много лет назад, но они, видимо, оказались слишком прочны для того, чтобы их смели сельскохозяйственные машины.

Растительность буйно обвивала рассыпающиеся клетки бесчисленных брошенных домов и подкатывала к городской стене зеленым прибоем ежевики, остролиста, плюща, ворсянки и бурьяна. Там и тут среди ничтожных останков Викторианской эпохи возвышались дворцы развлечений, соединенные с городом канатными дорогами. В этот зимний день они казались покинутыми. Пустынными выглядели и сады, разбитые среди руин. Пределы города были опре-

делены, в сущности, так же четко, как в древние времена, когда городские ворота запирались на ночь и вокруг стен рыскали разбойники. Огромная полукруглая арка извергала транспортный поток на идемитовую дорогу, ведущую в Бат. Таким открылся Грэму мир вне города — сверкнул и исчез. Когда он наконец сумел опять взглянуть вертикально вниз, то увидел поля в долине Темзы — бесчисленные красно-коричневые прямоугольники, разделенные блестящими нитями сточных канав.

Возбуждение Грэма стремительно возрастало и перешло в какой-то хмельной восторг. Он всей грудью вдыхал разреженный воздух, громко смеялся, ему хотелось крикнуть что-нибудь. Желание это стало неодолимым, и он закричал. Описав широкую дугу, они повернули к югу. Моноплан летел с небольшим креном в подветренную сторону и медленно менял направление движения, вначале резко набирая высоту, а затем плавно и стремительно скользя вниз, что было очень приятно. Во время такого скольжения пропеллер останавливался. Подъемы давали Грэму ощущение победы над стихией, а плавный спуск в разреженном воздухе доставлял неизъяснимое наслаждение. Хотелось никогда не покидать

небо.

Некоторое время он внимательно разглядывал детали ландшафта, стремительно бегущего на север. Особенно ему нравилась ясность и четкость мелких деталей. Поражало большое количество руин некогда стоявших повсюду домов и огромные безлесные пространства, с которых исчезли фермы и деревушки — остались лишь осыпающиеся развалины. Грэм уже слышал об этом, но видеть все своими глазами — совсем другое дело. Он пытался различить в этом запустении знакомые места, но после того, как долина Темзы осталась позади, ему это поначалу не удавалось. Однако вскоре, пролетев над острым меловым холмом, Грэм узнал линию восточного обрыва и руины городка, круто идущие вверх по обеим сторонам ущелья. Это был Гилдфорд-хогз-бэк. После этого он смог различить и другие места — Лит-хилл, песчаные пустоши Олдершота и так далее. Долина реки Уэй заросла густым лесом повсюду, кроме мест, где проходила, следуя направлению старой железнодорожной колеи, широкая Портсмутская идемитовая дорога, густо усеянная быстро двигающимися точками.

На всей ширине склона Даунса, насколько глаз мог различить в серой дымке, были расставле-

ны ветряные колеса, которым самый большой городской ветряк годился бы в младшие братья. Они величественно вращались под юго-западным ветром. Здесь и там виднелись участки, усеянные овцами Британского пищевого треста, среди которых темными силуэтами выделялись конные пастухи. Затем под носом моноплана проплыли Уилден-хайтс, линия холмов Хайндхеда, Питч-хилл и Лит-хилл со вторым рядом ветряных двигателей, которые, казалось, старались перехватить у ветряков низины их долю ветра. Пурпурный вереск сменился внизу желтым дроком, быстро промелькнуло и превратилось в едва заметное пятно стадо черных быков, которое гнала пара конников.

Когда все это исчезло вдали, Грэм услышал совсем рядом жалобу пеночки. Машина летела теперь над южным Даунсом, и, взглянув через плечо, Грэм увидел за обрывом Портсдаунского холма форты Портсмутской гавани. В следующее мгновение показалось скопление стоящих возле берега судов, подобных плавучим городам, залитые солнцем белые утесы Нидлза и отливающая серым поверхность пролива Солент. Моноплан словно перепрыгнул пролив за несколько мгновений, а через несколько секунд и остров Уайт

остался позади. Теперь внизу все шире и шире растекалось морское пространство, то пурпурное — там, куда падала тень от облаков, то серое, то блестящее, как зеркало, то зелено-синее, туманное. Остров Уайт становился все меньше и меньше. Через несколько минут от облачной гряды отделилась полоса серой мглы, спустилась с неба и превратилась в береговую линию — северное побережье Франции, солнечное и прекрасное. Оно росло, окрашивалось, становилось ярче, отчетливей, а английский берег исчезал вдали.

Очень скоро, как казалось, на горизонте появился Париж и некоторое время висел там, но затем пропал из виду, так как моноплан свернул на север. Но Грэм успел заметить, что Эйфелева башня все еще стоит, а рядом с ней виднеется огромный купол, увенчанный колоссальным шпилем. Он заметил также косую полосу дыма, но не понял, в чем дело. Аэронавт сказал что-то о «беспорядках на нижних путях», на что Грэм не обратил особого внимания, но заметил башни, минареты, элегантные сооружения, которые вздымались к небу выше ветряных двигателей, и подумал, что Париж хотя бы по изяществу силуэта все еще опережает своего огромного соперника. Пока он смотрел, бледно-голубая тень быстро поднялась

со стороны города и понеслась, как осенний лист, подгоняемый бурей, — повернула и полетела в их сторону, стремительно увеличиваясь. Аэронавт что-то сказал.

— Что? — переспросил Грэм; он не мог отвести глаз от этого зрелища.

— Лондонский аэроплан, сир, — прокричал пилот.

Они поднялись выше и повернули к северу. Аэроплан приближался, становился все больше. Шум моноплана, бывший недавно воплощением мощи и скорости, казался теперь тихим жужжанием. Каким огромным было это чудовище, каким стремительным и величественным был его полет! Оно пронеслось прямо под ними — прозрачные, обтянутые проволочной сеткой крылья широко раскинуты, — живое существо! Грэм успел увидеть ряды закутанных пассажиров, покачивающихся в своих люльках за ветровыми стеклами, одетого в белое инженера, карабкающегося против встречного ветра по трапу, согласно работающие двигатели, вращающийся пропеллер и широкую плоскость крыла. Потрясающее зрелище! В одно мгновение аэроплан исчез.

Он набирал высоту, и крылья маленького мо-

ноплана закачались на его воздушной волне. Аэроплан уходил, становился все меньше. Они, казалось, оставались на месте, а он уже опять стал плоской голубой тенью, исчезавшей в небе. Это был аппарат, летавший между Лондоном и Парижем. В хорошую погоду и в спокойные времена он делал по четыре рейса в день.

Они летели через Ла-Манш, медленно, как теперь казалось Грэму, и слева серым пятном вырастал Бичи-хед.

— Садимся, — объявил аэронавт, голос его был едва слышен из-за свиста ветра над стеклом.

— Нет еще! — смеясь, крикнул Грэм. — Пока не садимся. Я хочу побольше узнать об этой машине.

— Я полагаю… — начал аэронавт.

— Я хочу побольше узнать об этой машине, — повторил Грэм. — Перехожу к вам. — Он вылез из кресла и ступил на огороженную дорожку, ведущую к месту пилота.

На мгновение застыл, побледнев и вцепившись в поручни. Еще шаг — и он подобрался к аэронавту. Ощутил на плече давление воздуха. Его шапка закувыркалась черным пятнышком позади. Ветер дул над ветровым стеклом, растрепал его волосы. Аэронавт проделал несколько по-

спешных манипуляций и сбалансировал центры тяжести и напора воздуха.

— Я хочу, чтобы вы все объяснили, — сказал Грэм. — Что вы делаете, когда перемещаете двигатель вперед?

Аэронавт замялся.

— Это сложно, сир.

— Не имеет значения, — закричал Грэм. — Не имеет значения!

— Аэронавтика — это тайна… привилегия… — помолчав, сказал пилот.

— Я знаю. Но я — Хозяин, и я хочу знать.

Он рассмеялся, его переполняло новое чувство — власти, подаренной полетом.

Моноплан разворачивался к западу; резкий ветер бил в лицо, раздувал одежду. Грэм и пилот поглядели друг другу в глаза.

— Сир, существуют правила…

— Но дело касается меня, — сказал Грэм. — Вы, кажется, забыли…

Аэронавт изучающе посмотрел ему в лицо.

— Нет, я не забыл, сир. Но по всей земле никто — ни один человек, кроме приведенного к присяге аэронавта, — никогда не управлял машиной. Они могут быть только пассажирами…

— Я кое-что слышал об этом. Не собираюсь с

вами спорить. Знаете, ради чего я проспал двести лет? Чтобы летать!

— Сир, — сказал аэронавт, — правила… если я нарушу правила…

Грэм движением руки отбросил возможные неприятности.

— Но вы могли бы наблюдать за мной…

— Нет, — объявил Грэм, покачнувшись и хватаясь за поручень, когда машина задрала нос на новом подъеме. — Такая игра не для меня. Хочу делать все сам. Сам! Даже если разобьюсь! Я так хочу. Слушайте. Я сейчас сяду рядом с вами. Спокойно! Я намерен летать самостоятельно и готов поплатиться за это жизнью. Это вознаграждение за мой сон. А все остальное… В прошлом я мечтал о полетах. А теперь — держите равновесие!

— Дюжина шпионов наблюдает за мной, сир!

Терпение Грэма лопнуло. Как он решил, так и должно быть. Он выругался. Перевалил через рычаги. Моноплан качнуло.

— Кто Хозяин мира? — прикрикнул он. — Я или ваша корпорация? Ну! Снимите руки с рычагов и берите меня за запястья. Вот так. А теперь, как опустить нос вниз для скольжения?

— Сир!

— Что такое?

— Вы защитите меня?

— Боже мой! Конечно! Даже если придется сжечь Лондон. Ну же!

Этим обещанием Грэм купил первый свой урок воздухоплаванья.

— В ваших интересах за время этого полета, — сказал он, громко смеясь, потому что воздух действовал на него, как крепкое вино, — обучить меня побыстрее и получше. Потянуть за это? А! Так! Ого!

— Назад, сир! Назад!

— Назад… хорошо. Раз, два, три! Боже милостивый! Он поднимается! Вот это жизнь!

Теперь машина принялась отплясывать странные фигуры в воздухе. Она то описывала спираль всего ярдов сто в диаметре, то взмывала вверх и падала — круто, стремительно, как сокол, а затем снова ввинчивалась в воздух и уходила ввысь. При одном из таких спусков он полетел прямо на дрейфующий парк воздушных шаров на юго-востоке и едва успел отвернуть в сторону. Изумительная быстрота и плавность движения, потрясающее воздействие чистого воздуха привели Грэма в бесшабашный восторг.

Но в конце концов неприятное приключение отрезвило его и заставило повернуть к земле с ее

суетой и неразрешимыми темными загадками. Во время пикирования послышался удар и что-то пролетело мимо, обрызгав его каплями, вроде дождевых. Оглянувшись, он увидел внизу крутящийся белый лоскут.

— Что это было? — спросил он. — Я не понял.

Аэронавт оглянулся и схватился за рычаг — ведь они продолжали падать. Когда машина выправилась и начала подниматься, он перевел дыхание.

— Это, — указал пилот на белый предмет, все еще планирующий вниз, — это был лебедь.

— Я его не видел, — сказал Грэм.

Аэронавт промолчал, на лбу у него выступила испарина.

Они летели горизонтально, пока Грэм перебирался снова на сиденье пассажира, где его уже не доставали порывы ветра. Последовал стремительный спуск — пропеллер вращался, препятствуя падению, — и летная площадка, широкая и темная, начала расти перед ними. Солнце, закатываясь за меловые холмы на западе, казалось, опускалось вместе с монопланом, оставляя в небе золотое сияние.

Скоро стали видны мелкие пятнышки. Внизу послышался шум, подобный шуму прибоя на

галечном берегу, и Грэм увидел, что все крыши вокруг площадки густо заполнены народом, радующимся его благополучному возвращению. Сплошная темная масса под площадкой пестрела пятнами бесчисленных лиц, машущих рук и развевающихся белых платков.

Глава XVII
Три дня

Линкольн ждал Грэма в апартаментах под летной площадкой. Его, по-видимому, очень интересовало, как прошел полет, он был доволен, услыхав, что Грэм в полном восторге. Грэм кипел энтузиазмом.

— Я должен научиться летать! — кричал он. — Должен это освоить! Как жаль мне тех, что умерли, не дождавшись такой возможности. Как сладко и славно летать! Это самое чудесное ощущение на свете.

— Вы найдете в нашем времени массу чудесных ощущений, — сказал Линкольн. — Не знаю, что посоветовать вам еще. У нас есть музыка, которая заменяет романы.

— Сейчас меня занимают полеты. Хочу побольше о них узнать. Ваш аэронавт говорит, что есть какие-то корпоративные правила, запрещающие обучать посторонних.

— Полагаю, это так, — ответил Линкольн. — Но для вас!.. Если вы решили этим заняться, мы можем хоть завтра сделать вас присяжным аэро-

навтом на законных основаниях.

Грэм с живостью согласился и снова стал рассказывать о своих впечатлениях.

— А как идут дела? — вдруг спросил он. — Каково сейчас положение?

Линкольну не хотелось говорить о делах.

— Острог вам завтра расскажет, — сказал он. — Все устраивается. Революция завершается по всему миру. Конечно, конфликты то там, то тут неизбежны, но ваше правление обеспечено. Доверив дела Острогу, вы можете ни о чем не беспокоиться.

— А можно ли мне стать, как вы это назвали, присяжным аэронавтом уже сегодня? — спросил Грэм, расхаживая по комнате. — Тогда бы я завтра в самую первую очередь снова…

— Это, видимо, возможно, — задумчиво сказал Линкольн. — Вполне возможно. Так мы и поступим. — Он рассмеялся. — Я подготовил несколько развлечений на выбор, но вы нашли для себя свое. Сейчас я телефонирую в Управление аэронавтики, и мы вернемся в ваши апартаменты в Управлении ветродвигателей. Пока вы будете обедать, аэронавты успеют собраться. Но вы не думаете, что после обеда лучше бы… — Он замялся.

— Что?

— Мы подготовили танцевальное представление, артистов доставили из театра острова Капри.

— Терпеть не могу, — отрезал Грэм. — Никогда не любил. Это не то… Не то, что мне хотелось бы видеть. И в старые времена у нас были танцовщицы. Они были уже в Древнем Египте. Но вот полеты…

— Это верно, — сказал Линкольн. — Хотя наши танцовщицы…

— Они могут подождать. Могут подождать. Я — не римлянин. У меня есть вопросы, хочу расспросить специалистов о ваших машинах. Мне хотелось бы отвлекаться.

— В вашем распоряжении целый мир, — сказал Линкольн. — Можете выбирать, что пожелаете.

Явился Асано, и они под сильной охраной вернулись по улицам в апартаменты Грэма. Сейчас, при возвращении, собралось куда больше зевак, чем при отъезде, и приветственные крики массы людей порой заглушали ответы Линкольна на бесконечные вопросы Грэма, вызванные воздушным путешествием. Сначала Грэм отвечал на приветствия толпы жестами и поклонами, но Линкольн предупредил его, что такая реакция может быть сочтена неуместной. Грэм,

уже несколько утомленный ритмическими выкриками, до конца поездки игнорировал своих подданных.

Сразу же по прибытии Асано отправился за кинематографическими пособиями, показывавшими машины в действии, а Линкольн распорядился о доставке действующих моделей и небольших машин, чтобы продемонстрировать Грэму прогресс в механике за последние два столетия. Несколько приборов для телеграфного сообщения так заинтересовали Хозяина, что он на время забыл даже о замечательном обеде, поданном восхитительно обученными девушками. Привычка курить почти исчезла с лица земли, но, когда он пожелал предаться этой слабости, был сделан запрос, и несколько великолепных сигар прислали из Флориды пневматической почтой еще до конца обеда. Затем явились аэронавты и инженеры, доставившие чудеса техники новой эпохи. Грэм с увлечением разглядывал устройства для вычислений, строительные и прядильные машины, патентованные дверные механизмы, двигатели взрывного действия, элеваторные и водонапорные башни, оборудование для боен и сельскохозяйственные орудия. Все это было для Грэма привлекательнее любой баядеры.

— Мы были дикарями, — повторял он. — Дикарями. По сравнению с вами мы жили в каменном веке… А что еще у вас есть?

Явились также несколько психологов-практиков с демонстрацией интересных достижений в искусстве гипноза. К своему удивлению Грэм узнал, что имена Милна Брэмуэлла, Фехнера, Либо, Уильяма Джеймса, Майерса и Гарни упоминаются теперь с почтением. Несколько практических приложений их психологии получили широкое применение. Психологическое воздействие заменило многие наркотические, антисептические и обезболивающие средства в медицине; оно использовалось теперь почти всеми людьми, которым требовалась умственная сосредоточенность. Человечество, по-видимому, было обязано этому направлению реальным расширением своих интеллектуальных возможностей. Достижения «людей-арифмометров» — месмерические фокусы, как некогда полагал Грэм, — стали доступны теперь любому, кто мог заплатить за услуги опытного гипнотизера. Экзаменационная система обучения уже давно была заменена этими приемами. Вместо годов учебы студенты несколько недель подвергаются гипнотическому внушению — во время сеансов

инструкторы просто повторяют нужные сведения, необходимые для правильного ответа, добавляя приказ об оставлении этих знаний в памяти после выхода из гипнотического транса. В математике употребляется только этот метод, к нему обычно прибегают в шахматах и в играх, требующих ловкости рук. На деле все операции, проводимые по определенным правилам, так называемые псевдомеханические действия, теперь освобождаются от влияния воображения и эмоций и доводятся до исключительной точности и аккуратности. Маленькие дети из простонародья, едва достигнув возраста, подходящего для гипноза, превращаются в машины, работающие точно и безошибочно, освобожденные от долгих раздумий и метаний юности. Ученики аэронавтов, страдающие головокружением, избавляются от своих страхов. На каждой улице можно обратиться к гипнотизеру, чтобы навсегда запечатлеть в памяти воспоминание. Если надо запомнить имя, серию чисел, песню, речь — это можно сделать с помощью гипноза. И наоборот: память может быть стерта, привычка устранена, желание погашено — это настоящая психологическая хирургия, и она широко применяется. Унижения и обиды могут быть забыты, неутеш-

ные вдовы перестают страдать по ушедшим мужьям, безнадежно влюбленные избавляются от своей страсти. Однако прививать желания еще не удается, и факты передачи мыслей пока не систематизированы. Психологи продемонстрировали Грэму свои достижения, проделав удивительные опыты по запоминанию с группой бледных детей, одетых в синее.

Грэм, как и многие люди его времени, не верил гипнотизерам; если бы не это, он мог бы освободить свой мозг от многих болезненных перегрузок. Но несмотря на заверения Линкольна, он продолжал придерживаться старой теории, что подвергнуться гипнозу — значит подчинить свою личность чужой воле и отречься от своей. На чудесном празднике жизни, только что начавшемся, он остро желал целиком оставаться самим собой.

Следующий день, и еще один, и третий прошли в подобных занятиях. Ежедневно Грэм проводил по многу часов, славно развлекаясь полетами. На третий день пересек всю Центральную Францию и даже видел покрытые снегом вершины Альп. Интенсивные упражнения принесли крепкий сон; он стремительно избавлялся от опустошенности, от анемии, с которой проснулся. И

каждую минуту, свободную от отдыха и полетов, Линкольн неутомимо заполнял интереснейшими занятиями. Грэму показывали все новые изобретения, пока наконец его любопытство не насытилось. Описание всех этих диковин заняло бы дюжину томов. Каждый день в послеполуденное время Грэм около часа проводил среди своих придворных. Очень скоро интерес к новым современникам сделался более конкретным и личным. Вначале его настораживало в основном незнакомое и необычное — любая вычурность костюма, любое несоответствие с его представлениями о светском поведении коробило его, но удивительно, как скоро исчезли отчужденность и легкая враждебность, как скоро он увидел себя в истинной перспективе; Викторианская эпоха отодвинулась, стала плохо различимым приятным видением. Оказалось, что ему нравится рыжеволосая дочь Управляющего свинобоен. На следующий день после обеда он познакомился с новомодной танцовщицей и нашел ее искусство восхитительным. Затем ему показали новые чудеса гипноза. На третий вечер Линкольн объявил было, что Хозяину надо отдохнуть в Городе Наслаждений, но Грэм это предложение отверг. Отклонил и услуги гипнотизеров в своих заняти-

ях аэронавтикой. Он любил окрестности Лондона и с непреходящей радостью находил во время полета места, связанные с прошлой жизнью.

— Здесь или, вернее, там, сотней футов пониже, — мог он объявить, — я обычно съедал котлету на завтрак в пору учебы в Лондонском университете. Там, внизу, был вокзал Ватерлоо — вечная спешка и поиски нужного поезда. Часто я стоял там с чемоданом в руке и поверх бесчисленных сигнальных огней смотрел в небо, не думая, что когда-нибудь буду разгуливать в ста ярдах над этим местом. А сейчас в том же самом небе, которое тогда выглядело серым дымным покрывалом, кружусь на моноплане.

Грэм был так занят своими делами, что политические события за стенами резиденции почти не привлекали его внимания. Окружающие мало об этом говорили. Ежедневно приходил Острог — Вождь, великий визирь Грэма, распорядитель в его дворце — и докладывал в туманных выражениях о неуклонном укреплении его власти, «незначительных затруднениях» в одном городе, «небольших беспорядках» в другом… Песня революции больше не доносилась до Грэма; он так и не узнал, что петь ее в городе запретили. Все высокие эмоции, пережитые в «вороньем

гнезде», уснули в его сознании.

Вскоре, несмотря на интерес к дочери свиного управляющего — а возможно, из-за мыслей, ход которым дал разговор с нею, — Грэм вспомнил Элен Уотгон, девушку, что вела такие странные речи на приеме в Управлении ветродвигателей. Она произвела на него глубокое впечатление, хотя какое-то время поток новых поразительных открытий и оттеснил ее образ. Но теперь воспоминания вернулись. Хотелось понять, что она стремилась передать своими отрывистыми словами, — он их почти забыл. Ее глаза, ее взволнованно-серьезное лицо возникали в памяти все отчетливей по мере того, как тускнел интерес Грэма к механике.

Глава XVIII
Грэм вспоминает

Он увидел ее на галерейке, соединяющей Управление ветродвигателей с его апартаментами. Галерея была длинная, узкая, с рядом ниш у арок-проемов, выходящих во двор с пальмами. Грэм вдруг увидел девушку в одной из этих ниш. Она повернула голову на звук шагов и вздрогнула, узнав его. Побледнела. Быстро встала, шагнула навстречу, как будто хотела заговорить, но не решалась. Он тоже остановился и ждал. Стало заметно, что ей мешает говорить нервная дрожь. Грэм понял, что смятение лишило ее дара речи. Девушка, видимо, искала разговора с ним, ждала его на этом месте.

— Я давно хотел видеть вас, — сказал он. — Несколько дней назад вы пытались что-то сказать мне — что-то о народе. Что вы хотели сказать?

Она подняла страдальческие глаза.

— Вы говорили, что народ несчастен.

Девушка помолчала, потом резко ответила:

— Это, наверное, показалось вам странным.

— Да. Однако…

— Это был минутный порыв.

— И что же?

— Это все. — Нерешительный взгляд, затрудненная речь. — Вы забыли, — сказала она с глубоким вздохом.

— О чем?

— О народе…

— Вы хотите сказать…

— Вы забыли о народе.

Грэм смотрел на нее вопросительно.

— Да. Я понимаю, вы удивлены. Потому что не понимаете, кто вы такой. Не знаете, что происходит вокруг.

— И что же?

— Вы не понимаете.

— Может быть, не все мне ясно. Но… рассказывайте.

Она повернулась к нему с неожиданной решимостью.

— Это так трудно объяснить. Я собиралась… Готовилась. А вот теперь — не могу. Не хватает слов. Но о вас скажу немного. Такие вещи называют чудесами. Ваш сон, ваше пробуждение… Это чудо. Для меня, например, и для всего народа. Вы, обычный человек, жили столько лет назад, страдали и умерли, но проснулись, чтобы снова

жить, и оказалось, что вы стали Хозяином почти всей Земли.

— Хозяин Земли, — повторил он, — так они говорят мне. Но подумайте, как мало я знаю.

— Городов, трестов, Департамента Труда…

— Вся эта верховная власть, владычество — могущество и слава… Да, я слышал, как они кричали. Знаю. Я — Хозяин. Король, если хотите. Вместе с Острогом, Вождем…

Грэм замолчал.

Она с любопытством, изучающе, взглянула ему в его лицо.

— И что же?

— …Который берет на себя ответственность, — с усмешкой закончил он.

— Вот этого мы и начали бояться, — сказала девушка. Умолкла. Потом медленно проговорила: — Нет. Ответственность должны взять на себя вы. Вы должны принять на себя ответственность. Народ смотрит на вас.

Ее голос стал мягче.

— Послушайте! По крайней мере половину времени, что вы спали, огромное множество людей, с каждым поколением все больше и больше, молилось о вашем пробуждении — понимаете, они молились.

Грэм хотел было ответить, но промолчал.

Девушка собиралась с духом, слабый румянец вернулся на ее щеки.

— Знаете, кем вы были для мириадов людей? Королем Артуром, Барбароссой — властителем, который придет в назначенный день и сделает мир справедливым.

— Мне кажется, народное воображение…

— Разве вы не слышали поговорку: «Когда Спящий проснется»? Вы лежали там бесчувственный и неподвижный, а к вам приходили тысячи. Тысячи. Каждый первый день месяца вас торжественно облачали в белые одежды, и люди шли мимо. Маленькой девочкой я видела вас таким, видела ваше лицо, такое бледное и спокойное.

Она отвернулась и уставила глаза в настенную роспись. Проговорила упавшим голосом:

— В детстве я часто смотрела на ваше лицо… Оно казалось неколебимым и ожидающим — долготерпение, как у Бога. Вот что мы думали о вас, вот чем вы были для нас…

Она подняла на него сияющие глаза, и голос ее сделался сильным и чистым.

— В городе, по всей Земле, мириад мириадов мужчин и женщин ждут, что вы будете делать. Они полны надежд.

— Неужели?

— Ни Острог, никто другой не может взять на себя эту ответственность.

Грэм с удивлением смотрел в ее разгоревшееся лицо. Вначале она, казалось, с трудом подбирала слова, но потом заговорила с пылом и страстью.

— Неужели вы думаете, вам суждено было прожить неприметную жизнь в далеком прошлом, впасть в чудесный сон, и восстать из него, и вызвать изумление, почитание и надежды половины мира — все только ради того, чтобы прожить здесь еще одну неприметную жизнь?.. Неужели вы сможете переложить ответственность на кого-то другого?

— Я знаю, как велика моя власть, — запинаясь, сказал Грэм. — Вернее, знаю, какой огромной она кажется. Но реальна ли она? Все это похоже на сон. Это действительность — или только великая иллюзия?

— Она реальна, — сказала девушка, — если вы решитесь.

— В конечном счете, моя власть, как и всякая другая, есть вера во Власть. Мираж в умах людей.

— Если вы решитесь! — повторила девушка.

— Но…

— Бессчетное множество людей, — сказала она. — Пока это в их умах, они будут повиноваться.

— Но я ничего не знаю. Вот что сидит в моем уме. Ничего не знаю. А все эти советники, Острог… Они мудрее, хладнокровнее, знают так много — каждую мелочь. Но в самом деле, о каких несчастных вы говорили? Что я должен узнать? Вы считаете…

Он смутился и умолк.

— Я еще почти ребенок. Но мир кажется мне полным несчастий. Мир изменился с ваших времен, и изменился странным образом. Я только и мечтала, чтобы увидеть вас и рассказать об этом. Мир изменился. Словно язва разъела его… вынула из него жизнь… все достойное… — Она вдруг придвинула к Грэму пылающее лицо. — Ваше время было временем свободы. Да, я много думала. Думать меня заставила жизнь — она не была счастливой. Люди теперь не свободнее, не лучше, не значительнее, чем люди вашего времени. Но это не все. Этот город — тюрьма. И каждый город теперь — тюрьма. Ключи же — у Маммоны. Мириады, бессчетные мириады мучаются от колыбели до могилы. Это справедливо? И так должно быть всегда? Да, сейчас намного хуже, чем в ваши дни.

Вокруг нас, повсюду — горе и боль. Пустые удовольствия той жизни, которая окружает вас, — а рядом существование в безмерной нужде. Да, бедняки понимают это, они сознают, как тяжела их судьба. Неисчислимые толпы две ночи назад шли за вас на смерть!.. Вы обязаны им жизнью.

— Да, — тихо сказал Грэм. — Да. Я обязан им жизнью.

— Вы пришли из времени, когда тирания городов едва начиналась. Да, это настоящая тирания. В ваши дни феодалы-военачальники исчезли, а новая знать — богачи — только вступала в свои права. Половина людей на Земле жила в свободной сельской местности. Города еще не поглотили их. Я читала старые книги — тогда было благородство! Обычные люди вели жизнь, полную любви. Они знали, что такое чувство долга. У них были тысячи занятий. И вы — вы пришли из этого времени.

— Не совсем... Но не в этом дело. Как живут сейчас?..

— Прибыль и Города Наслаждений! Или рабство — неблагодарное, позорное рабство.

— Рабство! — повторил он.

— Рабство.

— Не хотите же вы сказать, что люди стали

чьей-то собственностью?

— Это как раз то, что я хотела рассказать. То, что вы должны увидеть. Я знаю, вам это неизвестно. Они хотят скрыть от вас правду, они скоро повезут вас в Город Наслаждений. Но вы уже заметили мужчин, женщин и детей, одетых в бледно-голубую холстину, с желтыми лицами и тусклыми глазами?

— Я видел их везде.

— Говорящих на ужасном жаргоне, грубом и неграмотном?

— Я это слышал.

— Это и есть рабы — ваши рабы. Они в рабстве у Департамента Труда, принадлежащего вам.

— Департамент Труда! Что-то такое… вроде бы знакомо. А, припоминаю. Я видел это во время своих скитаний по городу, когда снова дали свет: огромные фасады домов, выкрашенные в светло-синий цвет. Вы действительно думаете?..

— Да. Как бы вам объяснить… Конечно, синяя форма бросилась вам в глаза. Почти треть людей носит ее, и с каждым днем их все больше. Департамент Труда незаметно растет.

— Но что это такое — Департамент Труда? — спросил Грэм.

— Как вы помогали голодным в старые вре-

мена?

— Тогда были работные дома, их содержали местные власти.

— Работные дома! Я что-то слышала. Есть в учебниках истории. Да, помню. Департамент Труда вытеснил эти работные дома. Он развился — отчасти — из… Может быть, вы помните — была такая религиозная организация, Армия спасения; она превратилась в деловую компанию. Занималась почти в основном благотворительностью. Спасала людей от невзгод и тягот работного дома. Тогда вокруг работных домов разгорелись страсти. Теперь я вспоминаю, что среди первых приобретений вашего Совета опекунов была Армия спасения. Они купили и преобразовали ее. Главная идея — дать работу голодающим и бездомным.

— Так.

— Теперь работных домов нет, нет приютов и благотворительности — ничего, кроме этого Департамента. Его конторы повсюду. Синий — его цвет. И каждый мужчина, женщина или ребенок, голодный и усталый, лишенный дома, друзей и средств к существованию, должен или идти в Департамент Труда, или умереть. Но легкая смерть недоступна беднякам — эйтаназия

им не по средствам. В Департаменте Труда для всех приходящих в любое время дня и ночи есть еда, кров и синяя форма. Форма — это первое условие приема. В уплату за один день приюта Департамент требует отработать один день, а затем возвращает пришедшему его собственную одежду и отпускает.

— Вот как?

— Наверное, это не кажется вам слишком ужасным? В ваше время люди от голода умирали на улицах. Это было ужасно. Но они умирали, оставаясь людьми. А эти, в синем… Есть поговорка: «Синяя холстина — раз и навсегда». Департамент торгует их рабочей силой и заботится о постоянном ее притоке. Люди приходят, голодные и беспомощные, сутки едят и спят, отрабатывают и снова уходят. Если они работали хорошо, получают пенни или около того — достаточно, чтобы пойти на какое-то зрелище, в дешевый танцевальный зал или кинематограф, или заплатить за обед, или побиться об заклад. Деньги кончаются, и они снова бродят по городу. Нищенствовать не позволяет полиция. К тому же никто не подает. На следующий день или через день они возвращаются в Департамент Труда, гонимые бедностью, как в первый раз. Наконец

их собственное платье изнашивается, это грязное тряпье стыдно носить. Тогда приходится работать месяцами, чтобы купить новое. Если оно еще нужно. Множество детей рождается под опекой Департамента. Роженицы обязаны отработать месяц. Департамент обучает детей, заботится о них до четырнадцати лет, а они платят за это двумя годами службы. Можете быть уверены — эти дети воспитываются для синей холстины. Вот так действует Департамент Труда.

— Значит, в городе вовсе нет свободных бедняков?

— Нет. Они или в синей холстине, или в тюрьме. Мы ликвидировали бедность. Это начертано на чеках Департамента Труда.

— А если кто-нибудь откажется работать?

— Большинство соглашается. К тому же у Департамента большая власть. Могут перевести на тяжелую работу, лишить еды. Отпечаток большого пальца человека, однажды отказавшегося от работы, рассылается в конторы Департамента Труда по всему миру. Да и как бедняку уехать из города? Дорога до Парижа стоит два льва. А за неподчинение можно угодить в тюрьму, жуткую подземную тюрьму. Такое наказание у нас полагается за многие вещи.

— И треть населения носит этот синий холст?

— Больше трети. Эти труженики унижены, лишены удовольствий, надежды, а в ушах у них звенят рассказы о Городах Наслаждений — издевка над их постыдной жизнью, страданиями и тяготами. Они слишком бедны даже для эйтаназии, для ухода из жизни, доступного богатым. Отупевшие, искалеченные, бессчетные миллионы людей по всему миру не имеют ничего — только лишения и неудовлетворенные желания. Они рождаются, гнутся под ярмом и умирают. Вот к чему мы пришли теперь.

Грэм подавленно молчал.

— Но произошла революция, — сказал он. — Все это должно измениться. Острог…

— Мы надеемся. Весь мир надеется. Но Острог этого не сделает. Он политик. По его мнению, все так и должно быть. Он не против. Для него это — нечто, само собой разумеющееся. Как и для всех богачей, для тех, кто пользуется влиянием, для тех, кто преуспел в жизни. Они используют народ в своих интересах, им хорошо живется за счет его унижения. Но вы — ведь вы пришли из более счастливого века, и народ надеется на вас. На вас.

Он смотрел в ее лицо. Глаза девушки блестели

от слез. Грэм почувствовал глубокое волнение. На мгновение он забыл об этом городе, о народе, об этих отдаленных, смутно звучащих голосах — забыл при виде такой близкой, такой одухотворенной красоты.

— Но что я должен делать? — спросил он, глядя ей в глаза.

— Править, — ответила она тихо. — Править миром так, как им никогда раньше не правили, для блага и счастья людей. Потому что вы можете править, должны править. Народ волнуется. Волнуется по всему миру. Ему нужно всего лишь слово — но ваше слово, — чтобы все объединились. Даже средние слои общества волнуются, они недовольны. От вас скрывают, что происходит. Люди не хотят надевать прежнее ярмо, они отказываются разоружаться. Острог разбудил нечто большее, чем намеревался, — разбудил надежды.

У него забилось сердце. Он старался выглядеть рассудительным, принимающим решение.

— Им не хватает только вождя, — сказала она.

— А потом?

— Вы сможете сделать все, что захотите, — весь мир ваш.

Грэм сидел, больше не глядя на девушку. Нако-

нец заговорил:

— Старые мечты, я грезил об этом: свобода, счастье… Мечты, верно? Может ли один человек — один человек… — Голос его оборвался.

— Не один человек, а все люди. Дайте им только вождя, который выразит их чаяния.

Он покачал головой. Некоторое время оба молчали.

Вдруг он поднял голову, их глаза встретились.

— Во мне нет вашей веры, — сказал он. — У меня нет вашей юности. Эта власть тяготит меня. Нет, позвольте мне договорить. Я хочу делать… нет, не добро — у меня не хватит сил для этого, — но хотя бы не творить зла. Мне не создать Царства Божия на земле, но я принял решение и буду править. Ваши слова пробудили меня… Вы правы. Острог должен знать свое место. И я научусь… Одно вам обещаю. Компания рабовладельцев будет уничтожена.

— И вы будете править?

— Да. При условии… Одном условии.

— Каком?

— Вы будете мне помогать.

— Я? Я слишком молода!

— Да. Неужели вы не поняли, что я совершенно одинок?

Она вздрогнула, в глазах мелькнула жалость.

— Надо ли спрашивать, готова ли я помочь?

— Я так беспомощен.

— Отец и Хозяин, — сказала она. — Весь мир принадлежит вам.

Наступило напряженное молчание. Послышался бой часов. Грэм поднялся.

— Как раз сейчас, — сказал он, — Острог ждет меня. — Он помедлил, глядя на девушку. — Я должен расспросить его… Я еще очень многого не знаю. Мне лучше собственными глазами увидеть то, о чем вы рассказали. И когда я вернусь…

— Я буду знать, когда вы уедете и когда вернетесь. И снова буду ждать вас на этом месте.

Они посмотрели друг на друга пристально, испытующе, потом он повернулся и пошел в сторону Управления ветродвигателей.

Глава XIX
Точка зрения острога

Острог уже явился с ежедневным докладом. В предыдущих случаях Грэм старался покончить с этой церемонией как можно скорее, чтобы вернуться к воздушным полетам, но сегодня начал задавать короткие острые вопросы. Ему страстно хотелось принять бразды правления империей. Острог начал с приукрашенных сообщений о развитии событий за границей. В Париже и Берлине, как понял из его слов Грэм, происходили беспорядки, но не организованное сопротивление, а случайные происшествия.

— После стольких лет, — объяснил Острог, поскольку Грэм проявил настойчивость, — Коммуна снова подняла голову. По самой природе этой борьбы, она ведется открыто. Однако порядок в этих городах восстановлен.

Грэм рассудительно — вопреки будоражащим его эмоциям — спросил, были ли бои.

— Небольшие, — ответил Острог, — только в одном квартале. Но сенегальская дивизия Африканской аграрной полиции — у Объединенных

африканских компаний отлично тренированная полиция — была наготове, как и аэропланы. Мы ожидали небольших беспорядков в европейских городах и в Америке. Однако в Америке полная тишина. Они довольны свержением Совета. Пока что.

— Почему вы ожидали беспорядков? — резко спросил Грэм.

— Существует недовольство общественными порядками.

— Департаментом Труда?

— Вы осведомлены, — сказал Острог с оттенком удивления. — Да. Главным образом, недовольство Департаментом Труда. Это и было движущей силой переворота — и еще ваше пробуждение.

— Вот как?

Острог улыбнулся. Заговорил откровенно:

— Нам пришлось подогреть это недовольство, оживить старые идеалы всеобщего счастья: все люди равны, все благополучны, нет роскоши, доступной лишь немногим, — идеи, дремавшие двести лет. Вам это знакомо. Мы должны были оживить эти идеалы, хотя они и недостижимы, чтобы ниспровергнуть Совет. А теперь…

— Что теперь?

— Наша революция завершилась, Совет сверг-

нут, а народ, который мы подняли, продолжает волноваться. Как будто мало было боев. Да, мы кое-что обещали, конечно же. Поразительно, как быстро и неистово возродились эти туманные, дряхлые гуманистические бредни. Мы — те, кто посеял их, — сами поражены. В Париже, как я уже сказал, пришлось прибегнуть к некоторой помощи извне.

— А здесь?

— Здесь беспокойно. Массы не желают возвращаться на работу. Всеобщая забастовка. Половина заводов опустела, народ толпится на городских путях. Они толкуют о Коммуне. Людей, одетых в шелк и атлас, на улицах оскорбляют. Синяя холстина ждет от вас всего на свете… Разумеется, вам не о чем беспокоиться. Мы пустили в дело Болтающие Машины — призываем к законности и порядку. Нужно крепко держать их в узде — только и всего.

Грэм задумался — искал способ показать свою независимость. Но заговорил сдержанно:

— Даже если для этого вызывают черную полицию…

— Они очень полезны. Преданные свирепые создания без дурацких идей в головах — не то что наша чернь. Совету следовало сделать их

уличной полицией, и дело могло бы обернуться по-другому. Разумеется, нам нечего опасаться, кроме бунта и вандализма. Вы умеете управляться с крыльями и сможете махнуть на Капри, если здесь запахнет паленым. У нас все нити в руках. Аэронавты богаты и пользуются привилегиями — самая сплоченная корпорация в мире. Как и инженеры ветродвигателей. Воздух наш, а господство в воздухе — господство над миром. Против нас не выступает ни один влиятельный человек. У них нет вожаков, если не считать главарей тайной организации — мы ее создали перед вашим весьма своевременным пробуждением. Идеалисты и настырные болваны, отчаянно завидующие друг другу. Среди них нет настоящего мужчины, пригодного на главную роль. Возможна одна неприятность — стихийное восстание. Откровенно говоря, такого исключить нельзя. Но это не помешает вашим полетам. Времена, когда народ мог устраивать революции, прошли.

— Предположим, прошли, — сказал Грэм. — Предположим. — Он помолчал. — Ваш мир для меня полон неожиданностей. В старые времена мы мечтали о чудесном демократическом будущем, когда люди будут равны между собой и счастливы.

Острог посмотрел на него пристально и сказал:

— Дни демократии миновали. Миновали безвозвратно. Они начались во времена лучников Греции и закончились, когда марширующая пехота и вообще массы простонародья перестали выигрывать битвы, когда дорогостоящие пушки, огромные броненосцы и стратегические железные дороги стали воплощением мощи. Наше настоящее — это время богатства. Богатство стало силой, как никогда раньше, — оно правит на земле, на море и в воздухе. Вся власть теперь в руках тех, кто управляет богатством. От вашего имени… Вам придется смириться с фактами — а они таковы, как я сказал. Мир для толпы! Толпа — правитель! Уже в ваши дни эта теория была опробована и отброшена. Сегодня в нее верит только стадный глупец — человек толпы.

Грэм не стал отвечать сразу. Он стоял, погрузившись в мрачные мысли.

— Нет, — продолжал Острог, — время простых людей прошло. В чистом поле один человек действительно был равен или почти равен другому. Первоначально аристократия обладала выдающейся силой и отвагой. Ее характер складывался под влиянием обстоятельств. Эти междуусобицы, дуэли, заговоры. Первая настоящая аристократия

появилась вместе с замками и рыцарской броней и не устояла перед арбалетом и мушкетом. Но сейчас есть вторая аристократия. Истинная Эпоха пороха и демократии была всего лишь завихрением в потоке. Обыкновенный человек сейчас — беспомощная песчинка. В наши дни реальность — огромный механизм города, и его организационная структура вне пределов понимания простонародья.

— И все же, — заметил Грэм, — есть нечто такое, что сопротивляется, что вы вынуждены сдерживать, нечто бурлящее и напирающее на вас.

— Но вы убедитесь, — сказал Острог с натянутой улыбкой, как бы отметающей эти трудные вопросы, — что я не поднимал силы, способные уничтожить меня самого, поверьте.

— Странно… — проговорил Грэм.

Острог смотрел на него внимательно.

— Неужели мир должен идти этим путем? — с напором спросил Грэм. — Неужели это неизбежно? И все наши надежды были напрасны?

— Что вы имеете в виду? — спросил Острог. — Какие надежды?

— Я пришел из демократического века. И обнаружил аристократическую тиранию!

— Ну… Однако вы сами — главный тиран.

Грэм покачал головой.

— Хорошо, — сказал Острог, — посмотрим в корень вопроса. Только так происходят изменения. Аристократическое правление, доминирование лучших ведет к страданию и гибели слабых, и таким образом мир меняется к лучшему.

— Аристократия? Эти люди, которых я видел…

— О нет, не эти! — воскликнул Острог. — Эти по большей части обречены. Порок и наслаждение! У них нет детей. Эта порода должна уйти. Тем, кто вступил на их дорогу, возврата нет. Легкий путь к кончине, удобная эйтаназия для всех искателей наслаждения — вот способ улучшения расы!

— Приятное угасание… — проговорил Грэм. — Хотя… — Он на секунду задумался. — Есть еще толпа, гигантская масса бедняков. Они тоже должны исчезнуть? Они не исчезнут. Они страдают, и страдание дает им силу, которую даже вы…

Острог сделал нетерпеливый жест, и, когда он заговорил, голос его звучал совсем не так ровно, как прежде.

— Пусть вас это не волнует. Все будет улажено в ближайшие несколько дней. Толпа — огромное глупое животное. Что из того, если она не вымрет? Ее можно обуздать и повести, куда нужно. Я не испытываю симпатии к покорным людям.

Вы слышали, как они кричали и пели две ночи назад. Их научили этой песне. Спросите любого из них, когда он успокоится, почему он кричал, — он не сможет ответить. Они считают, что кричали в вашу защиту, что они преданы вам. А они просто были готовы растерзать Совет. Тогда. А сегодня уже ропщут, понося тех, кто сверг Совет.

— Нет, нет, — возразил Грэм. — Они кричали потому, что их жизнь была безотрадна, лишена радости и гордости, и они надеялись… надеялись на меня.

— А на что они надеялись? На что надеются? Какое право они имеют надеяться? Они работают кое-как, а хотят получать вознаграждение хорошего работника. Надежда человечества — в чем она? В том, что появится сверхчеловек, что низшие, слабые и скотоподобные подчинятся ему или будут истреблены. Подчинятся, если не будут истреблены. Этот мир не для дряни, не для тупиц и безвольных. Их долг — прекрасный долг — умереть! Неудачники должны умереть! Вот путь для животного, чтобы подняться до человека, а для человека — достигнуть высот.

Острог зашагал по комнате, — казалось, он раздумывает; повернулся к Грэму.

— Могу себе представить, каким видится это

великое мировое государство англичанину Викторианской эпохи. Вы жалеете о старых формах представительного правления. Их призраки до сих пор витают в мире — все эти народные собрания, парламенты и прочая дребедень девятнадцатого века. Вы настроены против наших Городов Наслаждений. Я бы тоже поразмыслил об этом — не будь я так занят. Но вам надо разобраться получше. Народ вне себя от зависти — он бы согласился с вами. Сейчас, сию минуту, на улицах орут: разрушить Города Наслаждений. Но это — органы выделения нашего государства. Они своим притяжением из года в год вбирают в себя все слабое и порочное, похотливое и ленивое, всех жуликов мира — для милосердного уничтожения. Они едут туда, они предаются удовольствиям и умирают бездетными, и все красивые, тупые, похотливые женщины умирают бездетными, и человечество становится лучше. Если бы народ был в своем уме, он не завидовал бы тому, как умирают богатые. И вы хотите освободить тупых безмозглых рабочих, которых мы поработили, и опять сделать их жизнь приятной и легкой. Но они просто погрязли в том, на что только и годны. — Острог улыбнулся, и это вызвало у Грэма раздражение. — Вы разберетесь в

этом. Мне знакомы подобные идеи: мальчишкой я читал вашего Шелли и мечтал о свободе. Но свободы нет, есть мудрость и самообладание. Свобода внутри нас — не вокруг. Это личное дело каждого. Вообразите, хотя это и невозможно, что скулящие болваны в синем возьмут над нами верх, — что будет тогда? Они просто перейдут к другим хозяевам. Пока есть овцы, природа будет создавать хищников. В результате — остановка в развитии на несколько сот лет. Приход аристократов неизбежен и предрешен. В конце пути будет сверхчеловек — несмотря на все безумные протесты гуманистов. Пусть они восстанут, пусть убьют меня и мне подобных. Придут другие — другие хозяева. Конец будет тот же.

— Странно, — упрямо сказал Грэм.

Некоторое время он стоял, потупившись.

— Мне надо видеть все своими глазами, — заявил он, внезапно заговорив хозяйским уверенным тоном. — Только увидев, я смогу понять. Разобраться. Это я и хочу сказать вам, Острог. Я не желаю быть королем в Городе Наслаждений, это не для меня. Я потратил достаточно времени на аэронавтику и подобные вещи. Теперь я хочу узнать, как живет народ, как развивется общественная жизнь. Тогда положение дел станет

понятней. Я хочу узнать жизнь простого народа — жизнь рабочих особенно. Как они трудятся, женятся, растят детей, умирают…

— Вы можете узнать это у наших реалистических романистов, — предложил Острог. Он был встревожен.

— Мне нужна реальность, — сказал Грэм.

— Это нелегко, — ответил Острог и задумался. — Впрочем…

— Я не ожидал…

— Мне казалось… Хотя, возможно… Говорите, вам хочется пройти по городским путям и увидеть простой народ? — Острог вдруг пришел к какому-то решению. — Вам нужно пройти неузнанным. Город отчаянно возбужден, и, если ваше присутствие обнаружится, начнутся ужасные беспорядки. И все же ваше желание отправиться в город… эта мысль… Что ж, она не кажется мне уж совсем… Конечно, можно исхитриться. Если это на самом деле покажется вам интересным! Разумеется, вы — Хозяин. Вы можете отправиться, как только захотите. Асано сумеет переодеть вас… Он пойдет с вами. В конце концов, это неплохая мысль…

— Вы не хотите дать мне какой-то совет? — внезапно спросил Грэм, охваченный странным

подозрением.

— Ну что вы, нет! Думаю, вы можете доверить мне дела — на время, во всяком случае, — с улыбкой ответил Острог. — Если даже мы и расходимся в чем-то…

Грэм пристально взглянул на него.

— Вы не ожидаете никаких стычек в ближайшее время? — решительно спросил он.

— Нет, нет!

— Я подумал о тех неграх-полицейских. Не верю, что народ питает ко мне вражду, и я как-никак Хозяин. Я не хочу, чтобы в Лондон вводили черную полицию. Может быть, это архаические предрассудки, но у меня особые чувства в отношении европейцев и покоренных народов. Даже насчет Парижа…

Острог стоял, глядя на него из-под насупленных бровей.

— Я не вызывал негров в Лондон, — сказал он медленно. — Но если…

— Вам не следует вводить вооруженных негров в Лондон, что бы ни случилось. Таково мое твердое решение.

Острог почтительно поклонился.

Глава XX
На городских путях

В тот же вечер Грэм в одежде младшего служащего Управления ветродвигателей, никем не узнанный, сопровождаемый Асано в холстине Департамента Труда, отправился в город, по которому он недавно путешествовал в темноте. Теперь этот водоворот жизни кипел и был залит ярким светом. Несмотря на приливы и отливы революционных сил, несмотря на усилившееся недовольство и брожение, предвещавшее борьбу, для которой первая схватка была только прелюдией, все вокруг заливала коммерческая жизнь — в тысячах проявлений. Хотя Грэм уже кое-что знал о размахе и разнообразии жизни нового века, он был не готов к удивительным подробностям этого зрелища, к потоку красок и ярких впечатлений, несущемуся мимо.

Это было первое настоящее соприкосновение с народом за последние дни. Грэм понял, что все, происходившее прежде, кроме беглых встреч в театрах и на рынках, содержало элемент изолированности — он не выходил за пределы

сравнительно тесного квартала, где жили влиятельные члены общества. Все ранее им увиденное и познанное мгновенно изменилось вместе с переменой в его собственном положении. Вокруг был город в самые оживленные вечерние часы. Люди возвращались к своим личным повседневным делам, настоящей жизни, будничным заботам.

Сначала Грэм и Асано выбрались на улицу, где встречные пути были забиты людьми в синей холстине. Скопище, которое наблюдал Грэм, было частью процессии; странное зрелище — сидящая процессия движется по городу! Люди держали знамена из грубой красной материи с красными буквами. «Долой разоружение!» — гласили лозунги, по большей части написанные корявыми буквами с несусветной орфографией. «Почему мы должны разоружаться?» «Разоружению — нет!» Лозунги ехали мимо, плыл поток знамен, и в завершение зазвучала мятежная песня под шумный оркестр из странных инструментов.

— Всем им надлежало находиться на работе, — заметил Асано. — Последние два дня они не ели или добывали еду воровством.

Вскоре пришлось свернуть, чтобы миновать густую толпу, глазевшую на траурное шествие, —

из госпиталя в морг перевозили жатву смерти первого восстания.

В эту ночь спали немногие, все были на улице. Огромные, возбужденные, нескончаемые толпы окружали Грэма, все вокруг постоянно менялось. Сознание мутилось и туманилось от беспрерывной сумятицы, от крика и загадочных сцен социального противостояния — словно оно только начиналось. Повсюду висели черные гирлянды, флаги и странные украшения; популярность Спящего старательно поддерживалась. Повсюду слышалась грубая неуклюжая речь, диалект неграмотного класса, на котором повседневно общались люди, не имеющие доступа к фонографической культуре. Повсюду чувствовалась тревога и недовольство по поводу разоружения. Напряженность достигала накала, какого Грэм и представить не мог, будучи изолированным в квартале Управления ветродвигателей. Он понял, что сразу после возвращения должен говорить с Острогом об этом и о других, еще более важных вещах, говорить куда решительнее, чем в прошлый раз. Всю ночь напролет, даже в первые часы странствий по городу, дух протеста и беспокойства сковывал его внимание, отвлекал от бесчисленных странностей, которые бросились

бы в глаза в ином случае.

Озабоченность делала впечатления отрывочными. Но в такой необычной и красочной обстановке никакая, даже самая сильная и сосредоточенная личность не смогла бы сохранить восприятие цельным. Были моменты, когда мысли о революции полностью уходили в сторону, раздвигаясь, словно занавес, перед каким-нибудь удивительным явлением. Элен приковала его внимание к серьезнейшим проблемам, но иногда он забывал и о них. Так было, например, когда Грэм обнаружил, что они пересекают религиозный квартал, — совершенство городского сообщения позволило сосредоточить церкви, часовни и молельные дома в одном месте. Внимание Грэма привлекло здание одной из христианских сект.

Они сидели на скоростной верхней платформе, когда этот фасад возник на повороте и стал стремительно приближаться. Он был покрыт яркими белыми и голубыми надписями сверху донизу — кроме широкого кинематографического экрана, показывающего реалистические сцены из Нового Завета, и мест, где буквы перекрывались черными гирляндами: в стремлении к популярности религия не отставала от политики. Грэм уже успел освоиться с фонетическим письмом и про-

чел надписи на фасаде — по его разумению, почти кощунственные. Наименее оскорбительными были такие: «Спасение на втором этаже, первый поворот направо», «Вручите ваши деньги вашему Творцу», «Самое быстрое в Лондоне обращение в веру, искусные операторы! Раз-два — и готово!», «Что Христос сказал бы Спящему? Читайте самых современных святых!», «Быть христианином — не помеха делу», «Сегодня на кафедре самые блестящие епископы, цены обычные», «Экспресс-благословение для занятых деловых людей».

— Но это чудовищно! — воскликнул Грэм, когда кричащая реклама коммерческого благочестия нависла над ними.

— Что ужасно? — спросил маленький японец, безуспешно выискивая что-нибудь необычное в кричащих надписях.

— Как что? Вот это! Ведь суть религии в благоговении.

— Ах вот вы о чем. — Асано взглянул на Грэма. — Это вас неприятно удивляет? — сказал он тоном человека, сделавшего открытие. — Да, наверное, так и должно быть. Я совсем забыл. Сейчас борьба за внимание публики столь остра, а у людей нет времени заботиться о своих душах, как раньше. — Он усмехнулся. — В старину у вас

были тихие субботы, загородные поездки. Хотя я где-то читал о воскресных вечерах, когда…

— Но эти надписи! — сказал Грэм, глядя на удаляющиеся белые и голубые буквы. — Они, видно, не единственные…

— Существуют сотни разных способов. Но разумеется, если секта не заявляет о себе, она ничего и не получает. Богослужение меняется со временем. Есть секты высокого класса с более спокойным подходом — дорогой фимиам, личное внимание и тому подобные вещи. Эти люди процветают, они исключительно популярны. Они платят за свои помещения по нескольку дюжин львов Совету — то есть я хотел сказать, вам.

Грэм все еще ощущал трудности с денежным счетом и упоминание о дюжинах львов вдруг повернуло его мысли. Увешанные рекламой храмы с их зазывалами были забыты. Асано подтвердил предположение Грэма, что золото и серебро выведены из обращения, а золотые монеты, царствующие со времен финикийских купцов, наконец развенчаны. Перемены проходили шагами, но очень быстро, путем расширения системы чеков, которая еще в ранние свои времена вытеснила золото из крупных деловых расчетов. Обычные деньги внутри города — фактически

это была всемирная валюта — приняли вид маленьких коричневых, зеленых и розовых чеков Совета, на небольшие суммы, без указания предъявителя. У Асано было с собой несколько таких чеков и при первой возможности он пополнил комплект. Чеки были напечатаны не на недолговечной бумаге, а на ткани из полупрозрачного искусственного волокна с шелком. На каждом имелось факсимиле Грэма — это была его первая встреча с петлями и росчерками собственного автографа за двести три года.

Последующие впечатления оказались недостаточно яркими, чтобы оттеснить мысли о разоружении толпы. Остался позади грязный фасад храма теософов, обещавшего ЧУДЕСА огромными колеблющимися огненными буквами, — унылое зрелище; но затем появилась столовая на Нортумберленд-авеню. Она заинтересовала Грэма очень сильно.

Благодаря энергии и ловкости Асано они смогли взглянуть на заведение с небольшой закрытой галереи для обслуживающего персонала. Здание наполняли нескладные отдаленные вопли, свист и вскрики; поначалу Грэм не понял их смысла, но они были похожи на таинственный голос, который он слышал в ночь одиноких скитаний,

когда зажегся свет.

Он начал привыкать к огромности помещений и скопищам людей, но это зрелище захватило его надолго. Грэм смотрел, как внизу обслуживают едоков, задавал вопросы, получал детальные ответы и, наконец, по-настоящему понял, что значит накормить одновременно несколько тысяч человек.

Его постоянно удивляло, что вещи, которые должны были сразу бросаться в глаза, не открывались ему в полном объеме, пока некоторые малозначащие детали не складывались внезапно, как в головоломке, и не указывали на очевидные факты, которые он упустил из виду. Только сейчас до него дошло, что это непрерывное городское пространство, укрытое от непогоды, эти обширные залы и улицы привели к исчезновению домашнего хозяйства; что типичный викторианский «дом», маленькая кирпичная коробка, вмещающая в себя кухню, чулан, жилые комнаты и спальни, исчез, как некогда исчезла плетеная хижина, и сохранился только в виде руин, рассыпанных по сельской местности. И теперь Грэм на деле понял то, что бросалось в глаза с самого начала: Лондон, рассматриваемый как место для жилья, это не скопление домов,

а грандиозный отель, гостиница с тысячами разновидностей номеров, обеденных залов, театров, часовен, рынков и общественных залов — объединенное предприятие, в большей своей части принадлежащее ему. У людей все еще есть свои спальни, может быть с прихожей, и необходимые санитарные удобства — с минимальной степенью комфорта и изолированности, но в остальном их обитатели живут так, как жили постояльцы новейших гигантских отелей в Викторианскую эпоху: едят, читают, играют, беседуют в общественных местах, а работать отправляются в промышленные кварталы или в конторы в деловых районах.

Он тут же понял, что викторианский город неизбежно должен был измениться таким образом. Современный город возник благодаря выгодам кооперации. Во времена его поколения слиянию домашних хозяйств мешали недостаточная цивилизованность людей, упрямая варварская гордость, страсти, предрассудки, соперничество и ожесточенность среднего и низшего классов. Поэтому хозяева домов отгораживались друг от друга. Однако перемены, ведущие к смягчению нравов, быстро развивались уже тогда. За недолгие тридцать лет его прежней жизни широко

распространился обычай есть вне дома. Слабо посещаемые, похожие на стойла, кофейни уступили место просторным, всегда заполненным кондитерским компании «Аэрейтед брэд»[7], возникли женские клубы, все больше становилось читален, библиотек, залов для отдыха. Все это свидетельствовало о возросшем взаимном доверии в обществе. Теперь эти тенденции близились к своему завершению. Закрытое и огороженное домашнее хозяйство ушло в прошлое.

Грэм понял, что люди в столовой принадлежали к нижнему слою среднего класса — чуть выше класса синих рабочих. В викторианское время эта группа людей так привыкла есть в полном уединении, что ее представители, попав на общую трапезу, обычно прятали растерянность за грубыми шутками или подчеркнуто воинственным поведением. А эти ярко и легко одетые люди, хотя спешили и были необщительны, обладали отличными манерами и, без сомнения, относились друг к другу с уважением.

Он заметил мелкую, но характерную подробность: куда ни взглянешь, столы были совер-

---

[7] Примечания: 7

«Аэрейтед брэд компани» — компания по производству и сбыту хлеба и кондитерских изделий, владеющая булочными, кондитерскими магазинами, ресторанами и кафе. Основана в 1862 г.

шенно чистые — ничего похожего на хаос с разбросанными кусками хлеба, брызгами соуса и пятнами от жаркого, пролитыми напитками и сдвинутыми вазами, обычный для бурного течения викторианского обеда. Сервировка изменилась очень сильно. Не было ни цветов, ни других украшений, а крышка стола, лишенного скатерти, была изготовлена из твердого вещества, поверхность которого напоминала камчатное полотно. Узоры на столешнице складывались в изящно написанные рекламные объявления.

В углублении напротив каждого обедающего стоял сложный аппарат из металла и фарфора. В нем помещалась единственная белая фарфоровая тарелка; при перемене блюд посетитель мыл ее сам, пользуясь кранами с горячей и холодной быстро испаряющейся жидкостью; когда надо, он мыл и изысканной формы нож из белого металла, вилку и ложку.

Бульон и химическое вино, которое было здесь обычным напитком, подавались по трубам, а остальные кушанья, аппетитно разложенные на блюдах, автоматически перемещались вдоль столов по серебристым рельсам. Обедающий останавливал блюда и брал себе еду по выбору. Блюда появлялись через дверцу у одного конца

стола и исчезали у противоположного. Тут, как отметил Грэм, ярко проявились настроения периода упадка демократии, уродливая гордость лакейских душ, не допускавшая, чтобы равные прислуживали равным. Занятый этими наблюдениями, Грэм лишь на выходе заметил гигантские рекламные диорамы, величественно перемещающиеся по верхней части стен, предлагая самые замечательные товары.

Выйдя из этого помещения, они попали в зал, полный народа, и тут обнаружилась причина шума, который озадачил Грэма. Они остановились у турникета и заплатили за вход.

Сверху немедля обрушился яростный громкий вой, за ним раздался мощный и резкий голос: «У Хозяина отличный сон, он совершенно здоров. Свою жизнь он решил посвятить аэронавтике. Он считает, что наши женщины прекрасны. Алло! Ур-ра! Наша чудесная цивилизация поражает его сверх всякой меры. Сверх всякой. Алло! Он чрезвычайно доверяет вождю Острогу! Абсолютное доверие вождю Острогу! Острог будет его главным министром. Он уполномочен смещать и назначать общественных служащих. Вся раздача должностей будет в его руках. Вся раздача должностей в руках вождя Острога! Члены Совета

будут заключены в их собственную тюрьму над домом Совета...»

При первой же фразе Грэм остановился и, посмотрев вверх, увидел дурацкий зев огромной трубы, из которой неслись вопли. Это была Главная Машина Известий. Некоторое время она словно переводила дух, ее цилиндрическое тело сотрясала равномерная дрожь. Затем протрубила «Алло, алло!» и начала снова: «Париж уже усмирен. Все сопротивление сломлено. Алло! Черная полиция заняла важнейшие пункты города. Черные храбро сражаются, распевая песни, написанные в честь их предков поэтом Киплингом. Пару раз они выходили из повиновения и пытали раненых и пленных мятежников, мужчин и женщин. Мораль — не бунтуй. Ха-ха! Алло, алло! Они веселые ребята. Веселые, храбрые ребята. Пусть это будет уроком непослушным бандарлогам этого города. Да! Бандарлоги! Отбросы общества! Алло, алло!»

Голос умолк. В толпе послышался нестройный ропот недовольства: «Проклятые черные!» Рядом с ними начал разглагольствовать какой-то человек:

— И это делает Хозяин, братья? Это делает Хозяин?

— Черная полиция? — воскликнул Грэм. — Что это? Не хотите же вы сказать…

Асано с предостерегающим взглядом тронул его за рукав, но в этот момент взвизгнула и пронзительно закричала другая машина: «Я-ха-ха! Я-ха-ха! Яп! Тявкает живая газета! Живая газета. Я-ха-ха! Кошмарные зверства в Париже. Я-ха-ха! Парижане так взъярились на черную полицию, что готовы убивать. Ужасное возмездие. Времена дикости возвращаются. Кровь! Кровь! Я-ха!..» Поблизости завопила еще одна Болтающая Машина, заглушая конец последней фразы: «Алло, алло!» После чего довольно ровным тоном сообщила о новых жутких подробностях подавления бунта. «Закон и порядок должны быть восстановлены!» — заключила она.

— Но… — начал было Грэм.

— Не задавайте здесь вопросов, — предупредил Асано. — Вас втянут в спор.

— Тогда пошли. Я хочу побольше узнать об этом.

Проталкиваясь к выходу через возбужденную толпу, сгрудившуюся под рупорами, Грэм успел рассмотреть пропорции и особенности этого зала. Повсюду — огромные и маленькие, пищащие, гудящие, бубнящие и орущие — торчали эти штуки,

едва ли не тысяча, а вокруг толпились взволнованные слушатели, большей частью мужчины в синем. Машины были всех размеров, от небольших аппаратов-сплетников, саркастическим тоном верещавших по углам, до пятидесятифутового гиганта, который своим ревом встретил Грэма при входе.

Зал был набит без меры из-за всеобщего интереса к последним событиям в Париже. По-видимому, борьба была намного более жестокой, чем это хотел представить Острог. Все машины рассказывали об этих событиях, а люди, повторяя их сообщения, начинали гудеть, как пчелиный рой, повторяя фразы «Линчевали полицейского», «Женщины сожжены заживо», «Негритосы свирепствуют».

— И Хозяин допускает такое? — воскликнул человек рядом с ним. — Вот как начинает он свое правление!

«Вот как начинает он свое правление?» Еще долго после того, как они покинули зал, гул, свист, рев и лай машин преследовали их: «Алло! Алло! Я-ха-ха, яха, яп!»

Вот как начинает он свое правление!

Едва выйдя на улицу, он начал расспрашивать Асано о причинах восстания парижан.

— Взять хотя бы разоружение! Почему оно их так беспокоит? Что это значит?

Асано, казалось, в первую очередь стремился убедить его, что все обстоит вполне благополучно.

— Но эти ужасы!

— Нельзя приготовить яичницы, не разбив яиц, — отвечал Асано. — Это всего лишь хулиганы. Только в одной части города. В остальных все спокойно. Парижские рабочие — самые отчаянные в мире, если не считать наших.

— Что? Лондонских?

— Нет, японских. Их надо держать в строгости.

— Но жечь заживо женщин…

— Коммуна! — сказал Асано. — Они хотят отнять вашу собственность. Они хотят совсем отменить собственность и отдать мир во власть толпы. Но Хозяин — вы, и мир принадлежит вам. Думаю, здесь не будет Коммуны. Здесь не понадобится черная полиция. А там все было сделано разумно. Это их собственные негры — франкоговорящие. Полки из Сенегала, Нигера и Тимбукту.

— Полки? — удивился Грэм. — Я думал, там только один полк…

— Нет, — сказал Асано, поглядев на него. — Больше одного.

Грэм ощутил неприятную беспомощность.

— Я не думал, — сказал он и вдруг умолк.

Переменил тему разговора и стал спрашивать о Болтающих Машинах. Люди, собравшиеся в зале, были по большей части в потертой или даже рваной одежде, и из объяснений Асано Грэм понял, что в комфортабельных частных апартаментах процветающих слоев общества установлены свои Болтающие Машины, которые начинают говорить, стоит потянуть за рычажок. Обитатель апартаментов может соединиться по проводам с любым из крупных синдикатов новостей на выбор. Обдумав это, Грэм спросил, почему они отсутствуют в его личных покоях. Асано как будто удивился.

— Я об этом не задумывался, — сказал он. — Должно быть, Острог приказал их убрать.

Грэм пристально посмотрел на него и резко спросил:

— Зачем?

— Вероятно, подумал, что они будут вам докучать.

— Как только вернемся, они должны быть поставлены на место, — помолчав, сказал Грэм.

Было трудно себе представить, что этот зал новостей и столовая — не центральные заведения,

что их бессчетные подобия разбросаны по всему городу. Но во время ночной экспедиции он то тут, то там улавливал в грохоте платформ специфический гул Главной Машины Известий вождя Острога: «Алло! Алло!» — или визг ее главного соперника: «Я-ха-ха, я-ха, яп! Слушайте живую газету!»

Так же повсюду можно было встретить детские ясли, наподобие тех, в которые они зашли. Они добрались туда на лифте, а затем по стеклянному мостику, который пересекал столовую и наклонно уходил вверх через движущиеся пути. При входе в первую секцию потребовался документ с разрешающей подписью самого Грэма, который предъявил Асано. К ним немедленно приставили человека в лиловом одеянии с золотой застежкой — знаком практикующего врача. По поведению врача Грэм догадался, что инкогнито его раскрыто, и, уже не осторожничая, начал задавать вопросы об особенностях этого учреждения.

По обеим сторонам прохода, тихого, с мягким полом, заглушавшим шаги, располагались небольшие узкие двери, размером и устройством напоминавшие двери камер викторианской тюрьмы. Но верхняя часть дверей была из того же зеленоватого прозрачного материала, что

окружал Грэма в момент пробуждения; внутри каждой комнатки в гнездышке из ваты лежал грудной ребенок. Сложный прибор следил за атмосферой и подавал звонком сигнал на центральный пост при малейшем отклонении от оптимальной температуры и влажности. Система таких ясель почти полностью вытеснила стародавнее выкармливание — рискованное и даже опасное. Врач обратил внимание Грэма на искусственных кормилиц; это был ряд механических фигур с изумительно реалистично смоделированными руками, плечами, грудью, суставами, фактурой кожи, но с металлическими треножниками вместо ног и с плоскими дисками на месте лиц; на дисках были рекламные объявления, интересные для матерей.

Из всех странностей этой ночи ничто так не покоробило Грэма, как это заведение. Вид маленьких розовых созданий, неуверенно шевелящих слабыми ручонками, одиноких, без материнских объятий, без ласки, был ему невыносим. Дежурный доктор придерживался иного мнения. Статистика с очевидностью показала, что в викторианские времена самым опасным отрезком жизни был период выкармливания — смертность в этот период была ужасающей. А теперь

Международный ясельный синдикат терял не более половины процента из доброго миллиона младенцев, растущих под его присмотром. Но предубежденность Грэма не смогли преодолеть даже такие цифры.

В одном из ясельных коридоров они натолкнулись на молодую пару в обычной синей одежде. Супруги рассматривали своего первенца сквозь прозрачную дверь и истерически хохотали, глядя на его лысую голову. По лицу Грэма они, видимо, поняли, что он о них подумал, смутились и перестали веселиться. Однако этот пустячный случай укрепил его в новом ощущении: широкая пропасть отделяет его образ мыслей от обычаев нового времени. Растерянный и подавленный, он проследовал в помещения для ползунков и в детский сад. Бесконечно длинный ряд комнат для игр оказался пуст — дети нового времени, как и в старину, ночью спали. По пути маленький доктор обратил внимание Грэма на игрушки — в их создании были использованы идеи вдохновенного сентименталиста Фребеля. Здесь уже были няни, но многое поручалось машинам, которые пели, танцевали и укачивали малышей.

Грэму, однако, многое оставалось непонятным.

— Как много здесь сирот, — сказал он тоном

сожаления, возвращаясь к первому своему ошибочному впечатлению, и снова услышал, что сирот здесь нет.

Едва выйдя из яслей, он принялся толковать об ужасе, который вызвали у него младенцы в ящичках-инкубаторах.

— Неужели материнское чувство исчезло? — говорил он. — Оказалось ханжеским? Но оно, несомненно, было инстинктивным. Все тут кажется противоестественным — почти отвратительным.

— Отсюда мы отправимся во дворец танцев, — сказал Асано вместо ответа. — Там наверняка полно народа — несмотря на все политические волнения. Женщины не слишком интересуются политикой, таких раз-два и обчелся. Во дворце увидите матерей, большинство молодых женщин в Лондоне — матери. В этом слое общества считается похвальным иметь одного ребенка — как доказательство жизнеспособности. Немногие из среднего класса имеют более одного. Другое дело — в Департаменте Труда. Что же до материнского чувства… Они по-прежнему безмерно гордятся своими детьми. Очень часто приходят сюда, чтобы ими полюбоваться.

— Так вы хотите сказать, что население зем-

ного шара…

— Уменьшается? Да. За исключением людей Департамента Труда. Они так беспечны…

Весь воздух вокруг заплясал — раздалась музыка, и за широким проходом, к которому они приближались, за великолепными, ярко освещенными колоннами, как будто сделанными из чистого аметиста, открылось скопище веселящихся людей — радостные крики, смех. Грэм видел завитые волосы, подкрашенные брови; трепет счастливого возбуждения прокатывался по толпе.

— Вы убедитесь сами, — сказал Асано со слабой улыбкой. — Мир изменился. Перед вами матери нового века. Идите за мной. Через минуту вы снова их увидите.

Они поднялись на скоростном лифте, сменили его на медленный. По мере подъема музыка разрасталась и наконец зазвучала мощно и великолепно. В ее торжествующем приливе стал различим топот бесчисленных танцующих ног. Асано заплатил за вход у турникета, и они вышли на широкую галерею с видом на весь танцевальный зал с его феерией звуков и красок.

— Здесь, — сказал Асано, — развлекаются отцы и матери малышей, которых вы видели.

Дворец был не так богато украшен, как зал Атланта, но из-за размеров казался самым великолепным из всего, что видел Грэм. Прекрасные белые кариатиды, поддерживавшие галереи, еще раз напомнили ему о возрожденном величии скульптуры. Казалось, они принимают чарующие позы, их лица смеялись. Источник музыки, наполнявшей зал, был скрыт от глаз; все обширное пространство сияющего пола заполняли танцующие пары.

— Посмотрите на них, — сказал маленький японец. — Много ли в них сейчас материнского чувства?

Галерея проходила над краем огромной перегородки, отделявшей танцевальный зал от фойе с широкими арками, через которые были видны беспрерывно движущиеся городские пути. В фойе роилась толпа людей, одетых не так блестяще, как танцующие, но по числу им почти не уступавших. В основном они носили синюю форму Департамента Труда, столь хорошо знакомую Грэму. Слишком бедные, чтобы пройти через турникет, на празднество, они не могли оторваться от соблазнительной музыки. Некоторые даже расчистили себе место и отплясывали в кругу, размахивая своими лохмотьями. Танцуя, они что-

то выкрикивали, но их жестов и намеков Грэм не мог понять. Кто-то начал насвистывать мотив революционной песни, но, по-видимому, эта попытка была немедля пресечена. Это происходило в темном углу, и Грэм ничего не смог рассмотреть. Он снова повернулся к залу. Над кариатидами стояли мраморные бюсты тех, кого новый век признал своими нравственными учителями и провозвестниками; их имена по большей части были незнакомы Грэму, но он узнал Гранта Аллена[8], Ле-Галльена[9], Ницше, Шелли и Годвина[10]. Широкие черные гирлянды и восторженные лозунги красноречиво оттеняли огромную надпись под потолком зала: «Праздник Пробуждения». Праздник, как видно, был в разгаре.

— Мириады людей для этого взяли отпуск или не явились на работу, не говоря уж о бастующих рабочих. Эта публика всегда готова праздновать, — заметил Асано.

Грэм подошел к парапету, нагнулся и стал разглядывать танцующих. На галерее стояли только

---

[8] Примечания: 8
Аллен Чарлз Грант (1848–1899) — английский биолог и писатель.

[9] Примечания: 9
Ле-Галльен Ричард (1866–1947) — английский писатель.

[10] Примечания: 10
Годвин Уильям (1756–1836) — английский философ и писатель.

он и его спутник, да по углам шептались две-три парочки. Зал дышал жаром энергичного движения и запахом духов. И женщины, и мужчины были одеты легко — руки голые, шеи открыты; тепло, царившее в городе, это позволяло. На головах мужчин — масса кудрей, наподобие женских, подбородки всегда чисто выбриты, а лица, как правило, нарумянены. Многие женщины красивы, и все одеты с утонченным кокетством. Пары кружились с самозабвенными лицами, полузакрыв от удовольствия глаза.

— Что это за люди? — спросил Грэм.

— Наемные работники — зажиточные работники. То, что вы называли средним классом. Независимые торговцы и ремесленники с их мелкими лавками и предприятиями давно исчезли, а здесь — торговые служащие, управляющие, инженеры сотен разновидностей. Сегодня праздник, и в городе все танцевальные залы и молельни набиты битком.

— А женщины?

— То же самое. Сейчас есть тысячи занятий, подходящих для женщин. В ваше время они только появлялись — независимые работающие женщины. Сейчас большинство женщин независимы. Почти все они состоят в браке — есть

много разновидностей брачных контрактов, — и это дает им дополнительные средства и позволяет развлекаться.

— Понимаю, — сказал Грэм. Он глядел на разгоряченные лица, на блестящий вихрь танца и все думал об этом кошмаре, о беспомощных розовых ручонках. — И они — матери…

— Большинство из них.

— Чем больше смотрю, тем сложнее кажутся ваши проблемы. Эта, например, — неожиданность для меня. И сообщения из Парижа неожиданность.

Помолчав немного, он продолжал:

— Все они — матери… Наверно, я скоро смогу смотреть на вещи вашими глазами. Мой разум скован старыми воззрениями — полагаю, они исходят из потребностей, которые давно ушли. Разумеется, в наш век женщине полагалось не только вынашивать детей, но и лелеять их, посвящать им себя, воспитывать. Всем нравственным и умственным развитием ребенок был обязан матери. Или лишался всего этого. Должен признать, без воспитания оказывались многие. Теперь — это ясно — нужды в такой заботе не больше чем у бабочек. Да, я понимаю! Но у нас был идеал, образ серьезной, терпеливой женщи-

ны, скромной, молчаливой хозяйки дома, матери, воспитательницы настоящих мужчин — любовь к ней была сродни поклонению… — Он помолчал и повторил: — Да, поклонению.

— Идеалы меняются, — проговорил маленький японец, — когда меняются потребности.

Грэм очнулся от мгновенной задумчивости, и Асано повторил свои слова. Ум Грэма вернулся к сегодняшним делам.

— Без сомнения, это вполне разумно. Выдержка, воздержание, здравомыслие, самоотверженность были нужны в эпоху варварства, эпоху опасностей. Непреклонность — дань, приносимая непокоренной природе. Но теперь человек подчинил себе природу ради удовлетворения всех практических целей, политикой занимаются вожди с их черной полицией, а жизнь отдана удовольствиям.

Он снова взглянул на танцующих.

— Да, удовольствиям.

— Им тоже бывает невесело, — задумчиво проговорил Асано.

— Они выглядят юнцами. Там, среди них, я был бы самым старым. А в моем времени я считался человеком средних лет.

— Они молоды. В городах среди людей этого

класса мало стариков.

— Как так?

— Старым людям живется далеко не так приятно, как они привыкают жить смолоду, если они не настолько богаты, чтобы нанимать любовниц и прислугу. И у нас есть институт эйтаназии.

— Ах, эта эйтаназия! Легкая смерть?

— Легкая смерть. Это последнее удовольствие. Компания эйтаназии делает это хорошо. Человек вносит определенную сумму — немалую, — вносит задолго вперед, отправляется в какой-нибудь из Городов Наслаждений и возвращается другим — усталым, очень усталым.

— Мне еще многое нужно понять, — помолчав, сказал Грэм. — Хотя я и вижу во всем этом логику. Наша броня суровой добродетели и мрачной сдержанности была следствием опасности, незащищенности. Но уже в мои дни стоик и пуританин были исчезающими типажами. В старину человек был вооружен против боли, теперь он жаждет удовольствия. В этом вся разница. Цивилизация отодвинула боль и опасность очень далеко — по крайней мере, для обеспеченных людей. И только обеспеченные люди берутся теперь в расчет. Я ведь проспал две сотни лет.

Еще с минуту, опершись на балюстраду, они

следили за сложными фигурами танца. Зрелище и в самом деле было очень красиво.

— Клянусь Богом! — воскликнул вдруг Грэм. — Я предпочел бы оказаться раненым часовым, замерзающим в снегу, чем одним из этих накрашенных болванов!

— В снегу, — возразил Асано, — начинаешь думать по-другому.

— Я недостаточно цивилизован, — продолжал Грэм, не обращая внимания на его слова. — Вот в чем беда. Первобытный дикарь, человек палеолита. А у этих людей источник ярости, страха, гнева закрыт и опечатан. Образ жизни сделал их приветливыми, легкими и приятными в общении. Вам приходится мириться с моим возмущением и недовольством — я из девятнадцатого века. Эти люди, вы говорите, искусные работники? Но пока они танцуют, другие люди в Париже сражаются и умирают — чтобы эти могли веселиться.

Асано чуть заметно улыбнулся.

— В Лондоне тоже за это умирают.

Они помолчали.

— Где спят эти люди?

— Наверху и внизу — здесь настоящий муравейник.

— А где работают? Ведь здесь проходит их до-

машняя жизнь?

— Сегодня ночью вряд ли кто будет работать. Половина здешних — отпускники. Но мы можем пойти туда, где работают, если хотите.

Грэм еще некоторое время наблюдал за танцующими, потом резко отвернулся.

— Хочу поглядеть на рабочих. На этих насмотрелся досыта.

Асано показывал дорогу — по галерее над залом. Вскоре они дошли до поперечного коридора, из которого тянуло свежим, прохладным воздухом. Миновав его, Асано остановился и с улыбкой обернулся к Грэму.

— Здесь, сир, нечто… это вы хотя бы узнаете… Впрочем, я не стану рассказывать. Идемте!

Он двинулся по крытому переходу; стало холодно. По отзвуку шагов было слышно, что они на мосту. Они вышли на круговую галерею, застекленную с внешней стороны, и тут же оказались в круглом помещении; оно вроде было знакомо Грэму, хотя он не мог точно припомнить, когда заходил сюда прежде. Здесь была лестница с перекладинами — первая, увиденная им после пробуждения, — по которой они поднялись в высокий темный, холодный зал, где была еще одна, почти вертикальная лестница. Пока они

карабкались по перекладинам, Грэм еще ничего не понимал.

Но на самом верху он понял — и узнал металлическую решетку, за которую ухватился. Он стоял в клетке под шаром на куполе собора Святого Павла. Купол все-таки немного выступал над общей кровлей города; он возвышался в сумеречной тишине, маслянисто сияя при свете далеких огней, и плавными обводами уходил вниз, в кольцевой ров темноты.

Грэм смотрел между перекладинами решетки и видел на расчищенном ветром северном небосклоне созвездия — ничуть не изменившиеся. Капелла висела на западе, Вега поднималась, и семь точек Большой Медведицы поблескивали над головой, творя свое вечное неторопливое кружение вокруг полюса.

Эти звезды были видны на чистом куске неба. К югу и востоку огромные круглые силуэты ветряных колес безжалостно закрывали небеса, так что даже сияние вокруг дворца Совета было скрыто от глаза. На юго-западе, как бледный призрак, висел Орион, проглядывая сквозь переплетения балок и тросов над слепящей россыпью огней. Вой сирен, доносившийся с летных площадок, возвещал миру, что один из аэропланов готов к

старту. Грэм какое-то время неотрывно смотрел на яркие огни площадки. Потом снова повернулся к северным созвездиям.

Он долго молчал.

— Вот это, — сказал он наконец, улыбаясь в темноте, — самое странное для меня ощущение. Стоять на куполе Святого Павла и снова видеть эти знакомые молчаливые звезды!

По запутанным переходам Асано провел его в игорные и деловые кварталы, где велась крупная биржевая игра, где люди делали и теряли огромные состояния. Грэм увидел бесконечный ряд очень высоких залов, окруженных многими ярусами галерей, на которые выходили тысячи контор. Пространство между галереями пересекали мосты, пешеходные дорожки, воздушные рельсовые пути, трапеции и тросовые спуски. Здесь больше чем где бы то ни было ощущалось напряженное, лихорадочное оживление, спешка, неудержимая деловая суета. В глаза лезла неистовая реклама, так что голова кружилась от хоровода красок и огней. Болтающие Машины особо гнусного толка торчали повсюду, они наполняли воздух пронзительными воплями на идиотском жаргоне: «Разуй глаза и усекай!», «Налетай, греби лопатой!», «Эй, губошлепы, подходи

и слушай!»

Здесь, похоже, собрались люди в крайней степени возбуждения, проворачивающие какие-то темные махинации, но Асано объяснил, что сейчас тут относительное затишье и что политические потрясения последних дней уменьшили число сделок до беспрецедентно низкого уровня. В одном огромном зале стояли длиннейшие ряды столов для игры в рулетку, их окружала молчаливая, полная напряженного внимания толпа; в другом зале творилось столпотворение: бледные женщины и горластые мужчины с багровыми затылками продавали и покупали акции какого-то несомненно дутого предприятия, которое каждые пять минут выплачивало десятипроцентные дивиденды и погашало определенную часть своих акций с помощью лотерейного колеса.

Эта деятельность шла с такой энергией, что потасовка казалась неизбежной. Углубившись в тесную толпу, Грэм обнаружил в самой ее середине двух почтенных коммерсантов; они бешено спорили, едва не дрались из-за какого-то тонкого вопроса делового этикета. Все-таки в жизни оставалось нечто, за что стоило сражаться. Затем его ввергла в шок неистовая

реклама — фонетическим письмом, буквами из алого пламени, каждая в два человеческих роста: «МЫ ГАРАНТИРУИМ СОПСТВИНИКА. МЫ ГАРАНТИРУИМ СОПСТВИНИКА.

— Кто этот собственник? — спросил Грэм.

— Вы.

— Так что же они гарантируют?

— У вас не было гарантирования?

— Страхования? — подумав, спросил Грэм.

— Да, страхования. Я помню, было такое старое слово. Они страхуют вашу жизнь. Дюжанды людей покупают полисы, на вас ставятся мириады львов. Еще в большом ходу покупка аннуитетов[11] — играют на всех знаменитостях. Смотрите туда!

Толпа всколыхнулась, зашумела. Грэм увидел, что обширный черный экран внезапно озарился кипящим пурпуром огромных букв: «Гадавая выплата на Сопствиника — х 5 гарант, ц.». Люди разразились ревом и криками, несколько мужчин, хрипло дыша, промчались мимо с безумными глазами. Они хватали воздух скрюченными пальцами. У двери началась бешеная свалка.

Асано проделал короткий расчет.

---

[11] Примечания: 11

Аннуитет — срочный займ с ежегодным погашением долга и уплатой процентов, а также ежегодный платеж по такому займу.

— Пятикратная гарантированная цена — это семнадцать процентов годовых. Таков аннуитет для тех, кто поставил на вас. Никто не заплатил бы такой большой процент, если бы вас увидели здесь, сир. Но они этого не знают. Ваш аннуитет был самым надежным помещением денег, но теперь это азартная игра чистой воды. Ставка, похоже, безнадежная. Сомневаюсь, что люди получат свои деньги.

Толпа предполагаемых рантье так сжала их, что им какое-то время не удавалось двинуться ни назад, ни вперед. Грэму показалось, что среди игроков много женщин — лишнее напоминание об их экономической независимости. Женщины весьма уверенно чувствовали себя в толпе, особенно сноровисто работая локтями, в чем он убедился на собственных боках. Одна кудрявая особа застряла в давке и несколько раз пристально посмотрела на него, словно узнав, а затем целенаправленно пробилась к нему, дотронулась до руки — отнюдь не случайно — и взглядом, древним, как Халдея, дала понять, что он ей пришелся по вкусу. Но тут худой седобородый старик, изрядно вспотевший в честном бою за добычу и слепой ко всему на свете, кроме сияющей приманки, втиснулся между ними в

ураганном порыве, продираясь к желанному «х 5 гарант, ц.».

— Я хочу выбраться отсюда, — сказал Грэм своему спутнику. — Это не то, что я хотел видеть. Покажите мне рабочих. Хочу видеть людей в синем. А эти сумасшедшие паразиты…

Его стиснула беснующаяся масса людей.

Глава XXI
Подземелье

Из делового квартала они отправились по движущимся улицам на окраину города, в основной производственный район. По дороге платформы дважды пересекли Темзу и по широкому виадуку прогрохотали над одной из больших дорог, подходившей к городу с севера. В обоих случаях впечатления были мимолетными и очень яркими. Река оказалась широкой полосой черной морской воды, покрытой мерцающей рябью. Она протекала под арками зданий и уходила во мрак, прорезанный цепочками огней. Вереница черных барж, управляемых людьми в синем, тянулась в сторону моря. Дорога же представляла собой длинный, очень высокий и широкий туннель, по которому бесшумно и стремительно неслись машины на больших колесах. Здесь тоже преобладала характерная синяя форма Департамента Труда. Грэма особенно поразила гладкость двойной полосы дороги и размеры и легкость больших пневматических колес в сравнении с кузовами экипажей. Он не мог оторвать глаз от

узкого, очень высокого грузовика с продольными металлическими вешалками, на которых болтались многие сотни бараньих туш. Но тут край арки обрезал и заслонил от него всю панораму.

Они сошли с путей, спустились на лифте в наклонный коридор и прошли к другому лифту, идущему вниз. Все вокруг изменилось. Исчезли даже намеки на архитектурные украшения, светильников было мало, и сами они стали меньше. По мере приближения к фабричным кварталам архитектура делалась все тяжелее, массивнее. И в пыльных гончарных цехах, и среди мельниц, размалывавших полевой шпат, и у металлоплавильных печей, и возле расплавленных озер сырого идемита — везде была синяя холстина, на мужчинах, женщинах и детях.

Многие из этих обширных и пыльных галерей, уставленных машинами, молчали. Бесконечный ряд потушенных печей свидетельствовал о революционных неурядицах. Но где бы ни шла работа, ее выполняли вяло двигающиеся рабочие в синей холстине. Единственно, кто не носил здесь синее, — надзиратели и Рабочая полиция в оранжевых мундирах. После разгоряченных лиц в танцевальных залах и лихорадочной энергии в деловом квартале Грэм не мог не отметить уста-

лых глаз, впалых щек и вялых мускулов у многих рабочих. Те, кого он видел за работой, физически были явно слабее броско одетых управляющих и надзирательниц, руководивших трудягами. Крепкие рабочие викторианских времен исчезли — следом за лошадьми и другими источниками живой силы. Их дорогостоящую мускулатуру заменили искусные машины. Рабочие нового времени, мужчины и женщины, главным образом присматривали за машинами и загружали их, они были обслугой или подневольными художниками.

Женщины, по сравнению с теми, которых помнил Грэм, в массе были невзрачны и плоскогруды. Две сотни лет свободы от моральных запретов пуританской религии, две сотни лет городской жизни сделали свое дело, вытравив женскую красоту и живость из этой синей армии. Блеск красоты или ума, любая привлекательность или незаурядность позволяли, как встарь, вырваться из кабалы и найти дорогу в Города Наслаждений с их роскошью и удовольствиями; потом — эйтаназия и покой. Души, взращенные на скудной пище, не могли противостоять таким соблазнам. При первой жизни Грэма в молодые растущие города стекались рабочие — они были разнородны, они

еще заботились о традициях личной честности и высокой морали; теперь они слились в обособленный класс с собственной нравственностью, собственными физическими особенностями — и даже собственным диалектом.

Они продвигались все ниже и ниже, к рабочим помещениям. Под землей пересекли одну из улиц с движущимися путями и увидели далеко вверху бегущие платформы и вспышки белого света, мелькающие на стыках. Остановившиеся фабрики были скудно освещены; Грэму показалось, что эти туманные острова гигантских машин вдавлены в мрачный сумрак. Даже там, где шла работа, освещение было далеко не таким ярким, как в общественных местах.

Позади пылающих озер идемита копошился муравейник ювелиров; с некоторыми трудностями, снова при помощи подписи Грэма, они туда прошли. Галереи были высокие, темные и довольно холодные. В первой несколько мужчин делали узоры из золотой филиграни, каждый за своим верстачком под затененной лампой. В длинном ряду световых полос были видны проворные, озаренные лампами пальцы, быстро перевивавшие желтую блестящую проволоку, и напряженные, словно призрачные, лица, прячу-

щиеся в тени, — это производило очень странное впечатление.

Изделия были чудесной работы, но без намека на силу и своеобразие рисунка и формы — по большей части замысловатые орнаменты или повторение вариантов какого-нибудь геометрического мотива. Рабочие здесь носили особую белую форму без карманов и рукавов. Переодевались, приходя на работу, но вечером, прежде чем выпустить за пределы мастерских, их раздевали и обыскивали. Но, несмотря на все предосторожности, сокрушенно сказал полицейский, Департамент нередко обкрадывали.

Далее находилась галерея, где женщины резали и гранили искусственные рубины, и участок, где мужчины и женщины трудились над медными сетчатыми заготовками — основой для изразцов с перегородчатой эмалью. У многих губы и ноздри были мертвенно-белыми из-за болезни, вызывавшейся особой, чрезвычайно модной пурпурной эмалью. Асано извинился перед Грэмом за такое неприятное зрелище, оправдываясь тем, что идти здесь было удобней.

— Это я и хотел видеть, — сказал Грэм. — Именно это я и хотел видеть.

Он постарался не вздрогнуть при виде особенно

обезображенного лица.

— Она могла бы поостеречься, — заметил Асано.

Грэм негодующе возразил.

— Но, сир, мы никак не можем обойтись без пурпура, — сказал Асано. — В ваши времена люди могли носить грубые украшения, они были ближе к варварству на двести лет.

Они пошли дальше по одной из нижних галерей фабрики перегородчатой эмали и приблизились к крутому мостику. Заглянув через перила, Грэм обнаружил, что внизу, под самыми мощными сводами, которые он здесь видел, располагается причал. Три баржи, окутанные мучнистой пылью, стояли под разгрузкой — множество мужчин, кашляя, катили тележки с полевым шпатом; пыль наполняла помещение удушливым туманом, придавая электрическим огням желтый оттенок. Под ногами рабочих прыгали смутные тени, метались по длинной, выбеленной пылью стене. Рабочие то и дело останавливались, чтобы откашляться.

Мрачные, тяжелые массы каменной кладки, вздымавшиеся над чернильно-черной водой, навели Грэма на мысль о множестве коридоров, лифтов и галерей, громоздящихся сейчас этаж

за этажом между ним и открытым небом. Люди молча работали под присмотром двух стражников из Рабочей полиции. Шаги гулко отдавались на дощатых мостках, по которым они ходили с причала на баржи и обратно. Пока Грэм наблюдал за этой сценой, чей-то голос в темноте запел.

— Прекратить! — крикнул полицейский, но приказу не подчинились.

Сначала один, а за ним все эти белые от пыли люди демонстративно подхватили ритмичный припев — это была Песня Мятежа. Шаги гремели теперь по сходням в такт песне: трам, трам, трам. Кричавший полицейский взглянул на своего напарника — тот пожал плечами. Больше они не пытались остановить пение.

Грэм шел дальше по этим фабрикам и мастерским — везде изнурительный труд, везде ранящие душу, мрачные картины. Путешествие оставило в голове Грэма множество перепутавшихся впечатлений. Мелькающие картины сводчатых залов и гигантских арок, проглядывающих сквозь облака пыли. Замысловатые машины, ряды ткацких станков с бегущими нитями, тяжкие удары штамповочных прессов, гудение и треск ременных передач, скверно освещенные проходы между койками подземных спален, бесконечные

ряды точечных светильников. Здесь — запах дубильных чанов, здесь — вонь пивоварни, а здесь — вонь невообразимой силы и непонятного происхождения. И повсюду — могучие колонны и своды, каких ему не доводилось видеть, — титанические сооружения из засаленной, тускло лоснящейся кирпичной кладки, задавленные огромным весом этого города, этого сложнейшего мира — так же, как и миллионы анемичных людей здесь, в подземельях. И повсюду бледные лица, худые руки, уродство и вырождение.

Еще раз, и еще, и в третий раз Грэм услышал мятежную песню во время своего долгого, безрадостного скитания. Один раз увидел беспорядочную драку — нескольким рабам удалось захватить хлеб до окончания работы. Грэм уже направился наверх, на улицы, когда ему попались на глаза дети в синем, бегущие по поперечному проходу. Он немедля понял причину их паники: отряд полицейских, вооруженных дубинками, рысил к месту неведомых беспорядков. Затем издали донесся шум схватки. Но по большей части здесь работали — работали, ни на что не надеясь. Все, в ком сохранилась отвага, были наверху, на улицах, взывали к Хозяину и не выпускали из рук оружия.

Выбравшись из подземелий, Грэм и Асано, щурясь, остановились под ярким светом на средней полосе платформ. В отдалении слышалось уханье и тявканье Болтающих Машин в одном из Главных Залов Известий, но внезапно побежали люди, на платформах и возле них поднялся крик и плач. Пробежала женщина, белая и онемевшая от ужаса, за ней другая, она задыхалась и визжала на бегу.

— Что случилось? — озадаченно проговорил Грэм, не понимая их грубого жаргона.

Затем услышал то же на нормальном английском и понял, из-за чего поднялся шум, что кричали друг другу мужчины, почему плакали женщины. Весть прокатилась подобно первому порыву грозового ветра, леденяще и внезапно: «Острог вызвал черную полицию в Лондон. Черная полиция прибывает из Южной Африки! Черная полиция… Черная полиция!..»

Асано побелел от удивления. Нерешительно посмотрел Грэму в лицо и повторил новость, которую тот уже знал.

— Но как это стало известно им? — спрашивал Асано.

Кто-то вопил:

— Бросайте работу! Бросайте работу! — Смуг-

лый горбун, потешно и броско одетый в зеленое с золотом, запрыгал с платфомы на платформу к середине, крича на хорошем английском: — Это сделал Острог! Острог — негодяй! Хозяина предали! — Он хрипел, струйка пены бежала из изуродованного криком рта. Он вопил о непередаваемых ужасах, творимых в Париже черной полицией, и так и исчез из виду, визжа: — Острог — негодяй!

Грэм на секунду застыл на месте. Опять накатило ощущение, что все это — сон. Посмотрел вверх, на огромные утесы зданий с обеих сторон, исчезающие над фонарями в голубом тумане; вниз, на гремящие ряды платформ, на несущуюся мимо бурлящую толпу. «Хозяина предали! — кричали люди. — Хозяина предали!»

И внезапно ему открылось положение дел — ясно и грозно. Сердце забилось быстро и сильно.

— Вот оно, — проговорил он. — Я мог это предвидеть. Час настал. — Он задумался На мгновение. — Что я должен делать?

— Вернуться в здание Совета, — сказал Асано.

— Почему бы не обратиться к народу?.. Прямо здесь.

— Потеряете время. Они не поверят, что это вы. Но они сойдутся у здания Совета. Там вы найдете

их вожаков. Ваша сила там — с ними.

— Но если это только слухи?

— Похоже на правду, — ответил Асано.

— Давайте разузнаем наверняка.

Асано пожал плечами и прокричал:

— Лучше добраться до здания Совета! Именно там они соберутся. Развалины до сих пор могут быть непреодолимы.

Грэм посмотрел на Асано с сомнением, но последовал за ним. Они поднялись по рядам платформ на скоростную линию, и здесь Асано расспросил какого-то рабочего. Тот отвечал на грубом простонародном жаргоне.

— Что он говорит? — спросил Грэм.

— Он знает мало, но говорит, что черная полиция нагрянула бы неожиданно, но кто-то из Управления ветродвигателей сумел предупредить… Он сказал, это была девушка.

— Девушка? Но…

— Он говорит — девушка, он не знает, кто она. Вышла, плачущая, из здания Совета и сказала людям, работающим в развалинах.

И тут прокричали другой призыв, превративший бесцельную суматоху в направленное движение, — призыв пронесся по улице, как ветер:

— Все по своим отрядам! Все по своим местам! Каждый получит оружие! По своим местам!

Глава XXII
Борьба в здании совета

Спеша к развалинам вокруг здания Совета, Грэм и Асано повсюду видели растущее волнение народа. «По отрядам! По отрядам!» Повсюду мужчины и женщины в синем спешили из безвестных подземных фабрик вверх по лестницам на среднюю полосу улицы; в одном месте Грэм увидел вопящую толпу вокруг арсенала революционного комитета, в другом — двоих людей в ненавистной желтой форме Рабочей полиции, которых преследовала разъяренная толпа. Полицейские убежали по встречной скоростной платформе.

Когда они приблизились к правительственному району, крики «Все по своим отрядам!» слились в единый несмолкаемый рев. Вопили и что-то неразборчивое.

— Острог предал нас! — хрипло ревел какой-то человек, кричал снова и снова над ухом Грэма, пока не оглушил окончательно. Он стоял вплотную за спинами Грэма и Асано на скоростной платформе и орал, обращаясь к людям, заполняв-

шим нижние платформы, остающиеся позади. Выкрики насчет Острога перемежались какими-то неразборчивыми приказами. Потом он прыжками сбежал вниз и исчез.

Уши Грэма забило шумом. Он смутно представлял, что делать дальше. В его воображении то возникала некая трибуна, с которой он обращается к несметным толпам, то виделась ему встреча лицом к лицу с Острогом. Его переполняла ярость, мускулы напряглись от возбуждения, губы сжались.

Завалы на пути к дому Совета оказались непроходимыми, но Асано ухитрился провести Грэма через центральное почтовое отделение. Оно было открыто, но работники в синей форме лениво слонялись из угла в угол или стояли и таращились с галереи на народ, кричавший снаружи. «Все мужчины — по своим отрядам! Все мужчины — по своим отрядам!» Здесь по совету Асано Грэм раскрыл свое инкогнито.

В здание Совета они добрались в люльке по тросу. За недолгое время после капитуляции Совета руины преобразились. Каскады морской воды, прорвавшейся из главного трубопровода, были укрощены, и мощные временные трубы тянулись вверху по легкой с виду решетчатой эстакаде.

Небо снова затянулось сетью восстановленных кабелей и проводов, обслуживающих здание Совета. Слева от белой башни Совета рос новый корпус, краны и другие строительные машины трудились вовсю.

Движущиеся дороги, проходившие через эти места, были тоже восстановлены, хотя и тянулись пока под открытым небом. Это были те самые пути, на которые Грэм смотрел с балкона в час своего пробуждения всего девять дней назад, а зал Спящего помещался на дальней стороне путей — там сейчас громоздились бесформенные кучи битого кирпича.

День был уже в разгаре, ослепительно сияло солнце. Из-под высоких сводов, наполненных синим электрическим светом, скоростные платформы выносили несчетные толпы, все плотнее покрывавшие утесы и ущелья руин. Воздух сотрясался от криков, люди напирали, стремясь приблизиться к центральному зданию. В массе это были шумные, бесформенные толпы, но то тут, то там Грэм замечал очаги организации и дисциплины. И все голоса, слышимые в этом хаосе, призывали к порядку. «По своим отрядам! Каждый — в свой отряд!»

По тросу они попали в помещение, в котором

Грэм узнал вестибюль зала Атланта, расположенный рядом с галереей, где несколько дней назад, через час после пробуждения, он проходил вместе с Говардом, чтобы показаться исчезнувшему ныне Совету. Теперь здесь не было никого, кроме двух операторов канатной дороги. Эти люди, казалось, были чрезвычайно удивлены, узнав Спящего в человеке, соскользнувшем с крестовины сиденья.

— Где Острог? — требовательно спросил Грэм. — Я немедленно должен видеть Острога. Он ослушался меня. Я вернулся, чтобы взять правление в свои руки.

Не дожидаясь Асано, он поднялся по ступенькам, отодвинул портьеру и оказался перед осужденным на вечный труд титаном.

Зал был пуст. Он очень сильно изменился с тех пор, как Грэм увидел его в первый раз. Зал серьезно пострадал от неистовых боев первого восстания. Справа от огромной фигуры верхняя половина стены была разрушена на протяжении почти двухсот футов, а пролом затянут той же стекловидной пленкой, что окружала Грэма, когда он пробудился. Пленка ослабляла, но не могла заглушать крики толпы: «По отрядам! По отрядам!» Сквозь нее виднелись балки и стояки

металлических лесов, опускавшихся или поднимавшихся — как было нужно огромному отряду строителей. За зеленоватой полупрозрачной преградой костистым силуэтом виднелась бездействующая строительная машина с тонкими красными металлическими рычагами. На ней все еще сидели рабочие, наблюдая за толпой. Секунду Грэм простоял, разглядывая все это, и Асано догнал его.

— Острог должен быть в малой канцелярии, — сказал японец. Он был теперь бледен до синевы; его глаза ощупывали лицо Грэма.

Они едва отошли на десяток шагов от портьеры, как панель в стене слева от Атланта свернулась, ушла вверх, и Острог, сопровождаемый Линкольном и двумя чернокожими в желтом, вышел оттуда и направился к другой панели, открывшейся в дальнем углу зала.

— Острог! — крикнул Грэм.

При звуке его голоса маленькая группа изумленно обернулась.

Острог сказал что-то Линкольну и в одиночестве двинулся вперед.

Грэм заговорил первым. Его голос звучал громко и властно.

— Что я слышу? — спросил он. — Вы вызвали

негров сюда? Усмирять народ?

— И вовремя, — ответил Острог. — Они отбивались от рук все больше и больше — после революции. Я недооценил…

— Вы хотите сказать, что эти дьявольские негры уже в пути?

— В пути. Вы сами видели, что творится — там, снаружи.

— Ничего удивительного! Но после того, что было сказано… Вы слишком много берете на себя, Острог.

Острог ничего не сказал, но подошел ближе.

— Эти негры не должны появиться в Лондоне, — сказал Грэм. — Я — Хозяин, и их здесь не будет.

Острог посмотрел на Линкольна, тот сейчас же подошел и вместе с двумя охранниками встал позади него.

— Но почему? — спросил Острог.

— Белыми должны управлять белые. К тому же…

— Негры — всего лишь инструмент.

— Вопрос не в том. Я — Хозяин. Я намерен быть Хозяином. И я говорю вам, что черной полиции здесь не будет.

— Народ…

— Я верю в народ.

— Потому что вы — анахронизм. Человек из прошлого, игра случая. Вы владеете почти всем миром. Номинально, по закону. Но вы — не Хозяин. Вы знаете слишком мало, чтобы быть Хозяином. — Он снова покосился на Линкольна. — Я знаю, о чем вы думаете, — могу предположить, как вы собираетесь поступить. Даже теперь не поздно вас предупредить. Вы мечтаете о человеческом равенстве — о некоем социалистическом порядке. Эти обветшалые бредни девятнадцатого столетия свежи и живы в вашей памяти, и не вам править этим веком, которого вы не можете понять.

— Вслушайтесь! — воскликнул Грэм. — Вы слышите этот звук, подобный шуму моря. Не голоса — единый голос. Хотя бы вы понимаете, что это значит?

— Мы сами их научили, — сказал Острог.

— Возможно. И сумеете их отучить, чтобы они забыли? Однако хватит! Черная полиция сюда не войдет.

Наступило молчание. Острог смотрел Грэму в глаза.

— Войдет, — сказал он.

— Я запрещаю.

— Они уже двинулись.

— Я этого не допущу.

— Нет, — сказал Острог. — Сожалею, но мне придется прибегуть к методам Белого Совета… Для вашего же блага… Вам не следует выступать на стороне… беспорядка. А теперь, поскольку вы здесь… Это было любезно с вашей стороны — прийти сюда.

Линкольн положил руку на плечо Грэма. И только тут Грэм понял, какую грубую ошибку он совершил, явившись в здание Совета. Он повернулся к портьере, отделявшей зал от вестибюля. Цепкая рука Асано задержала его. В следующее мгновение Линкольн схватил Грэма за плащ. Он обернулся, ударил Линкольна в лицо, и сейчас же один из негров схватил его за ворот и за руку. Грэм вырвался, с треском разорвав рукав, шагнул назад — второй охранник подставил ногу. Грэм тяжело упал навзничь и несколько мгновений лежал, глядя на высокий потолок зала.

Потом закричал, извернулся бешеным движением, вцепился в ногу охранника, свалил его и вскочил на ноги. Перед ним появился Линкольн и тут же рухнул от прямого удара в челюсть — замер. Сделав два шага, Грэм споткнулся, и рука Острога обхватила его шею. Он опрокинулся назад, тяжело упал; его руки прижали к полу.

Он яростно вырывался, потом оставил борьбу — лежал, уставившись на Острога, хватающего ртом воздух.

— Вы… пленник! — задыхаясь, сказал Острог. — Вы… сваляли дурака… вернувшись.

Грэм повернул голову и сквозь неровный зеленый проем в стене увидел рабочих у подъемных кранов — они взволнованно махали людям, стоявшим внизу. Они видели!

Острог проследил за его взглядом и вздрогнул. Что-то крикнул Линкольну, но тот не пошевелился. Пуля ударила в лепные украшения над фигурой Атланта. В двойной пленке, закрывавшей брешь в стене, появилась щель, края отверстия потемнели, искривились и стремительно разбежались к раме; через секунду зал Совета оказался открытым всем ветрам. Ледяной вихрь дунул в пробоину, принеся с собой яростные вопли с развалин, смутно различимые голоса: «Спасите Хозяина! Что они делают с Хозяином? Хозяина предали!»

Грэм понял, что внимание Острога отвлечено, что его хватка ослабла, и вскочил на колени. В следующий миг он отшвырнул Острога и почти встал, вцепившись в его глотку, а тот ухватился за шелковый воротник Грэма.

Какие-то люди приближались к ним от помоста — люди, чьи намерения он оценил неверно. Покосился на кого-то, бегущего к занавешенному выходу в вестибюль, и в этот момент Острог выскользнул из его рук, а подбежавшие оказались рядом. К полному изумлению Грэма, они схватили его, подчиняясь командам Острога.

Грэма проволокли дюжину ярдов, прежде чем он понял, что это не друзья, — что его тащат к открывшейся панели. Увидя это, он рванулся назад, попытался упасть, стал изо всех сил звать на помощь. На этот раз послышались ответные крики.

Руки, державшие его за шею, ослабли — и не без причины! В нижнем углу пролома появилась сначала одна, потом несколько маленьких черных фигурок; они кричали и размахивали руками. Они спрыгивали из пролома на галерею, ведущую в Комнаты Безмолвия, и бежали по ней — так близко, что Грэм мог разглядеть оружие в их руках. Острог отдал еще несколько распоряжений людям, стиснувшим Грэма, и он выдержал еще одну схватку, не дав подтащить себя к зиявшему отверстию.

— Они не смогут спуститься, — прохрипел Острог. — Они не посмеют стрелять. Все в порядке. Мы пока спрячем его.

Долгие минуты продолжалась, как показалось Грэму, эта постыдная борьба. Его одежду порвали во многих местах, вываляли в пыли, отдавили руку. Он слышал крики своих приверженцев, слышал выстрелы. Кончались силы, это отчаянное сопротивление казалось бесполезным. Помощь не приходила, а пасть отверстия уверенно, неумолимо приближалась.

Тиски чужих рук ослабли. Он вырвался, вскочил, увидел удаляющуюся седую голову Острога и понял, что его больше не держат. Повернулся, налетел на человека в черном. Рядом щелкнуло зеленое оружие, в лицо ударило едким дымом, блеснул стальной клинок. Огромное помещение закружилось перед глазами.

Неподалеку человек в светло-синем заколол черно-желтого стражника. Затем Грэма снова схватили чьи-то руки.

Его тащили сразу в двух направлениях. Ему что-то кричали. Он хотел понять что, но не мог. Кто-то обхватил его вокруг бедер и приподнял — несмотря на бешеное сопротивление. Внезапно он понял и перестал отбиваться. Его подняли на плечи, понесли от этой зловеще открытой панели. Тысячи глоток вопили приветствия.

Люди в синем и в черном бежали за отступа-

ющими приверженцами Острога и стреляли. С высоты Грэм видел все пространство зала под статуей Атланта. Его несли к помосту в середине помещения. Дальний конец зала наполнялся бегущими людьми. Их взгляды были обращены к нему, они выкрикивали приветствия.

Он заметил, что окружен телохранителями. Кто-то рядом отдавал неразборчивые команды. Неподалеку оказался черноусый человек в желтом, который был среди тех, кто приветствовал его в театре. Он громогласно распоряжался. Зал был уже переполнен волнующейся толпой, легкая металлическая галерея прогибалась под своим вопящим грузом. Портьеры у выхода были сорваны, и открылся набитый людьми вестибюль. Грэм, с трудом перекрикивая шум, спросил у одного из стоящих рядом:

— Куда скрылся Острог?

Тот указал поверх голов на нижние панели стены, противоположной пролому. Они были открыты, туда убегали вооруженные люди в синем с черными повязками и исчезали в прилегающих коридорах. Грэму казалось, что сквозь неистовый гомон толпы доносятся выстрелы. Его пронесли наискось через огромный зал к двери возле пролома.

Было заметно, как люди вокруг него поддерживают порядок, оттесняя толпу и расчищая путь. Снаружи была новая, неровная стена, она маячила впереди под голубым небом. Его опустили, поставили на ноги, кто-то взял за руку и повел. Человек в желтом снова оказался рядом. Прошли по узким кирпичным ступеням мимо огромного красного сооружения — строительной машины; ее стрелы, рычаги, двигатели были недвижимы.

Оказавшись на верхней площадке лестницы, Грэм поспешно пересек узкие огражденные мостики, и перед ним внезапно открылся ревущий амфитеатр развалин. «Хозяин с нами! Хозяин! Хозяин!» Этот вопль вознесся над морем лиц подобно волне, отразился от утеса руин вдалеке и вернулся обратно вибрирующим криком: «Хозяин на нашей стороне!»

Грэм увидел, что его больше никто не направляет и он стоит на маленькой площадке из белого металла — части хрупких с виду лесов, облепивших огромный массив Совета. На необозримом пространстве руин перебегали и толпились люди: тут и там вздымались и раскачивались черные знамена революционных обществ; вокруг них возникали редкие в этом хаосе очаги порядка и организованности. Крутые уступы стен

и строительные леса, по которым его спасители добрались до зала Атланта, были густо облеплены народом, и энергичные черные фигурки карабкались на колонны и выступы, побуждая людей рассредоточиться. Позади Грэма, на высшей точке лесов, несколько человек водружали огромный, хлопающий на ветру черный штандарт. Через зияющую брешь в стене он мог видеть внизу плотную толпу, набившуюся в зал Атланта. Из-за необычной прозрачности воздуха отдаленные летные площадки на юге были видны ярко и четко — словно приблизились. С центральной площадки взмыл одинокий моноплан — возможно, чтобы встретить прибывающие аэропланы.

— Что стало с Острогом? — спросил Грэм и, произнося эти слова, увидел, что все взгляды переместились с него на верхушку здания Совета.

Он поискал глазами — что привлекло всеобщее внимание. Секунду не видел ничего, кроме неровного угла стены, темного и четкого на фоне неба. Затем разглядел в тени внутреннее убранство комнаты и с изумлением узнал зелено-белую отделку своей бывшей тюрьмы. И, быстро прошагав через эту открытую взглядам комнату, на край развалин, к обрыву, вышла фигурка в белом, сопровождаемая двумя фигурками поменьше,

в черном с желтым. Грэм услышал, что рядом вскрикнули: «Острог!» — и повернулся, чтобы спросить, в чем дело. Но тут стоявший рядом человек удивленно вскрикнул и указал тощим пальцем на горизонт. Вот оно что! Поднявшийся с летной площадки моноплан направляется в их сторону. Этот стремительный ровный полет все еще был новинкой для Грэма и приковал к себе его внимание.

Моноплан приближался, становился все больше и больше, пока не промчался над дальним краем руин и не оказался на виду у толпы. Пикируя, пересек пространство над людьми, взмыл вверх, минуя глыбу здания Совета, — обтянутая пленкой птица, полупрозрачная, с одиночкой-аэронавтом, смотрящим вниз сквозь ребра корпуса. Пролетел и скрылся за верхним краем развалин.

Грэм перевел взгляд на Острога. Тот подавал руками какие-то знаки, а его помощники деятельно разбивали стену рядом с ним. В следующее мгновение моноплан появился снова — маленькое пятнышко вдалеке, летящее по широкой дуге, снижающее скорость.

Человек в желтом вдруг закричал:

— Что они делают? Что эти люди делают? Поче-

му Острог оказался там? Почему его не схватили? Они подберут его — моноплан заберет его! Эх!..

Это восклицание эхом отдалось в руинах. Через пропасть до Грэма донесся треск зеленого оружия, он посмотрел вниз и увидел группу черно-желтых, бегущих по открытой галерее под выступом, на котором стоял Острог. На бегу они стреляли в невидимых противников; затем появились преследователи в бледно-синем. Миниатюрные сражающиеся фигурки производили удивительное впечатление, издали они напоминали игрушечных солдатиков. Странная картина распахнутого дома придавала нереальный вид этой битве среди мебели, комнат и коридоров. Сражение шло примерно в двухстах ярдах от Грэма и в пятидесяти над головами людей в развалинах. Черно-желтые человечки забежали в открытую арку, обернулись и дали залп. Один из синих преследователей, бежавший по краю провала, взмахнул руками, покачнулся, как показалось Грэму, несколько секунд постоял над обрывом — и рухнул вниз. Грэм видел, как он ударился о выступающий угол, кувыркаясь, безостановочно кувыркаясь, отлетел и исчез за красной стрелой строительной машины.

Какая-то тень заслонила солнце. Грэм поднял

голову. Небо было чистым, и он понял, что это пролетел маленький моноплан. Острог исчез. Человек в желтом втиснулся перед ним, потный и возбужденный. Он махал рукой и орал:

— Они садятся! Они садятся! Прикажите стрелять в него! Прикажите стрелять!

Грэм ничего не мог понять. Громкие голоса повторили этот загадочный приказ.

Неожиданно вверху, из-за края развалин выскользнул нос моноплана и, вздрогнув, остановился. Грэм мгновенно понял, что машина села и Острог вот-вот скроется на ней. Он заметил синие дымки, поднимающиеся над пропастью, и сообразил, что снизу стреляют по торчащему носу.

Человек рядом с ним хрипло, торжествующе закричал. Грэм увидел, что синие повстанцы захватили арку, которую только что обороняли люди в черно-желтом, и хлынули в открытый коридор.

Тут моноплан соскользнул с края развалин Совета и нырнул вниз, как ласточка. Он падал под углом в сорок пять градусов, так круто, что и Грэму, и тем, кто смотрел снизу, показалось, что моноплан не сможет снова подняться.

Машина пролетела так близко, что он мог видеть Острога, вцепившегося в подлокотники

сиденья; его седые волосы развевались. Мелькнуло белое лицо аэронавта, налегавшего на рычаг подъема машины. Смутный крик испуга вырвался у бесчисленной толпы внизу.

Грэм задохнулся и вцепился в перила. Секунда тянулась, как век. Моноплан едва не задел людей — они с воплями кинулись в разные стороны, давя друг друга.

А затем он поднялся.

Мгновение казалось, что ему не удастся миновать противоположный обрыв, потом — что он не минует ветряк, вертящийся рядом.

Но смотрите! Он проскочил, он взмыл — все еще кренясь — вверх, вверх в расчищенное ветром небо.

Напряжение этого момента разрядилось взрывом ярости, когда толпе стало ясно, что Острог сбежал от нее. С запоздалой активностью возобновилась стрельба, треск оружия перешел в грохот, пока все пространство не затянуло синим туманом и воздух не заполнился прозрачным дымом от выстрелов.

Поздно. Летающая машина уходила все дальше и дальше, развернулась и изящно села на площадку, с которой не так давно поднялась. Острог бежал.

Некоторое время доносился из руин сконфуженный ропот, затем общее внимание снова сосредоточилось на Грэме, стоящем высоко среди лесов. Он видел, что лица людей обращены к нему, слышал, как они кричат, радуясь его спасению. Из темноты туннеля движущихся дорог донеслась песня мятежа и растеклась, как ветер, над колышущемся морем людей.

Группка мужчин, окружавшая Грэма, тоже выкрикивала поздравления. Человек в желтом стоял рядом, глаза его сияли на застывшем лице. А песня звучала все громче и громче: трам, трам, трам, трам.

Постепенно Грэм стал вполне осознавать смысл происходящего, понял стремительную перемену в своем положении. Острог, который всегда стоял рядом с ним перед кричащей толпой, был далеко — теперь он противник. Никто не мог больше управлять им. Даже люди, стоящие вокруг, вожаки и организаторы толпы, смотрели на него, ожидая действий, поступков, приказов. Он стал настоящим королем. Марионеточное царствование кончилось.

Он был более чем готов сделать то, чего от него ожидали. Каждая жилка, каждый мускул дрожал от возбуждения; возможно, он был в некоторой

растерянности, но не ощущал ни страха, ни гнева. Помятая рука горела и немного подергивалась.

Его немного беспокоило, как он выглядит. Страха не было, но не хотелось казаться испуганным. В прошлой жизни ему часто доводилось испытывать и более сильное волнение — во время спортивных игр. Хотелось действовать. Было понятно, что ему не следует слишком задумываться над деталями этой грандиозной борьбы, иначе его парализует сознание ее сложности.

Вон там эти синие прямоугольники — далекие летные площадки. Там — Острог! И против Острога, такого отчетливого, определенного, решительного, он, Грэм — такой неясный и колеблющийся — начинает сражение за будущее мира!

Глава XXIII
Грэм говорит свое слово

На некоторое время Хозяин мира утратил власть над своими мыслями. Даже собственная его воля казалась не его волей, собственные действия были ему удивительны, словно были частью странных переживаний, переполнявших его существо. Три факта не подвергались сомнению: негры направляются в Лондон, Элен Уотгон предупредила народ об их прибытии и он — Хозяин мира. Каждый из этих фактов, казалось, боролся за полное господство над его мыслями. Они словно выступали из общего фона переполненных залов и коридоров, комнат, где в тесноте совещались командиры отрядов, помещений для телефонной связи и кинематографа, широких окон, за которыми бурлило море марширующих людей. Человек в желтом и те, кого Грэм считал вожаками отрядов, не то подталкивали его к действиям, не то послушно следовали за ним — трудно было это понять. Возможно, они делали то и другое. Возможно, какая-то невидимая, неведомая сила вела их всех. Но Грэм чувствовал, что

должен выступить с обращением к населению Земли, и уже обдумывал некоторые эффектные фразы — они проплывали в его голове, в них содержалось все то, что ему необходимо было сказать людям. Вместе с человеком в желтом он оказался в комнатке, откуда предстояло сделать обращение.

Обстановка здесь была подчеркнуто современной. В середине комнаты — яркий овал электрического света от скрытых ламп. Остальная часть — в тени; двойные плотно пригнанные двери, через которые они попали сюда из бурлящего зала Атланта, отсекали от шума. Мертвенный звук захлопнувшихся за спиной дверей, внезапный конец сумятицы, в которой прошли последние часы, подрагивающее пятно света, шепот и быстрые бесшумные перемещения слуг в затененной части комнаты — все это странно повлияло на Грэма. Огромные уши фонографического аппарата — целая батарея — распахнулись навстречу его словам; черные глаза массивных фотокамер ждали начала речи; за ними тускло отсвечивали металлические стержни и спирали, что-то вращалось с прерывистым жужжанием. Он вошел в центр светового овала, и его тень, черная и резкая, свернулась в пятно под ногами.

Грэм примерно представлял себе, какие слова нужно произнести. Но эта тишина, эта изоляция, оторванность от заразительной энергии толпы, и эта аудитория — настороженные уши и глаза машин… Такого он не ожидал. Казалось, он лишился внутренней опоры, его словно уронили — внезапно уронили в это состояние, чтобы он познал себя. В одно мгновение он ощутил в себе перемену. Почувствовал страх, что не сможет быть убедительным, что впадет в театральность. Он боялся, что его подведет голос, что речь его будет лишена блеска. Смутившись, он повернулся к человеку в желтом с успокоительным жестом.

— Нужно немного подождать, — сказал он. — Я не знал, что все будет так. Хочу еще раз обдумать свои слова.

Он еще колебался, когда пришел взволнованный курьер с известием, что передовые аэропланы уже пролетают над Мадридом.

— Какие новости с летных площадок? — спросил Грэм.

— Люди из юго-западных отрядов готовы.

— Готовы!

Он с нетерпением повернулся к пустым черным объективам.

— Думаю, нужна короткая речь. Боже, если бы

я знал точно, что сказать! Аэропланы над Мадридом! Они, наверное, взлетели раньше основной армады. Эх, не все ли равно, хорошо я буду говорить или плохо, — подумал он вслух и отметил, что свет стал ярче.

Он уже готов был произнести несколько расплывчатых фраз о демократии, но вдруг его опять одолели сомнения. Обретенная было вера в собственный героизм и высокое предназначение рассеялась. Теперь он казался себе надутым ничтожеством, затерянным в бурном море непостижимой судьбы. Стало совершенно ясно, что восстание против Острога преждевременно и обречено на поражение — вспышка страстного, беспомощного протеста против неизбежности. Он думал о стремительно летящих аэропланах — это хищной птицей приближалась его Судьба. Удивительно, как мог он раньше видеть вещи в другом свете. Но положение было отчаянное; Грэм оборвал спор с самим собой и твердо решил любой ценой завершить начатое. Не удавалось найти слова, с которых следовало начать. Пока он стоял так, неуклюжий, растерянный, готовый дрожащими губами произнести извинения за свою беспомощность, снаружи раздались топот и громкие голоса множества людей. Кто-то крик-

нул: «Подождите!» — и дверь отворилась. Грэм обернулся, свет потускнел.

Через открытую дверь он увидел приближающуюся тонкую девичью фигуру в сером. Сердце его подпрыгнуло. Это была Элен Уоттон. Человек в желтом выступил из тени в световой овал.

— Это девушка, которая сообщила нам о действиях Острога, — сказал он.

Она вошла очень спокойно и стояла тихо, как будто не хотела мешать его красноречию… И все вопросы, все сомнения исчезли в ее присутствии. Грэм вспомнил, что намеревался сказать. Еще раз повернулся к камерам, и свет вокруг засиял ярче. Он посмотрел на девушку и скованно проговорил:

— Вы мне помогли. Очень помогли. Это очень трудное дело.

Грэм сделал паузу. Теперь он обращался к невидимому множеству людей, смотревших на него сквозь эти странные черные глаза. И медленно заговорил:

— Мужчины и женщины нового века! Вы поднялись на борьбу за человечество… Но вас не ждет легкая победа.

Он умолк, подбирая слова. Страстно хотелось обрести дар красноречия.

— Эта ночь — только начало. Битва, которая надвигается, которая обрушится на нас сегодня ночью, — только начало. Может быть, вам придется сражаться всю жизнь. Не останавливайтесь, даже если я буду разбит, если буду окончательно повержен. Думаю, такое может случиться.

Грэм чувствовал внутри нечто такое, что трудно было выразить словами. На короткое мгновение он умолк, произнес несколько неопределенных призывов, затем слова полились свободным потоком. Большую часть того, что он говорил, составляли общие места гуманистических доктрин ушедшего века, но убежденность в голосе придавала им жизненную силу. Он излагал идеи прежних времен людям нового века, девушке, стоявшей рядом с ним.

— Я пришел к вам из прошлого, — говорил он, — с памятью о веке надежд. Мой век был веком мечтаний, веком начинаний, веком возвышенных ожиданий. Во всем мире мы положили конец рабству; по всему миру распространилась надежда на прекращение войн, на то, что все мужчины и женщины смогут жить достойно, в мире и дружбе… Так мы надеялись в те давно прошедшие дни. И что стало с этими надеждами? Что произошло с человеком за двести лет?

Огромные города, гигантская мощь, коллективное величие — превзошли наши мечты. Мы не стремились к этому, но это пришло. А что стало с маленькими жизнями, создавшими эту великую жизнь? Что стало с обычными людьми? Их удел, как и прежде, — нужда и тяжкий труд, искалеченные, неосуществившиеся судьбы, искушение властью, искушение богатством, уход в безумие и пустоту. Старые идеалы исчезли или изменились, а новые… Да появились ли они, новые идеалы?

Милосердие и сострадание! — провозгласил он. — Красота и любовь к прекрасному! Порыв и самоотверженность! Отдайте себя целиком, как я отдаю себя — как Христос отдал Себя на распятие. Не важно, понимаете ли вы меня. И пусть вам покажется, что вы потерпели неудачу, — это не имеет значения. Знание поселилось в ваших сердцах. Здесь нет уверенности, нет безопасности — не на что опереться, кроме Веры. И вера эта одна, вера эта — ваше мужество…

Грэм почувствовал, что им самим овладевает вера, которую он тщетно пытался обрести так долго. Он говорил порывисто, ломаными, незаконченными фразами. Но от всего сердца, со всей силой души, исполненной новой веры. Говорил о величии самоотречения, о бессмертии Челове-

чества, в котором слиты наши жизни, движения наших тел и душ. Его голос возвышался и затихал, жужжали записывающие аппараты, призрачные лица операторов следили за ним из полутьмы…

Ощущение молчаливого зрителя рядом придавало его словам особую искренность. В эти короткие минуты торжества он позабыл обо всех колебаниях — не испытывал ни малейшего сомнения в собственном героизме, в произносимых им героических словах; все казалось ясным и определенным. Речь его лилась ровно и непринужденно. Наконец он подошел к концу.

— Слушайте все! — воскликнул он. — Объявляю свою волю. Все в мире, что принадлежит мне, я отдаю людям мира. Всем вам. Отдаю вам все, и самого себя отдаю вам. И, следуя воле Божьей, я буду жить ради вас или за вас умру.

Он окончил речь. Увидел, что свет от его мгновенного воодушевления отразился на лице девушки. Их взгляды встретились. В ее глазах блестели слезы восторга.

— Я знала, — прошептала она. — Вы — Отец мира, сир! Я знала, что вы скажете именно эти слова.

— Я сказал, что смог, — ответил он неуверенно и на секунду сжал протянутые к нему руки

девушки.

Глава XXIV
Пока приближались аэропланы[12]

Человек в желтом стоял рядом. Они не заметили его появления. Оказывается, на юго-западе отряды уже выступили.

— Я не ожидал, что это произойдет так скоро, — воскликнул он. — Они творят чудеса. Вы должны сказать им несколько слов ободрения.

Грэм уставился на него отсутствующим взглядом. Вздрогнул — вернулось прежнее назойливое беспокойство по поводу летных площадок.

— Да. Это хорошо, это хорошо. — Он задумался. — Передайте им: «Отлично сработано, Юго-Запад!»

Он снова посмотрел на Элен Уоттон. На его лице отразилась внутренняя борьба.

— Мы должны захватить летные площадки, — проговорил он. — Если не успеем, они высадят негров. Это нужно предотвратить любой ценой.

Он чувствовал, что это совсем не то, чем были

---

[12] Примечания: 12

Эти главы были написаны за пятнадцать лет до первых воздушных боев и за одиннадцать — до первого полета аэроплана. *(Примеч. авт.)*

заняты его мысли перед тем, как их прервали. В глазах девушки было удивление. Она собиралась заговорить, но пронзительный звонок заглушил ее голос.

Грэма осенило: она ожидала, что он сам поведет людей, именно это он и обязан сделать. Немедленно. Он обратился к человеку в желтом, но слова предназначались девушке. Она смотрела на него.

— Здесь я бездействую, — заявил Грэм.

— Это невозможно. Там будет свалка, — запротестовал человек в желтом. — Ваше место здесь.

Он подробно изложил свои доводы. Показал Грэму комнату, где тот должен был ожидать известий. По его убеждению, другого решения быть не могло.

— Мы должны знать, где вы, — говорил он. — В любой момент какой-нибудь кризис может потребовать вашего присутствия и вмешательства.

Грэм представлял себе картину такой же массовой, драматической схватки, какая шла в руинах. Но отсюда этого грандиозного зрелища не было видно. Ему предстояло уединение — и напряженное ожидание. Лишь после полудня он сумел сложить по кусочкам достоверную картину битвы, которая, невидимая и неслышимая, бушевала

в четырех милях отсюда под Роухамптонской летной площадкой. Это была странная, беспрецедентная битва, сотня тысяч маленьких схваток; битва в лабиринтах путей и туннелей, сражение при электрическом свете, вдали от неба и солнца — там беспорядочно дрались сонмы людей, не умеющих владеть оружием, поддавшихся шумным призывам. Огромные толпы людей, отупевших от бессмысленного труда, утративших волю из-за двухсотлетней рабской безопасности, бились с многочисленными противниками, деморализованными мелкими привилегиями и плотской распущенностью. У них не было артиллерии, не было разницы в вооружении; с обеих сторон единственным оружием служили маленькие зеленые металлические карабины, тайное производство и распространение которых среди народа в огромных количествах стало кульминацией действий Острога против Совета. Очень немногие имели опыт обращения с этим оружием, большинство вообще не умело стрелять, многие не позаботились обзавестись зарядами; более беспорядочной пальбы не случалось в истории войн. Это было сражение дилетантов, ужасный военный эксперимент; вооруженные мятежники дрались с вооруженными мятежни-

ками. Они рвались вперед, отчаянно выкрикивая слова песни, поддерживая друг друга воплями, в бессчетном множестве проникали в коридоры, к неработающим лифтам, в галереи, скользкие от крови, в залы и проходы под летными площадками, наполненные удушливым дымом, чтобы там — когда путь к отступлению отрезан — познать древние тайны войны. А наверху, если не считать редких снайперов на широких пространствах кровли и клубов пара и дыма, сгустившихся и потемневших к вечеру, день был ясным и безмятежным. У Острога, по всей видимости, не было бомб, и на ранних стадиях сражения летающие машины не играли никакой роли. Ни одно облачко не затемняло пустынное сияние неба. Казалось, оно очистилось в ожидании аэропланов.

Снова и снова приходили известия о том, что они приближаются — из одного испанского города, из другого, затем из Франции. Однако о спрятанных где-то в городе новых пушках, которые изготовил Острог, вестей получить не удавалось, несмотря на усилия Грэма; не было и донесений об успехах из гущи сражения, с подступов к летным площадкам. Секция за секцией Рабочих сообществ докладывали, что они собрались, что выступили, — и исчезали без

следа в лабиринте военных событий. Что происходило там? Даже командиры отрядов этого не знали. Несмотря на постоянное хлопанье дверей, запыхавшихся курьеров, звонки телефонов и непрерывный треск записывающих приборов, Грэм чувствовал себя изолированным и томился бездеятельностью.

Эта изоляция временами казалась самым странным, самым неожиданным явлением из всего, что происходило с ним с момента пробуждения. В этой пассивности было нечто похожее на сон. Буйство восстания, изумительное ощущение борьбы с Острогом за обладание миром — и вот! Спокойная маленькая комната со звонками, аппаратами и разбитым зеркалом!

Когда двери закрывались, Грэм и Элен оставались одни; казалось, их отсекало от небывалого мирового урагана, бушевавшего снаружи. Они живо ощущали присутствие друг друга, были заняты только друг другом. Затем дверь открывалась снова, и входил курьер, или уединение нарушалось пронзительным звонком телефона — это было подобно порыву бури, распахивающему окна залитого светом дома. Их снова захватывали слепая спешка и смятение, напряжение и ярость битвы. Они переставали быть

личностями, становились зрителями, свидетелями чудовищных конвульсий. Они казались себе бесконечно маленькими, нереальными. Были две антагонистические реальности, и только они оставались истинными реальностями; первая — город, который сотрясался и гудел, отчаянно защищаясь, и вторая — аэропланы, неотвратимо стремящиеся к нему через выпуклое плечо земного шара.

Внезапно снаружи зашумели, забегали, кто-то закричал. Девушка молча поднялась, недоверчиво вслушиваясь.

— Победа! — завопили металлические голоса. — Победа!

Отбросив портьеры, влетел человек в желтом, растрепанный и дрожащий от волнения.

— Победа, — воскликнул он, — победа! Народ побеждает. Люди Острога сломлены.

— Победа? — переспросила Элен.

— Что вы имеете в виду? — спросил Грэм. — Говорите! Что?

— Мы вытеснили их из нижних галерей в Норвуде, Стритем пылает, а Роухамптон наш. Наш! И мы захватили моноплан, оставшийся на площадке.

Грянул звонок. Из комнаты начальников отря-

дов вышел взволнованный седовласый человек и прокричал:

— Все пропало! Что толку, что мы захватили Роухамптон? Аэропланы уже видели над Булонью!

— Ла-Манш! — произнес человек в желтом и сделал быстрый подсчет. — Через полчаса.

— У них еще остаются три площадки, — сказал пожилой человек.

— Где пушки? — воскликнул Грэм.

— Мы не успеем их установить — всего полчаса.

— Вы хотите сказать, их нашли?

— Слишком поздно, — сказал седой.

— Если бы мы могли задержать их хотя бы на час! — кричал человек в желтом.

— Ничто их не остановит, — сказал старик. — У них около сотни аэропланов в первой армаде.

— Еще на час? — переспросил Грэм.

— Ведь почти удалось! — сказал начальник отряда. — Мы уже нашли эти пушки. Почти удалось… Если бы мы успели вытащить их на кровлю…

— Сколько на это потребуется времени? — вдруг спросил Грэм.

— Не меньше часа. Слишком поздно, — повторял начальник отряда. — Слишком поздно.

— Верно ли, что поздно? — спросил Грэм. — Даже теперь… Один час!

Он вдруг увидел эту возможность. Побледнел, но старался говорить спокойно.

— У нас есть шанс. Вы сказали, там есть моноплан?..

— На Роухамптонской площадке, сир.

— Он разбит?

— Нет. Косо стоит на тележке. Его можно поставить на направляющие, это просто. Но у нас нет аэронавта.

Грэм посмотрел на обоих мужчин, затем на Элен. После долгой паузы спросил:

— У нас нет аэронавтов?

— Ни одного.

Он вдруг повернулся к Элен. Решение было принято.

— Я это сделаю.

— Что?

— Я пойду на летную площадку… к этой машине.

— О чем вы?

— Я аэронавт. В конце концов… Те дни, за которые вы упрекали меня, я потратил все-таки не напрасно.

Он повернулся к старику и к человеку в жел-

том.

— Прикажите установить его на направляющие.

Человек в желтом заколебался.

— Что вы задумали? — воскликнула Элен.

— Этот моноплан… Есть шанс…

— Вы собираетесь?..

— Сразиться с ними, верно. Сразиться в воздухе. Я уже думал об этом… Большой аэроплан — неповоротливая штука, и решительный человек…

— Но еще никогда с начала полетов… — возражал человек в желтом.

— В этом не было нужды. А теперь время настало. Прикажите им немедля — пошлите мое указание: поставить моноплан на направляющие. Теперь я знаю, что делать. Знаю, зачем я здесь!

Старик взглядом спросил разрешения у человека в желтом, кивнул и заторопился прочь.

Элен шагнула к Грэму. Ее лицо было бледно.

— Но, сир! Как вы сможете сражаться в одиночку? Вас убьют.

— Возможно. Но не сделать этого… или поручить другому…

— Вас убьют, — повторила она.

— Я сказал людям свое Слово. Неужели вы не

понимаете? Ведь это может спасти… Лондон!

Он умолк — слов больше не было; движением руки отмел возражения. Они стояли, глядя друг другу в глаза.

Они не прикоснулись друг к другу, не обнялись, не сказали слов прощания. Сама мысль о любви, о личном, была отодвинута отчаянными обстоятельствами. Лицо Элен выражало восхищение — и приятие его жертвы. Чуть заметным движением руки она поручила Грэма его судьбе.

Он шагнул к человеку в желтом и проговорил:

— Я готов.

Глава XXV
Налет аэропланов

Двое в бледно-синем лежали рядом в неровной стрелковой цепи, протянувшейся через всю Роухамптонскую летную площадку. Они сжимали свои карабины и всматривались в тень соседней площадки — Уимблдонский парк. Время от времени они перебрасывались фразами на искаженном английском, характерном для их класса и века. Стрельба сторонников Острога затихла, враги почти не показывались. Однако отзвуки боя, который шел теперь в нижних галереях соседней площадки, временами доносились до них сквозь трескотню выстрелов со стороны мятежников. Один из людей в синем рассказывал товарищу, как он заметил там, внизу, человека, нырнувшего за балку, прицелился наугад и прихлопнул его, когда тот высунулся.

— Вон он там валяется, — сказал стрелок. — Видишь темное пятно? Да, там, между балками.

В нескольких ярдах позади них лицом к небу лежал мертвец, на его синей холщовой куртке дымилось тлеющее пятно вокруг аккуратной

дырочки на груди, пробитой пулей. Рядом с убитым сидел раненый с забинтованной ногой и равнодушно смотрел на поднимающийся дымок. Позади них поперек тележки лежал захваченный моноплан.

— А теперь я его что-то не вижу, — сказал напарник, поддразнивая стрелка.

Стрелок разъярился и закричал, доказывая свое. Но тут из-под площадки донесся шум и топот.

— Что еще там такое? — сказал он и приподнялся на локте, чтобы видеть верх лестницы в углублении посреди площадки. Несколько фигур в синем поднялись наверх и двинулись в их сторону.

— Нам ни к чему все эти болваны, — сказал его напарник. — Столпились там и мешают стрелять. Что им надо?

— Тише, они что-то кричат.

Оба прислушались. Новоприбывшие сгрудились вокруг монопланa. Три командира отрядов в черных мантиях со значками пролезли сквозь корпус и очутились наверху. Рядовые бойцы бросились к крыльям, ухватились за их края, так что аппарат оказался полностью окружен людьми, а кое-где в три ряда. Один из стрелков

встал на колени.

— Смотри-ка, ставят на тележку… Вот зачем они здесь.

Он поднялся, его друг — за ним.

— К чему это? — сказал он. — У нас ведь нет аэронавтов.

— Однако все равно ставят, — сказал стрелок.

Он взглянул на свой карабин, на людей вокруг машины и вдруг обратился к раненому.

— Присмотри за этим, приятель, — сказал он, передавая ему оружие и патронташ, и бросился к моноплану.

Четверть часа он толкал, тянул, кричал сам, выслушивал крики других, а когда наконец дело было сделано, стоял посреди толпы, громко радуясь успешному завершению работы. К этому времени он уже знал то, что знали все в городе, — Хозяин, хотя и новичок в аэронавтике, хочет полететь на этой машине, сию минуту он едет сюда и не позволит лететь никому другому.

«Только тот, кто подвергает себя самой большой опасности и несет самое тяжкое бремя, — тот и есть истинный Правитель», — так, по рассказам, объявил Хозяин. Стрелок еще выкрикивал приветствия, капли пота еще бежали из-под его взлохмаченных волос, когда поднялся гро-

моподобный рев, перебиваемый всплесками революционного гимна. Толпа расступилась, стало видно, что густой поток голов течет вверх по лестнице. «Хозяин идет! — кричали люди. — Хозяин идет!» Толпа становилась все плотнее. Он начал проталкиваться к центральной лестнице.

— Хозяин идет! Спящий! Хозяин! Наш Бог и Хозяин! — ревели люди.

И вдруг совсем рядом с ним оказались черные мундиры революционной гвардии, и он первый и последний раз в своей жизни увидел Грэма, увидел совсем близко: высокий темноволосый человек в развевающейся черной мантии, с бледным, решительным лицом, с устремленным вперед взором; человек, мысли и чувства которого далеки от мелочной суеты вокруг…

До конца своих дней стрелок запомнил бескровное лицо Грэма. Через мгновение оно исчезло в неистовой толпе. Какой-то парнишка, заливаясь слезами, натолкнулся на него и стал отжимать к лестнице с криком:

— Очистите дорогу монопланy, дурачье!

Громко, резко зазвучал колокол — сигнал очистить площадку.

Под этот звон, отдающийся в ушах, Грэм приблизился к монопланy и вошел в тень на-

клоненного крыла. Несколько человек хотели сопровождать его, но он жестом отстранил их. Надо было вспомнить, как запускается двигатель. Колокол бил все чаще, и все громче звучал в ушах топот отбегающих людей. Человек в желтом помог ему пролезть внутрь сквозь ребра корпуса. Грэм взобрался на сиденье аэронавта, тщательно пристегнулся. Но что это? Человек в желтом указал на две маленькие машины, набирающие высоту в южной стороне. Без сомнения, они поднимались навстречу приближающимся аэропланам. Но сейчас у Грэма была одна задача: взлететь. Ему что-то кричали, о чем-то спрашивали, предупреждали. Это мешало. Нужно было думать о машине, вспомнить каждую подробность предыдущих полетов. Он махнул рукой, отгоняя людей, увидел, что человек в желтом спрыгнул вниз между ребер моноплана, а толпа послушно расступилась и прижалась к решеткам ограждения.

Мгновение Грэм сидел неподвижно, глядя на рычаги, на колесо, перемещавшее двигатель, и на все остальное, — он так мало знал о действии этих хитроумных механизмов. Взглянул на ватерпас; пузырек воздуха был смещен в его сторону. Кое-что вспомнил и потратил десяток секунд

на то, чтобы передвинуть двигатель вперед; пузырек установился посредине трубки. Люди перестали кричать и напряженно наблюдали за его манипуляциями. Пуля ударила в перекладину над головой. Кто стрелял? Свободна ли от людей взлетная полоса? Он привстал, осмотрелся и снова сел.

В следующую секунду пропеллер завертелся, аппарат заскользил по рельсам. Грэм взялся за колесо и сместил двигатель назад, чтобы поднять нос моноплана. Теперь люди опять закричали. Тело пронизала дрожь двигателя, и крики стремительно унеслись назад, ушли вниз, стихли. Ветер засвистел над краем щитка, весь мир с невероятной быстротой рухнул вниз.

Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук — вверх, все вверх. Было приятно ощущать, что он не волнуется, что он спокоен и решителен. Он еще немного опустил хвост машины, открыл клапан в левом крыле и стал подниматься по спирали. Уверенно посмотрел вниз, вверх. Один из монопланов Острога летел наперерез, так что Грэм должен был пройти ниже и под острым углом к его курсу. Аэронавты — крошечные фигурки — смотрели на Грэма. Что они собираются делать? Он напряженно соображал. Один аэронавт поднял карабин,

готовясь выстрелить. Каких ответных действий они ожидали? Внезапно он разгадал их тактику и принял решение. Мгновение апатии прошло. Грэм открыл еще два клапана слева, развернулся к вражеской машине, закрыл клапаны и ринулся прямо на нее, прикрываясь от выстрелов носом моноплана и ветровым щитком. Враги немного ушли в сторону, словно освобождая дорогу. Грэм вздернул нос машины.

Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук. Он стиснул зубы, лицо исказилось непроизвольной гримасой. Удар! Он попал! Удар пришелся под крыло, снизу вверх. Медленно, медленно, как ему показалось, крыло противника словно расширилось от удара. Вот оно пронеслось у него над головой, скользнуло вниз и исчезло из вида.

Грэм понял, что нос его машины опускается. Схватился за рычаги, повернул колесо, отбросил двигатель назад. Моноплан рвануло, нос вздернулся вверх — секунду Грэму казалось, будто он лежит на спине. Машина тряслась и раскачивалась, словно плясала. Он сделал огромное усилие, всей тяжестью навалившись на рычаги, и двигатель медленно пошел вперед. Моноплан поднимался, но теперь не так круто. Грэм на секунду задохнулся, потом снова налег на рычаги. В

ушах свистел ветер. Еще одно усилие, и машина почти совсем выровнялась. Можно было перевести дух. Он стал вертеть головой, высматривая, что произошло с противниками. Повернулся было к рычагам, затем еще раз осмотрелся. На мгновение почудилось, что оба уничтожены. Потом он увидел, что между двумя летными площадками на востоке есть провал, и туда валится что-то плоское, исчезает, как шестипенсовая монетка в щели.

Сначала он ничего не понял, затем его охватило буйное веселье. Он закричал во всю глотку, завопил без слов, и стал подыматься все выше и выше в небо. Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук. «А где второй? — подумал он. — Они что, тоже?..» Обвел взглядом пустые небеса, опасаясь, что вторая машина забралась выше его, но увидел, что она опускается на Норвудскую площадку. Они собирались всего лишь пострелять. Вероятность рухнуть вниз головой с высоты двух тысяч футов — нет, это было чересчур для храбрецов нового времени…

Грэм немного покружился, затем бросил машину в крутой спуск и пошел к западной площадке. Тук, тук, тук, тук, тук, тук. Быстро сгущались сумерки. Дым со Стритемской площадки, прежде

густой и черный, превратился в огненный столб. Полоски и изгибы движущихся путей, прозрачные кровли, купола и ущелья между домами мягко засияли электрическим светом, невидимым при ярком свете дня. На трех действующих площадках, оставшихся в руках сторонников Острога (Уимблдонским парком нельзя было воспользоваться из-за обстрела с Роухамптона, а Стритем превратился в пылающую топку), зажглись сигнальные огни для приближающихся аэропланов. Пролетая над Роухамптоном, Грэм видел на площадке плотную темную толпу народа. Слышал неистовые приветствия. Со стороны Уимблдонского парка просвистела пуля. Грэм набирал высоту, направляясь к пустошам Суррея. Почувствовал дуновение юго-западного ветра; как его учили, приподнял крыло, обращенное на запад, и взмыл вверх, уходя в более разреженные слои воздуха. У-и-р-р, у-и-р-р…

Он поднимался все выше и выше под эту ритмическую пульсацию, пока местность внизу не утонула в голубом тумане, а Лондон лежал вдали, у самого горизонта, как карта, пересеченная линиями света, как маленькая модель города. Юго-запад горел ясным сапфировым светом над темным краем земли, и по мере того как Грэм

забирался выше, зажигались все новые звезды.

Вот оно! На юге, далеко внизу возникли, быстро приближаясь, две полоски туманного света. Затем еще две, затем целый рой стремительно несущихся силуэтов. Вскоре он уже мог сосчитать их. Двадцать четыре. Первая армада аэропланов прибыла! Позади нее появился второй рой, еще больший.

Грэм описал полукруг, вгляделся в надвигающийся флот. Он шел клином — треугольник гигантских фосфоресцирующих теней, летящий низко над землей. Грэм быстро прикинул соотношение скоростей и повернул колесо, перемещая двигатель вперед. Тронул рычаг — вибрация двигателя исчезла. Он начал падать и падал все быстрее. Целился в острие клина. Падал подобно камню сквозь свистящий воздух. Секунда — и он врезался в передовой аэроплан.

Никто из этого множества чернокожих не увидел приближения своей судьбы, никто и думать не мог о ястребе, который ринется на них с небес. Те, кто не страдал от воздушной болезни, вытягивали черные шеи, стараясь разглядеть призрачный город, поднимающийся из тумана, богатый и блестящий город, который «масса Вождь» отдал во власть их послушных мускулов.

Их белые зубы сверкали, глянцевитые лица сияли. Они слышали о том, что было в Париже. Они знали, что им разрешено вволю потешиться над нищим белым отребьем.

И тут на них упал Грэм.

Он целился в корпус аэроплана, но в самый последний момент в голове сверкнула удачная идея. Легкий поворот — удар со всей силой разгона в самый край правого крыла. Грэма подбросило. Нос моноплана скользнул по гладкой поверхности крыла к кромке. Он почувствовал, что огромная машина, продолжая мчаться вперед, тащит моноплан за собой, и мгновение, казавшееся веком, не мог сообразить, что происходит. Потом услышал вопль тысячи глоток и понял, что его машина, покачавшись на краю гигантской плоскости, уходит вниз, вниз; взглянув через плечо, увидел, что несущая балка и противоположное крыло аэроплана взлетают вверх. Между ребрами мелькнули сдвинутые с места сиденья, ошарашенные лица, руки, цепляющиеся за поручни. В дальнем крыле открылись проемы — аэронавт пытался выровнять машину. Позади был виден второй аэроплан, метнувшийся вверх, чтобы избежать воздушного вихря от своего накренившегося собрата. Широкие покачиваю-

щиеся крылья метнулись вверх. Он догадался, что моноплан высвободился; чудовищное сооружение, перевернувшись, повисло над ним, как наклонная стена.

Грэм не сразу понял, что пробил крыло аэроплана и соскользнул с него, но почувствовал, что моноплан свободно планирует вниз и стремительно приближается к земле. Что он натворил? Сердце колотилось под самым горлом, шумно, как мотор, и несколько опасных мгновений он не мог взяться за рычаги — отнялись руки. Наконец взялся, передвинул двигатель назад, секунды две поборолся с его весом, выправил машину, повел ее горизонтально и снова включил мотор.

Он посмотрел вверх и увидел два аэроплана, кружащих высоко над головой, посмотрел назад — армада разлеталась в разные стороны, а подбитый им аэроплан встал на ребро и, как гигантское лезвие ножа, падал на вращающиеся лопасти ветряных колес.

Грэм опустил корму и еще раз огляделся. Летел, не заботясь о направлении. Он видел — сокрушая ветряки, огромное сооружение упало на землю. Нижняя пара крыльев смялась в гармошку под весом аэроплана, затем гигант перевернулся брюхом вверх и, разваливаясь, повис на согнутых

ветряках. Из оседающих обломков взметнулся к зениту тонкий язык белого пламени.

Он увидел, что на него мчится еще одна огромная туша, и взмыл вверх как раз вовремя, чтобы уйти от атаки — если это была атака — второго аэроплана. Тот со свистом пролетел внизу, совсем близко; моноплан провалился футов на шесть и едва не перевернулся от воздушного вихря.

Еще три аэроплана неслись на него — необходимо было проскочить наверх, оставить их внизу. Аэропланы были повсюду, они отчаянно маневрировали — видимо, чтобы избегнуть встречи с ним, — пролетали сзади, сверху, снизу, по сторонам. Далеко на западе послышался шум столкновения, упали два факела. Далеко на юге показалась вторая армада. Грэм упорно набирал высоту. Вскоре все аэропланы оказались внизу, но он сомневался, хватит ли высоты, и пока не атаковал. Затем пошел вниз, на вторую жертву, и солдаты его увидели. Огромная машина накренилась и закачалась, когда обезумевшие от страха люди кинулись на корму за своим оружием. В воздухе запели пули, трещины звездами разбежались на толстом ветровом стекле, защитившем его. Аэроплан снизил скорость, пошел вниз, уходя от удара, но опустился слишком низко. Грэм во-

время заметил ветряные колеса на Бромлийском холме, несущиеся навстречу, отвернул в сторону и вверх, а аэроплан, на который он нацелился, врезался в них. Голоса людей слились в один вопль. Гигантская конструкция секунду стояла вертикально среди шатающихся и разваливающихся ветряков, затем рухнула и рассыпалась на куски. Огромные обломки разлетелись во все стороны, двигатели взорвались, словно артиллерийские снаряды. К темнеющему небу поднялся столб жаркого пламени.

— Второй! — вскрикнул Грэм, услышав взрыв.

Он снова стал пробиваться наверх. Победное веселье и неудержимая жажда действия охватили его. Его стремление к гуманности, неуверенность в себе канули в прошлое навсегда. Он был человеком битвы, был упоен собственной силой. Аэропланы, казалось, рассеивались во все стороны, они хотели только одного — спасения; вопли сотен пассажиров долетали короткими всплесками, когда машины проносились мимо. Он наметил третью жертву, ударил в спешке и не смог опрокинуть ее. Аэроплан ускользнул от него, но разбился, врезавшись в высокий уступ Лондонской стены. Избегая столкновения с ней, Грэм скользнул над темной землей так низко,

что разглядел испуганного кролика, удиравшего вверх по склону. Резкий, крутой подъем, и Грэм полетел над южным Лондоном; кругом было пусто. Справа бушевали сигнальные ракеты сторонников Острога. На юге горели обломки полудюжины воздушных кораблей, остальные спасались бегством — на север, запад, восток. Там они разворачивались и улетали снова на юг, потому что им нельзя было больше оставаться в воздухе. В их теперешнем замешательстве всякая попытка перестроиться была чревата катастрофическими столкновениями.

Он пролетел примерно в двухстах футах над Роухамптонской площадкой. Там было черно от народа, люди неистово кричали. Но почему такая же толпа и крики в Уимблдонском парке? Дым и пламя от горящего Стритема закрывало три дальние площадки. Грэм описал дугу и поднялся выше, чтобы посмотреть, что делается там и в северных кварталах. Первым из завесы дыма выступил квадрат Шутерс-хилла. Площадка была освещена и в полном порядке. Там приземлился аэроплан, из него высаживались негры. Далее показался Блэкхит, из-под пелены дыма выглянул Норвуд. На Блэкхите не сел ни один аэроплан. По площадке Норвуда металось в неистовом

беспорядке скопище маленьких фигурок. Что там происходит? И вдруг он понял. Упорная оборона летных площадок сломлена, народ проник в нижние галереи этих последних оплотов защитников Острога. В этот момент издалека, с северной окраины города донесся и раскатился над городом тяжкий глухой звук — триумфальный аккорд, победный сигнал, — это выстрелила пушка. Губы Грэма приоткрылись, лицо исказилось от волнения.

Он глубоко вздохнул.

— Они побеждают, — крикнул Грэм пустым небесам. — Народ побеждает!

Выстрел второй пушки прозвучал как ответ. И сейчас же Грэм увидел моноплан, взлетающий с Блэкхита. Он пробежал по направляющим, оторвался от площадки, устремился вверх — прочь, на юг.

Грэм мгновенно понял, что это означает: Острог бежит! Он вскрикнул и кинулся в погоню. Используя преимущество в высоте, направил моноплан наискось вниз, настигая врага. При его приближении машина противника стала круто подниматься. Грэм сделал поправку на скорость и пошел прямо на цель.

Внезапно моноплан превратился в тонкую

плоскость, и — что это? — Грэм оказался за ним, продолжая стремиться вперед и вниз со всей энергией своего напрасного рывка.

Он впал в бешеную ярость. Откатил двигатель назад до упора и стал кругами подниматься. Машина Острога тоже крутила спираль и шла вверх. Он полетел к ней и выиграл в высоте за счет разгона и преимущества в весе — там сидели двое. Грэм снова бросился на них — и снова промахнулся! На пролете увидел их лица: аэронавт был холоден и сосредоточен, на лице Острога — твердая решимость. Он не посмотрел в сторону Грэма, уставился прямо перед собой — на юг. Грэм со злостью подумал, каким неуклюжим должен казаться его полет. Внизу показались Кройдонские холмы. Машина снова прыгнула вверх и зависла над противником.

Грэм оглянулся через плечо и вдруг забыл об Остроге. Восточная площадка на Шутерс-хилле, казалось, взлетела в воздух. Яркая вспышка превратилась в высокое серое облако, колпак из пыли и дыма. Мгновение этот колпак стоял неподвижно, из его недр валились огромные металлические конструкции, затем гигантский клубок густого дыма наверху начал разматываться. Народ взорвал эту площадку вместе с

аэропланом! Так же внезапно блеснула вторая вспышка, и серое облако взметнулось над Норвудской площадкой. Пока Грэм смотрел на это, до него докатился глухой удар. Воздушная волна от первого взрыва настигла моноплан. Подбросила его вверх и в сторону.

Мгновение машина падала почти боком, опустив нос, будто не решаясь перевернуться. Грэм стоял на ветровом щитке, вцепившись в колесо управления, качающееся над головой. И тогда ударная волна второго взрыва пришла сбоку.

Он осознал, что цепляется за ребро корпуса, что воздух со свистом несется мимо него вверх. Казалось, он неподвижно висит в небе, обдуваемый ветром. Но земля внизу вращалась — все быстрее и быстрее. Он понял, что падает. Да, он, несомненно, падал. Но не мог посмотреть вниз.

С необыкновенной быстротой он вспомнил все, что случилось после пробуждения: дни сомнений, дни власти и, наконец, ярость от осознания расчетливого предательства Острога.

Все это казалось абсолютно нереальным. Кто он такой? Почему он так крепко цепляется за что-то руками? Почему не разжимает пальцы? Таким падением заканчиваются нескончаемые сны. Сейчас, через мгновение он проснется…

Мысли неслись все стремительней. Увидит ли он снова Элен? Какая нелепость, что не увидит.

И хотя Грэм не мог смотреть вниз, он вдруг почувствовал, что кружащаяся под ним земля уже совсем близко.

Грянул удар, оглушительно затрещали сокрушаемые брусья и стойки.